

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BOOKS

LIBRARY

UNIVERSITY OF

CHICAGO

Троицкой Сергіевої Лавры

ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Опись ~~к~~ ацс г.

ОТДЕЛ

№

12
185

1

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пероховщикова.

Выпуск II

МОСКВА.

Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.

1889.

03488234

474

MAV

РОССІЯ НАКАНУНЪ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

выпускъ I.

Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

выпускъ II.

Политическій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

выпускъ III.

Гражданскій строй Русскаго государства.

выпускъ IV.

Экономическія силы Россіи.

выпускъ V.

Просвѣщеніе Русскаго народа.

выпускъ VI.

Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

выпускъ VII.

Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

выпускъ VIII.

Русская печать.

выпускъ IX.

Москва.

выпускъ X.

Историческая миссія Русскаго народа.

Считаемъ долгомъ объяснить причины, замедлившія изданіе настоящаго выпуска: уже при обработкѣ I выпуска мы убѣдились, что ранѣе предположенный для каждаго выпуска незначительный по размѣрамъ объемъ неудобенъ для осуществленія плана нашего сочиненія во всей его полнотѣ.

Приступая къ работамъ по изданію II выпуска, мы настолько утвердились въ этомъ убѣжденіи, что вынуждены были измѣнить даже первоначальный порядокъ сочиненія, выдѣливъ изъ настоящаго выпуска цѣлый отдѣлъ и ограничивъ его разсмотрѣніемъ лишь политическаго строя и вооруженныхъ силъ Россіи.

Вслѣдствіе того гражданскому строю Русскаго государства будетъ посвященъ особый, III выпускъ, и такимъ образомъ все сочиненіе составитъ уже не *девять* выпусковъ, ранѣе объявленныхъ, а *десять*.

II.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе будетъ со II выпуска печататься *безъ* предварительной цензуры, такъ какъ каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ; въ виду сего и подписная цѣна на все изданіе увеличивается съ 6 р. (за 9 выпусковъ) до 8 р. (за 10 выпусковъ) съ доставкой и пересылкой. Увеличеніе это не коснется, впрочемъ, подписокъ уже состоявшихся, и по всѣмъ такимъ г.г. подписчики получаютъ всѣ 10 выпусковъ за прежнюю подписную цѣну.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ.

Политическій строй Русскаго государства.

- Глава I. Самодержавіе, какъ основа Русской исторической жизни.
 - Глава II. Прочность политическихъ учрежденій, какъ залогъ государственнаго могущества.
 - Глава III. Самодержавіе въ ряду другихъ политическихъ учрежденій.
 - Глава IV. Посягательства на самодержавную форму правленія.
-

Вооруженныя силы Русскаго народа.

- Глава I. Организациа и числительный составъ Русской арміи. Комплектованіе арміи. Управление войсками въ мирное и военное время.
- Глава II. Довольствіе войскъ. Содержаніе нижнихъ чиновъ и офицеровъ.
- Глава III. Способъ снабженія дѣйствующей арміи въ военное время.

II.

- Глава IV.** Вооруженіе и обученіе войскъ, ихъ дисциплина и духъ. Взысканія и награды.
- Глава V.** Условія вооруженнаго столкновенія съ западными сосѣдями. Сравненіе числительнаго состава войскъ. Мобилизація и сосредоточеніе войскъ. Вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій и его свойства.
- Глава VI.** Русскій флотъ, его составъ и качества.
- Глава VII.** Наши задачи на морѣ. Необходимость для Россіи сильнаго крейсерскаго флота и свободнаго выхода въ океанъ.
- Глава VIII.** Личный составъ флота. Цензъ и служебное положеніе офицеровъ. Недостатокъ специальныхъ знаній. Необходимость въ плаваніяхъ. Адмиралтейства, заводы, портовые запасы.
- Глава IX.** *Pia desideria.*
-

**Политическій строй русскаго
государства. .**

I.

Самодержавіе, какъ основа руской
исторической жизни.

Въ нашей исторической наукѣ существуетъ *quasi*-либеральное направленіе, котораго преимущественною, хотя и не похвальною задачей является — неосновательно скептическимъ отношеніемъ къ повѣствованіямъ нашихъ бытописателей подрывать вѣру въ правдивость тѣхъ или другихъ событій, имѣющихъ связь съ первоначальнымъ возникновеніемъ Русской Державы.

Представители этой мнимо-ученой школы не отступятъ ни предъ какими натяжками, не стѣсняются никакими уловками логики и діалектики для того, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на то или другое извѣстіе, разъ оно въ благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ нравы первобытнаго русскаго народа, обычаи его, образъ мыслей и дѣйствій.

Нечего и говорить, что такой картинный фактъ по-

литического разумѣнія, какой обнаруженъ нашими предками въ извѣстномъ ихъ обращеніи къ Варягамъ за князьями — колетъ глаза этой „исторической“ школѣ и своею простотой, и тѣмъ глубокимъ политическимъ смысломъ, какой они этимъ обращеніемъ проявили.

„Идите княжить и владѣть нами: земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ.“ Возможно ли повѣрить — разсуждаютъ наши либералы исторической науки, — чтобы цѣлый народъ сознательно и осмысленно отказался отъ своей политической свободы въ пользу какихъ-то чуждыхъ витязей, выписанныхъ нарочно, по его требованію, изъ-за моря, поступилъ ради нихъ своими правами и вольностями и самъ озабочился учрежденіемъ вѣчнаго надъ собою господства иноземцевъ?

А посему — заключаютъ они — все повѣствованіе лѣтописца о призваніи Рюрика, Синеуса и Трувора — не лѣпная басня, а не историческій фактъ; заключаютъ, не основавшись на достаточно твердыхъ послылкахъ, не имѣя къмъ замѣстить на первыхъ же страницахъ Русской исторіи этихъ выметенныхъ ими изъ ея предѣловъ основателей Руси, и потому начиная ея исторію не съ Рюрика, какъ раньше полагалось, а прямо съ его внука Игоря.

Предоставимъ такихъ либеральныхъ ученыхъ ихъ историческимъ шатаніямъ, которымъ, конечно, трудно и предѣлы указать, и, не входя въ пререканія съ ними о ихъ вандализмѣ надъ важнѣйшими святынями древнерусской исторіи, отнесемъ къ послѣднимъ съ тѣмъ почтеніемъ, коего онѣ заслуживаютъ, не говоря уже о ихъ далеко не опровергнутой фактической достовѣрности, уже по одному внутреннему соотвѣтствію съ нравственнымъ складомъ русскаго народнаго пониманія, по нравственной гармоніи съ народными обычаями

и воззрѣніями, и наконецъ—по сходственнымъ съ ними проявленіямъ народной воли въ послѣдующіе, безспорно достовѣрные періоды русской исторіи.

Что можетъ быть естественнѣе, когда народъ, раздѣленный топографическими и климатическими условіями на множество племенъ, но одаренный чуткимъ и сильнымъ инстинктомъ гражданственности, утомленный безконечными племенными распрями и раздорами, отчаявшійся прекратить ихъ естественнымъ путемъ мирныхъ соглашеній, безсильный учредить среди себя порядокъ, чтобы подъ сѣнію его пользоваться изобиліемъ своей великой земли, для осуществленія этихъ элементарныхъ цѣлей человѣческой общественности прибѣгаетъ не къ испытаннымъ уже среди него средствамъ въ образѣ Новгородской вольницы, очевидно не пользовавшейся его нравственными симпатіями, а къ созданію надъ собою сильной, безпристрастной, нелицепріятной власти, чуждой племенныхъ симпатій и антипатій?

Что неестественнаго въ томъ, что народные взоры въ этомъ случаѣ обратились къ витязямъ славнаго въ то время Норманскаго народа, уже показавшаго свои созидательныя государственныя способности и свою настойчивость въ достиженіи политическихъ цѣлей?

Добровольный отказъ отъ своей племенной свободы и кажущейся независимости не свидѣтельствуетъ ли, развѣ, о глубокомъ практическомъ смыслѣ, присущемъ и въ то время разбросаннымъ по необъятному пространству Руси племенамъ, а отказъ въ пользу именно Варяжскихъ иноземцевъ—и о зачаткахъ той по истинѣ великой политической и государственной мудрости, какую проявилъ русскій народъ въ послѣдующемъ строеніи своей Державы?

Инстинктивно жаждая обезпечить себѣ вожделѣнный порядокъ повседневной жизни браздами верховной власти, не желалъ ли онъ, также инстинктивно, застраховать себя и отъ племенной гегемоніи, которая грозила бы его благосостоянію?

Какъ бы то ни было, *народная воля* въ этомъ рѣшеніи ясно высказалась за верховную власть въ смыслѣ единодержавія, и обстоятельства, вскорѣ соединившія властительство надъ Русью въ рукѣ одного Рюрика, какъ нельзя болѣе благопріятствовали такому рѣшенію. И если сами Рюриковичи долго не принимали его въ соображеніе, подѣляя свои владѣнія между всѣми наличными своими представителями, то это было гибельною ошибкой и для нихъ самихъ, и для ихъ новаго отечества: этой ошибкѣ они обязаны всѣми нестроеніями и смутами въ ихъ многочисленномъ родѣ, а Россія тяжкимъ періодомъ удѣльныхъ распрей, политическаго безсилія и монгольскаго ига.

Что же касается народа, то онъ, въ первое время новой династіи очевидно заботясь не столько о ея интересахъ, сколько о сохраненіи обезпечиваемаго ею порядка и благосостоянія, неоднократно высказывалъ свое расположеніе къ единодержавной формѣ правленія, обнаруживая сочувствіе не къ тѣмъ претендентамъ на верховную власть, которые имѣли наиболѣе правъ на нее, а къ тѣмъ, которые, по характеру своей предыдущей дѣятельности, обѣщали твердо держать ее въ своихъ рукахъ и самостоятельнѣе ею пользоваться.

Опуская рядъ случаевъ, когда народъ безмолвнымъ сочувствіемъ освящалъ за тѣмъ или другимъ княземъ единовластіе, достигнутое имъ хотя бы съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій справедливости, укажемъ лишь на одинъ случай, когда воля народная

оказалась въ этомъ смыслѣ съ особою настойчивостью.

Это было въ Кіевѣ, престолъ коего слѣдовало, по праву, Давиду или Олегу Святославичамъ: но народъ, минуя этихъ законныхъ наслѣдниковъ, шлетъ отъ себя посольство къ Владиміру Мономаху, какъ къ своему избранику, приглашая его занять вакантное княжеское мѣсто. Сидѣвшій въ Переяславѣ Владиміръ, не считая благоприличнымъ садиться на чужое мѣсто, отказывается, но народъ настаиваетъ на просьбѣ. „Князь“, зоветъ онъ его: „иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, то знай, что поднимется большое зло..., и ты будешь отвѣчать предъ Богомъ“...

Только послѣ этой усиленной просьбы Владиміръ поспѣшилъ на зовъ народа и сѣлъ княжить въ Кіевѣ.

Чѣмъ же, однако, объяснялось со стороны народа это настойчивое желаніе видѣть своимъ княземъ именно его?

Отчасти, конечно, и тѣмъ, что онъ отличался отъ всѣхъ своихъ родичей и братьевъ полнотою и умственныхъ, и нравственныхъ качествъ; но безспорно, что главнѣйшимъ къ тому основаніемъ была, сравнительно съ другими князьями, большая самостоятельность въ его дѣйствіяхъ, большая склонность къ единодержавной, ничѣмъ не ограничиваемой верховной власти. Извѣстно, что Владиміръ Мономахъ, какъ и Ярославъ Мудрый, умѣлъ сдѣлать себя главою княжескаго рода, старшимъ членомъ династіи, законодателемъ, писавшимъ уставы для всей Русской земли по единоличному рѣшенію, не спрашивая непремѣннаго согласія удѣльныхъ князей; извѣстно, что и вообще онъ съ ними не особенно церемонился: младшіе члены

династїи считали необходимымъ повиноваться ему какъ дѣти отцу, а непокорныхъ изъ нихъ онъ и наказывалъ, какъ строгій отецъ—отнимая у нихъ удѣлы, которыми они владѣли.

Вотъ эти то именно, такъ сказать, замашки самодержавія, какъ нельзя болѣе отвѣчавшіе идеалу верховной власти, слагавшемуся въ народѣ подъ впечатлѣніемъ то безконечныхъ раздоровъ прежняго, раздробленно-племеннаго существованія, то смѣниваемаго ихъ смутнаго времени первыхъ Рюриковичей, и привлекали народныя симпатїи и къ Владимиру Равноапостольному, и къ Ярославу Мудрому, и, въ данномъ случаѣ, къ Владимиру Мономаху, и не разразись надъ тогдашнею Русью, недолго спустя послѣ этого государя, тяжкій ударъ судьбы, выразившійся въ татарскомъ нашествїи и въ порабощенїи иновѣрному и чужеземному игу азїатскихъ деспотовъ, несомнѣнно, что для окончательнаго утвержденія наслѣдственнаго надъ Русью самодержавія достаточно было бы нѣсколькихъ поколѣній.

Промыслъ Божїй судилъ иначе: монгольское плѣненіе остановило надолго развитіе Русской политической и государственной жизни, но какъ бы для того именно, чтобы еще прочнѣе укрѣпить въ народномъ сознанїи идею самодержавной власти, отсутствїемъ которой въ роковую минуту татарскаго набѣга въ достаточной степени объяснялась и слабость отпора со стороны разединенной удѣлами Руси, и тяжесть пораженія, выпавшаго на ея долю, и, какъ результатъ этого пораженія, сравнительно бѣльшая тягость порабощенія.

И когда, послѣ цѣлаго ряда поколѣній, и родившихся и умиравшихъ подъ ненавистнымъ игомъ, Москва, обязанная своимъ возвышеніемъ, между прочимъ, и

традиціонному стремленію къ самовластію или вѣрнѣе къ единовластію своихъ князей, ощутила въ себѣ достаточно силъ за годы рабскихъ униженій, терпѣливо ею перенесенныхъ, отомстить своимъ угнетателямъ честнымъ боемъ въ открытомъ полѣ, и ея смѣлый шагъ увѣнчался успѣхомъ—выѣстъ съ тѣмъ пробилъ часть и послѣднимъ остаткамъ удѣльнаго сепаратизма, вскорѣ уступившаго мѣсто наслѣдственному самодержавію въ лицѣ старшаго представителя династіи Рюриковичей, которая окончательно утвердилась на престолѣ Московскомъ и всея Руси.

Что не только не вопреки народной волѣ, а напротивъ, во исполненіе искреннихъ, всеобщихъ желаній и стремленій народа такимъ образомъ завершилось утвержденіе надъ нимъ политической верховной власти, лучшимъ тому доказательствомъ является вся исторія Московскаго княжества въ періодъ его возвышенія.

Нельзя отрицать того, что политика собирателей Руси была безпощадная и жестокая, чуждая соображеній личнаго человѣколюбія и даже родственнаго чувства, основанная на суровыхъ требованіяхъ государственной необходимости, во первыхъ, на эгоистическихъ интересахъ Московской гегемоніи и личныхъ династическихъ выгодахъ—во вторыхъ.

Нельзя утверждать и того, чтобы съ возвышеніемъ Московскаго княжества надъ остальными удѣльными народная масса сразу ощутила въ своей бытовой жизни значительныя улучшенія или облегченія, которыя могли бы, такъ сказать, подкупать ее нравственно въ пользу московскихъ князей: напротивъ, къ своей удѣльной меньшей братіи являясь и политически жестокосердыми, и часто даже лично несправедливыми, безпрічинно притязательными и высокомерными, московскіе

князя, нельзя сказать, чтобъ съ особенной заботливостью и благодушіемъ относились и къ своимъ подданнымъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ общественныхъ классовъ.

Что касается прежней княжеской дружины, то ея значеніе, выражавшееся въ самомъ ея названіи, въ Московскомъ княжествѣ радикально измѣнилось: выродившіеся изъ нея бояре, составляя по прежнему придворную знать, считались уже не товарищами своего государя на бранномъ полѣ, не дружественными совѣтниками князя въ дѣлахъ государственныхъ, а вѣрноподанными слугами на основаніяхъ безусловной покорности и полнаго подчиненія, немногимъ чѣмъ отличавшихся отъ личнаго рабства.

Что касается остальныхъ классовъ населенія, то городскіе жители въ эту эпоху строенія государства, естественно, и не могли наслаждаться благопріятными условіями прочной гражданственности: до гражданского ли благоустройства было, когда требовались подати и на государство, и на татарскую дань, и кромѣ того — то и дѣло приходилось трепетать и за имущество, и за женъ и дѣтей, и за собственную жизнь, или жертвовать послѣднею на защиту первыхъ?

Эти же препятствія на пути гражданского благосостоянія и преуспѣянія еще рѣзче проявлялись и въ жизни народныхъ массъ, которыя въ это страдное время русской исторіи едва ли и могли представлять что либо, кромѣ матеріала для добыванія средствъ на оплату унижительной дани, на подкупы ордынскихъ временщиковъ и для формированія ратныхъ полчищъ противу татарскихъ нашествій.

Такимъ образомъ, первые начатки самодержавія шли, въ сознаніи русскаго народа, параллельно съ

самыми тяжкими, необычайно суровыми условиями гражданского быта — условиями, по видимому, ничуть не благоприятствовавшими его упрочению и утверждению идеи самодержавия в народных политических воззрениях. Тем не менее, эта идея в этот именно тяжкий период собирания Руси около Москвы преимущественно и властвовала над разумом народа, покоряя себя сердца русских людей, изнывавших под бременем многообразных тягостей, невзгод и бедствий, так что когда, наконец, по совершении минования ордынского ярма, Москва простерла свой суровый скипетр над всею Россіей, раздавив не только удальных протестантов, но и исторически сложившуюся республиканскую вольницу Новгорода и Пскова—эта же эпоха ознаменовалась окончательным торжеством наследственного самодержавия.

И сколь широко понимал народ эту именно форму верховной власти, сколь искренно предался ей, сколь покорно подчинялся всем не только стеснительным для его свободы требованиям, но и нерядким ею злоупотреблениям—не лучше ли всего доказывает примѣръ Іоанна IV, который ни разнообразіем пороковъ, гнѣдившихся въ немъ, ни безчисленнымъ множествомъ кровавыхъ ужасовъ, звѣрствъ и преступленій, омрачавшихъ каждый день и чуть не каждый часъ его жизни, не возбудилъ въ своихъ подданныхъ ни презрѣнія, ни отвращенія, ни ненависти къ себѣ, и лишь названіемъ „Грознаго“ народъ обозначилъ въ своей памяти его имя? И инстинктивная сдержанность даже языка народнаго въ обозначеніи характеристическихъ свойствъ Грознаго царя не служитъ ли наилучшимъ доказательствомъ почтенія, благоговѣнія и любви народной къ тому принципу:

самодержавной власти, вѣнчаннымъ представителемъ и выразителемъ котораго являлся Іоаннъ IV? А безъ этихъ чувствъ почтенія, благоговѣнія и любви развѣ мыслимы были бы тѣ снисходительность и долготерпѣніе, съ какими народъ переносилъ его много-различныя неистовства, не отзываясь на нихъ ни возмущеніями, ни раздраженіемъ, ни даже проявленіями недовольства? Народъ, очевидно, инстинктивно понималъ, что достоинство самодержавной власти въ существѣ ея отнюдь не умаляется тѣмъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, что временно и случайно она можетъ дѣлаться достояніемъ людей, не вполне ея достойныхъ, и что временный и случайный ущербъ, наносимый послѣдними идеѣ самодержавія, съ лихвою восполняется тою полнотою и широтою благотворнаго воздѣйствія, которое присуще самодержавію, когда оно сосредоточивается въ лицѣ, сознающемъ и высоту своего положенія, и глубину своей нравственной отвѣтственности предъ Богомъ, своею совѣстью и народомъ.

Что такое воззрѣніе проникло, такъ сказать, въ плоть и кровь народа—доказывается неоднократно послѣдующею его исторіей.

Кто бы помѣшалъ народу ввести, какія бы ни были ему желательны, ограниченія верховной власти въ государственное право Россіи, напримѣръ, послѣ междуцарствія, при основаніи новой династіи? И однакожъ никому изъ русскихъ людей и на умъ не вспало торговаться съ своимъ избранникомъ о своихъ правахъ и его обязанностяхъ, хотя, быть можетъ, поводы къ тому и нашлись бы не лишенные нѣкотораго основанія: высшій классъ народа—бояре—далеко не успѣли къ тому времени примириться съ новосозданнымъ жизнью положеніемъ своимъ при особѣ государя,

положеніемъ, въ силу коего они *de facto* и *de jure* превратились изъ притязательныхъ дружинниковъ въ покорныхъ слугъ и *нижайшихъ холопей*, не смотря на то, что въ значительной части своей происходили отъ Рюрика и Гедимины; низшій классъ, крестьяне—также едва ли могли примириться съ знаменитымъ въ русской исторіи Юрьевымъ днемъ, положившимъ начало и основаніе крѣпостной зависимости и личному рабству, едва ли пріятному для массы крестьянскаго населенія.

Обращаясь къ внуку народнаго избранника, великому реформатору Россіи, Петру I, не видимъ ли мы во всей системѣ его преобразованій, въ ихъ духѣ и подробностяхъ ихъ осуществленія, именно торжества неограниченно-самодержавной верховной власти?

Чтобы поставить стремленія своей единоличной воли, высказывавшейся постоянно и откровенно въ разрѣзъ съ самыми любезными народу воззрѣніями, преданіями и обычаями, шедшей всегда почти противъ самыхъ священныхъ народныхъ вѣрованій, непреложнымъ закономъ для миллионовъ этого народа—едва ли бы хватило даже той упорной настойчивости и непреклонной энергіи, которыя составляли отличительныя черты въ великомъ характерѣ Петра, еслибъ его воля и энергія не находили себѣ могущественной поддержки въ самомъ народѣ: къ счастью для Петра и, безъ сомнѣнія, для Россіи—и противъ козней сестры-царевны, и противъ стрѣleckихъ возмущеній, и противъ глухого ропота приверженцевъ старины, и противъ фанатическаго антагонизма старообрядцевъ, онъ имѣлъ непобѣдимымъ оружіемъ—искреннее вѣрованіе народа въ святость верховной власти, въ священное достоинство божественнаго самодержца, предъ волею котораго до-стоитъ преклониться даже и волѣ всего народа.

Не этому ли именно спасительному народному вѣрованію обязана Россія тѣмъ счастливымъ обстоятельствомъ, что даже и ненавистныя значительной части населенія новшества, связанныя съ немалымъ отягощеніемъ народной массы, не поколебали въ народѣ ни преданности къ царю, ни покорности его велѣніямъ, какъ бы ни расходились послѣднія съ понятіями и воззрѣніями народа, какъ бы ни были оскорбительны его преданіямъ и обычаямъ?

Говорить ли о тѣхъ случаяхъ ближайшаго къ намъ времени, когда народъ свидѣтельствовалъ свою вѣру въ священный принципъ самодержавія, оставаясь глухъ къ льстивымъ увѣреніямъ въ необходимости его устраненія или ограниченія, и посрамляя своимъ пассивнымъ отношеніемъ ухищренія льстецовъ, внушавшихъ эту измѣну его традиционнымъ политическимъ убѣжденіямъ?

Не забавенъ ли эпизодъ, сопровождавшій вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны, племянницы Великаго Петра? Неопытная ни въ политическихъ дѣлахъ, ни въ придворныхъ интригахъ претендентка уже дала согласіе на конституціонныя ограниченія своей самодержавной власти, настойчиво требовавшіяся отъ нея немногочисленною, но много въ ея глазахъ значившею партией царедворцевъ, которые изъ своего знакомства съ Европой счумѣли извлечь лишь рабское поклоненіе чуждымъ Россіи правительственнымъ формамъ, да высокомѣрное презрѣніе къ священнымъ завѣтамъ своей исторіи: русской самодержавной власти грозила серьезная, неминуемая бѣда, еслибъ отъ нея не спасла излюбленную народомъ форму правленія — кто бы могъ подумать? — горсть гвардейскихъ солдатъ, занимавшихъ караулы во дворцѣ. Бравые, честные гвардейцы, не потерявшіе подъ своими европейскими мундирами ни народного по-

литического смысла, ни исторического инстинкта, провѣдавъ о готовившемся поруганіи надъ величайшею политическою святыней Русокаго Царства, возстали противъ него, силою своего вліянія ободрили претендентку, и въ результатъ получился отказъ ея отъ обѣщанныхъ ею уступокъ и воцареніе на тронѣ своего незабвеннаго дяди въ томъ же лучезарномъ блескѣ неограниченнаго самодержавія.

Извѣстны смуты, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая Павловича: вопросъ о престолонаслѣдіи, мирно разрѣшенный въ нѣдрахъ царственного семейства, послужилъ тогдашнимъ ворами земли Русской удобнымъ предлогомъ къ возбужденію въ обществѣ и арміи такъ называемыхъ конституціонныхъ идей. Лучше ихъ понимая народъ свой, юный царь-герой маниемъ державной руки разсѣялъ смутную агитацію, подробности которой, при разслѣдованіи, оказались даже не лишенными комизма. Такъ, выяснилось, что заговорщики, измѣннически служившіе безсмысленной агитаціи, внушая народу и войску конституціонныя вождедѣнія, приказывали имъ, при наступленіи въ томъ надобности, единогласно требовать отъ правительства *конституции*. А такъ какъ православному русаку того времени не могло быть понятно такое мудреное слово, да и растолковать его значеніе и смыслъ возможности не представлялось, то онъ и оставленъ былъ своими учителями въ заблужденіи о томъ, будто конституція не иное что, какъ Константинова жена. Послѣднее было много понятнѣе, тѣмъ болѣе, что конституціонныя затѣи тогдашнихъ измѣнниковъ ими самими были поставлены въ связь съ требованіями, чтобы на престолъ Россіи, вопреки собственной волѣ, возшелъ только что добровольно

отрекшійся отъ него великій князь Константинъ Павловичъ.

Такъ комично разрѣшились оба эти покушенія на историческую основу нашего государственнаго строя, именуемую самодержавіемъ, основу, излюбленную народомъ, освященную церковію, незыблемо укрѣпленную тѣми успѣхами на всѣхъ поприщахъ политической и общественной жизни, которымъ дивятся и завидуютъ старшіе братья Русскаго народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что если и на будущее время не избудутъ воры на землѣ Русской, народъ всегда будетъ оказывать имъ точно такой же пріемъ, какъ и доселѣ, пока, наконецъ, они не убѣдятся, что несокрушимое самодержавіе Русскихъ вѣнценосцевъ не способно подаваться предъ забавными противъ него покушеніями ничтожныхъ пигмеевъ политическаго суета, какъ и впервые насажденное на русской почвѣ, и утвержденное на ней не одними усиліями правителей, не однимъ случайнымъ расположеніемъ политическихъ обстоятельствъ, но многократно и настойчиво заявленою *волею* самого Русскаго *народа*.

II.

Прочность политическихъ учрежденій,
какъ залогъ государственнаго могуще-
ства.

„О вкусахъ не спорять“ — говоритъ пословица все-
мїрная; „что городъ, то норы, что деревня, то обы-
чай“ — свидѣтельствуеъ пословица русская, а другая
прибавляетъ: „сколько головъ, столько умовъ“.

Если обобщить эти правила практической мудрости
и приложить ихъ ко всей совокупности племенъ и на-
родовъ, составляющихъ человѣчество, станетъ понят-
нымъ различіе формъ, въ какихъ проявляется по-
литическая, государственная и общественная жизнь
каждаго народа. Какъ въ области частной жизни вни-
мательное наблюденіе можетъ открыть въ каждой
семьѣ, въ каждомъ сожителствѣ нѣсколькихъ людей
особый строй повседневной жизни, особый характеръ
хозяйственныхъ и прочихъ распоряжковъ, особыя, имъ
только свойственныя привычки и вкусы — такъ и въ
несчетной семьѣ, именуемой родомъ человѣческимъ,
каждая національная, племенная, политическая единица
блещетъ своими особенностями, ей одной свойствен-
ными, начиная съ языка и религіи, продолжая обычая-
ми и вкусами, и кончая политическими и гражданскими
учрежденіями, обезпечивающими болѣе или менѣ пра-
вильное теченіе общественной и частной жизни. И чѣмъ

оригинальнѣе, крѣпче, прочнѣе и надежнѣе организмъ той или другой такой единицы, тѣмъ болѣе своеобразны особенности ея быта, нами указанныя, тѣмъ дороже они для общества, составляющаго эту единицу, тѣмъ необходимѣе для нормальнаго теченія его жизни.

Франція отъ Германіи отличается и языкомъ, и религіей; но далеко не ими одними: не менѣе отличается она и національною одеждою, и національными вкусами, и національными яствами и питьями, и народными правами и обычаями, и всѣмъ вообще разнообразіемъ предметовъ и отправленій, изъ которыхъ слагается чело-вѣческая жизнь во всемъ многообразіи ея проявленій.

Еще болѣе отличается и отъ первой, и даже отъ второй—Англія, несмотря на то, что исповѣдуетъ одно и тоже протестантство, какъ и Германія: складъ всей англійской жизни представляетъ собою, во всѣхъ подробностяхъ ея учреждений и живущаго на нихъ повседневнаго быта, явленіе совершенно отличное отъ того, какое представляется первыми двумя.

Въ свою очередь, второстепенныя европейскія національности: испанская, италіянская, шведская и датская—несмотря на свое первоначальное, отражающееся даже въ ихъ языкѣ, сродство у однихъ съ Франціей, у другихъ съ Германіей—представляютъ собою, какъ въ общемъ такъ и въ частностяхъ, совершенно особые національные типы, поразительно разнящіеся и отъ французскаго, и отъ германскаго.

Что касается Россіи—особность ея національнаго типа отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ народностей выражается еще несравненно рельефнѣе и потому, что она сравнительно недавно приняла участіе въ обще-европейской культурной жизни, и проявляется рѣшительно во всемъ: въ религіи и ея обрядностяхъ, въ

языкъ и его литературѣ, въ народныхъ обычаяхъ и вкусахъ, въ покроѣ платья, въ общеупотребительныхъ яствахъ и питьяхъ, и т. д. т. п. Все это такъ очевидно и понятно, что не заслуживаетъ подробныхъ разъясненій и разсужденій, тѣмъ болѣе, что и самъ нашъ народъ, въ извѣстной поговоркѣ своей: „что русскому здорово, то нѣмцу—смерть“, коротко и ясно засвидѣтельствовалъ свою національную особность отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, а въ лицѣ ихъ и отъ остальныхъ европейскихъ народовъ.

И чѣмъ эти особенности, присущія каждой національности, сѣумѣвшей и успѣвшей исторически выразить свой духъ и характеръ, рельефнѣе и постояннѣе, тѣмъ и національность устойчивѣе и живучѣе: Англія тѣмъ и крѣпка, что не только умѣла сохранить, какъ святыню, свои обычаи, но и продолжаетъ охранять ихъ чуть не фанатически. На оборотъ, Франція, вѣчная страна моды, а слѣдовательно и всевозможной новизны, легкомыслія и непостоянства, этими именно свойствами и успѣла ослабить самое себя до того далеко не блестящаго положенія, въ какомъ теперь находится послѣ того величія, коимъ не разъ удивляла Европу въ теченіе своей многовѣковой славной исторіи.

Къ разряду такихъ особенностей того или другаго національнаго типа относятся, безъ сомнѣнія, и политическія учрежденія каждаго народа, какъ могущественнѣйшіе, наравнѣ съ религіей и языкомъ, факторы народной жизни. И чѣмъ опредѣленнѣе выработаны исторіей народа эти его учрежденія, тѣмъ его положеніе прочнѣе, его силы крѣпче, его сознаніе яснѣе: пусть философы и ученые, разсматривая съ разныхъ сторонъ достоинства и недостатки различныхъ поли-

тическихъ учреждений, однимъ изъ нихъ отдають преимущество, какъ наиболѣе совершеннымъ, другія признають посредственными, третьи бракують какъ вовсе негодныя. Для народа первѣе и важнѣе всего—чтобы эти учрежденія были созданы *его волей*, выработаны *его собственнымъ историческимъ трудомъ*, составляли *его историческое наслѣдіе*.

Великій народъ Нового Свѣта избралъ, съ первыхъ же дней своего политическаго существованія, республиканскую форму политическихъ учреждений: что бы ни стали возражать противъ нея, сколь бы ни были справедливы и основательны эти возраженія, но Соединенные Штаты составляли и теперь составляютъ республику, которой не прочь позавидовать большинство государствъ и народовъ. А Францію, страну исконно-монархическую, посмотрите, до чего довела также самая республиканская форма политическихъ учреждений, надѣтая на народныя плечи по чужой рекомендаціи и по чуждымъ народу образцамъ!

Конституція Соединенныхъ Королевствъ возбуждаетъ противъ себя много весьма нелестныхъ отзывовъ, и въ ней дѣйствительно, пожалуй, больше недостатковъ чѣмъ достоинствъ, болѣе логическихъ несообразностей, чѣмъ здраваго смысла: но это не мѣшаетъ англійскому народу, подѣ сѣнію своихъ несовершенныхъ конституціонныхъ учреждений, пользоваться извѣстною степенью благосостоянія и преуспѣвать на многоразличныхъ поприщахъ гражданскаго быта по той простой причинѣ, что его конституція, отъ перваго до послѣдняго слова, есть его собственный трудъ, результатъ всей его исторіи, тогда какъ тѣ народы и народцы, которые, изъ рабской подражательности, нарядили свои политическія учрежденія въ подобную

англійской форму, не знаютъ что съ нею дѣлать, куда ее дѣвать и чѣмъ замѣнить, и если терпятъ, не смотря на всю ея для нихъ непригодность, то развѣ только за неимѣніемъ, что бы поставить на ея мѣсто.

Неограниченное самодержавіе, и Промыслъ Божій, и *волю* самого *народа* предназначенное быть единственною, цѣльною формою политическаго существованія Россіи, подвергается наибольшимъ и ожесточеннѣйшимъ нападкамъ ея враговъ и завистниковъ, а съ ихъ голоса—и ея недостойныхъ сыновъ, которые измѣняютъ преданіямъ своей исторіи и здравому смыслу въ угоду теоретическимъ измышленіямъ мнимо-либеральной, въ существѣ же только лишь слѣпо-разрушительной философіи. Въ слѣдующей главѣ мы стараемся обрисовать сущность и сравнительныя достоинства каждой изъ указываемыхъ формъ политической жизни народныхъ организмовъ, теперь же ограничимся лишь слѣдующими соображеніями.

Пусть вольные мыслители либеральнаго направленія громятъ неограниченно-самодержавную форму верховной власти модными кличками азіатскаго деспотизма и абсолютизма, пусть объявляютъ ее несоотвѣтственной кореннымъ началамъ общественной жизни и основнымъ требованіямъ человѣческаго разума: но ее, худо ли хорошо ли, создалъ самъ *народъ*, за ея развитіемъ тщательно слѣдилъ, отъ какихъ-бы то ни было искаженій ревниво ее оберегалъ—и если такъ относился къ ней еще въ тѣ времена, когда былъ незначительнымъ, полудикимъ народомъ, то теперь ли, когда ему минуло тысячу лѣтъ, когда, подъ сѣнію этой власти, онъ достигъ и политическаго величія, и всемірной славы, и сравнительнаго съ прошлымъ благосостоянія, теперь ли ему сбрасывать съ себя ее? И сбрасывать для того, чтобъ

съ барскаго плеча отживающихъ или пережившихъ себя государствъ надѣтъ на себя, напримѣръ, конституціонную мантию, достаточно полинявшую и износившуюся за послѣднее время даже и въ тѣхъ государствахъ, которыя издавна сжились съ ней?

Говоря сравненіями, не значило ли бы это — русскому крестьянину снять традиціонный овчинный тулупъ и облечь себя марсельскою блузой? Или не похоже ли бы это было на то, какъ еслибъ свои щи и кашу онъ промѣнялъ на германскую чечевичную похлебку или итальянскія макароны, а англичанинъ свой ростбифъ на турецкій пилавъ или гороховую колбасу? Нѣтъ сомнѣнія, что каждое изъ названныхъ одѣяній имѣетъ и свои достоинства, и свои неудобства; каждое изъ названныхъ блюдъ можетъ удовлетворять и вкусъ, и аппетитъ. Но, спрашивается, какая же надобность человѣку въ здоровомъ разсудкѣ, живущему въ климатѣ, гдѣ и овчина не всегда гарантируетъ тепло, бросать ее ради сквозной блузы? Или, при изобиліи капусты и гречневой крупы, привычныхъ и здоровыхъ для желудка, обременять его такими сядьями, съ которыми ему придется еще свыкаться, да быть можетъ и безуспѣшно?

Продолжимъ сравненія: отечество наше нерѣдко, въ злобныхъ шуткахъ, сравниваютъ съ бѣлымъ медвѣдемъ подвластныхъ ему полярныхъ странъ; примиримся съ этимъ сравненіемъ и остановимся на немъ: что же, есть ли смыслъ этому медвѣдю, презрѣвъ естественныя условія своей жизни, незыблемыя и неизмѣнныя отъ ея начала, бросаться въ океанъ, чтобы извѣдать тамъ обстановку, въ какой живутъ киты и акулы?

Да и вообще: форма верховной власти, управляющей тѣмъ или другимъ народнымъ организмомъ, какая бы

она ни была—такая ли незначительная вещь, чтобы ее можно было замѣнить другою всякій разъ, когда это взбредетъ на умъ нѣсколькимъ головамъ, запутавшимся въ паутинѣ либеральныхъ идей?

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: наблюденіе надъ исторіею народовъ показываетъ, что ни съ чѣмъ народный организмъ такъ тѣсно не сживается, ни съ чѣмъ такъ крѣпко, неразрывно не сочетается, какъ съ выработанною имъ формою верховной власти.

Примѣръ той же Франціи показываетъ печальную судьбу народа, измѣняющаго этой формѣ ради другой: чѣмъ кончилось въ этой легкомысленной странѣ двукратное республиканское безуміе, какъ не возвращеніемъ ея къ той же монархіи, которую оба раза ниспровергали для того, чтобы на ея мѣстѣ возростить республиканскія политическія учрежденія? Да и теперь, по предсказаніямъ опытныхъ въ политикѣ людей, третьей республикѣ не сегодня завтра готовится смертный приговоръ, за которымъ, по французскому обычаю, появится узурпаторство, а затѣмъ уже и вновь монархическое правительство.

Изъ этого прискорбнаго примѣра никакъ не слѣдуетъ, чтобы было нужно подражать ему: напротивъ, каждый здравомысленный человѣкъ убѣдится, что форма правленія—та или другая, съ тѣми или другими недостатками и неудобствами, разъ она *сжилась* съ народнымъ организмомъ и укрѣпилась въ немъ, а онъ *сроднился* съ ней—должна быть оберегаема, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе народа, какъ историческая святыня, какъ надежный залогъ правильнаго развитія народной жизни, отъ всякихъ покушеній на ея сущность и достоинство, отъ всякихъ измѣненій въ ея исторически выразившемся характерѣ.

Къ счастію для Россіи, ея народъ, съ первыхъ же шаговъ своего политическаго бытія, ясно уразумѣлъ эту святую истину, незыблемо утвердился въ ней и бережетъ ее какъ священный завѣтъ всей своей исторіи—и не мудрено, что Россія, въ сравнительно короткій періодъ нѣсколькихъ столѣтій, возвысилась до такой степени могущества и силы, что составляетъ постоянный предметъ обще-европейской злобы и зависти, выражающихся хотя бы въ томъ, что каждый политическій авантюристъ, начиная съ Наполеона I, считаетъ неизбѣжнымъ и вождѣннымъ вѣнцемъ своихъ политическихъ похожденій—борьбу съ сѣвернымъ колоссомъ и ниспроверженіе его, при чемъ первая осуществляется, а второе—остается недостижимою цѣлю, посрамляющею самыя напряженныя усилія всей Европы.

III.

Самодержавіе въ ряду другихъ политическихъ учрежденій.

Въ настоящее время какъ Европа, такъ и весь міръ знаютъ три формы политическихъ учреждений: республиканскую, конституціонную и самодержавную.

Благо народу, когда онъ крѣпко держится той изъ нихъ, которая выработана его исторіей, но конечно еще счастливѣе тотъ, на долю коего выпало — выработать ту изъ этихъ формъ, которая наиболѣе совершенна. Какая же изъ нихъ ближе къ совершенству, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ разсмотрѣніемъ каждой изъ нихъ по существу.

Когда политическія учрежденія требуются для народа, по самому происхожденію своему неспособнаго къ возвышеннымъ чувствамъ взаимнаго довѣрія и напротивъ, по обстоятельствамъ своей предшествовавшей жизни склоннаго къ ревнивому охраненію своихъ правъ и своей свободы и къ подозрительности относительно возможныхъ покушеній на оныя, нѣтъ сомнѣнія, что ему болѣе приходится по душѣ учрежденія республиканскія, которыя позволяютъ всѣмъ управляться посредствомъ немногихъ, и при этомъ слѣдить по пятамъ другъ за другомъ. На этихъ соображеніяхъ основалась великая Заатлантическая республика, созданная народомъ, ядро котораго образовалось изъ отбросовъ англійскаго государства, во время оно выселявшихся изъ Великобританіи за океанъ по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и доселѣ совершаются всевозможныя переселенія, т. е. по несоотвѣтствію той или другой страны наклонностямъ выселяющихся, или по ихъ несоотвѣтствію обычаямъ и характеру своей земли.

Само собою разумѣется, что люди, въ свое время покинувшіе государство, управляемое конституціонно-монархическою династіей, не могли питать особыхъ симпатій къ его политическимъ учрежденіямъ, и ужъ конечно не стали повторять ихъ въ устроеніи собственнаго государства, тѣмъ болѣе что ни исторіи, ни исторической династіи за собою не имѣли. Да и по своимъ нравственнымъ свойствамъ, выработывавшимся путемъ наслѣдственности отъ переселенческой вольницы, они отнюдь не были склонны ни къ излишнему повиновенію власти, ни къ излишнему смиренію предъ формализмомъ законовъ, а отличались, напротивъ, грубоватымъ свободолюбіемъ, весьма часто переходящимъ въ раз-

нузданное своеволие, чрезмѣрною широтою взглядовъ и смѣлостью приемовъ какъ въ политической, государственной, такъ и въ общественной, и въ частной жизни. Такимъ гражданамъ и не по вкусу, и даже не по плечу была бы перспектива точно и подробно формулированной государственной и общественной дисциплины, связанной, притомъ, съ личнымъ подчиненіемъ единодержавной и къ тому же безсмѣнной, постоянной власти, которую и вручить кому-либо не представлялось ни случая, ни основаній.

Швейцарская республика обязана своимъ существованіемъ, среди колоссальныхъ по сравненію ея ней монархическихъ государствъ, отчасти топографическимъ условіямъ, окружающимъ ничтожные по размѣрамъ отдѣльные кантоны, условіямъ, препятствовавшимъ болѣе тѣсному соединенію ихъ между собою на началахъ монархической власти, отчасти отсутствію претендентовъ, которые бы пожелали захватить эту власть надъ ничтожнымъ народцемъ въ свои руки, болѣе же всего филантропическому, по отношенію къ республикѣ, снисхожденію главнѣйшихъ государствъ Европы, которыя, какъ особую милость швейцарскому народу за его прославленные добродѣтели, гарантировали ему политическую независимость и неприкосновенную цѣлость его республиканскихъ учреждений. Что же касается самого населенія Швейцаріи, ни откуда не видно, чтобъ оно чрезмѣрно дорожило своею формой правленія, въ которой, повидимому, и цѣнить главнымъ образомъ ея простоту и дешевизну, да развѣ историческую давность, хотя отъ нея, впрочемъ, и не замѣчается никакихъ особыхъ для швейцарскаго народа политическихъ выгодъ. Во всякомъ случаѣ, республика Швейцарская — не болѣе какъ полити-

ческая игрушка, которую, при малѣйшемъ колебаніи политическаго равновѣсія, способенъ раздавить ногой, даже неумышленно, любой изъ ея сосѣдей; быть гражданиномъ такого игрушечнаго государства едва ли слишкомъ лестно, а по его политическимъ учрежденіямъ судить о достоинствѣ республиканской формы правленія едва ли основательно.

Для сей цѣли много пригоднѣе республика французская, созданная на нашихъ глазахъ, принявшая народъ изъ душившихъ его объятій узурпаторской монархіи, и сулившая ему, подъ сѣнію своихъ учреждений, и блага мира, и исцѣленіе отъ нравственныхъ язвъ Наполеоновскаго режима, и политическое возрожденіе, и возстановленіе поруганной иноземнымъ насиліемъ національной чести.

Два десятилѣтія французскій народъ изнемогаетъ подъ впечатлѣніями этихъ посуловъ, а Европа недоумѣваетъ передъ дѣйствительностью, которая отнюдь ихъ не оправдываетъ. Наблюденія надъ жизнью юной республики показываютъ, что она текла въ направленіи наиболѣе нормальномъ только тогда, когда надъ республиканскими учрежденіями парилъ чья-нибудь единоличная, пусть не фактическая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная нравственная власть. Такъ было во времена Тьера, этого замѣчательнаго государственнаго мужа, достойнаго составить честь и славу любой страны; такъ было во времена Гамбетты, этого смѣлаго авантюриста по существу, но вмѣстѣ и дѣятеля, не лишеннаго политическаго такта и практическаго смысла, дѣятеля, способнаго, поживи онъ побольше, прочтѣе привязать къ себѣ французское малодушное легковѣріе. Такъ будетъ, безъ сомнѣнія, и при будущемъ, уже намѣченномъ обстоятельствами нравст-

венномъ вождѣ французскаго народа, теперь изгнанномъ его бездарными, но властолюбивыми узурпаторами.

Только этими тремя лицами, собственно говоря, и исчерпывается вся исторія французской республики, и если два изъ нихъ не слишкомъ много сдѣлали и для себя, и для республики, то это потому: 1) что Тьеръ былъ глубоко честный человѣкъ, лично ничего не искавшій, кромѣ общаго блага, да притомъ и престарѣлый, съ угасавшими и наконецъ угасшими силами; 2) что Гамбетта совершенно неожиданно и для себя, и для своей страны былъ похищенъ смертію на самомъ яркомъ разсвѣтѣ своей политической карьеры. Что именно сдѣлаетъ третій, увидимъ въ ближайшемъ будущемъ, но что онъ способенъ сдѣлать многое, въ томъ убѣждаютъ сами его противники, столь громко бьющіе тревогу и столь безтактно вѣнчающіе его славнымъ вѣнцемъ страдальца-изгнанника за народъ свой.

Во всякомъ случаѣ, ни одному изъ нихъ не удалось хотя бы въ ничтожной мѣрѣ осуществить надежды, возлагавшіяся на республику при ея возрожденіи, и послѣ cadaго изъ первыхъ двухъ, кромѣ того, страна погружалась въ безысходный мракъ, становясь жертвою бездарности и безсовѣстности, игрищемъ политическихъ партій, ареною недобросовѣстной политической игры республиканцевъ, монархистовъ, бонапартистовъ, легитимистовъ, орлеанистовъ и т. д. Результатомъ этого явилась странная и страшная для народныхъ судебъ раздробленность національнаго патріотизма, который въ розницу высказывается и за республику, и за монархію, и даже за бурбоновъ, за орлеановъ, бонапартовъ, а оптомъ едва ли представляетъ собою что-либо определенное и осязательное.

Выгодно ли для народа, для его настоящего благополучія и будущаго преуспѣянія, подобное положеніе, которое въ общежитіи обозначается безнадежно-грустнымъ выраженіемъ: „день да ночь—и сутки прочь“? Положеніе, искусственно ослабляющее и внѣшнюю политику гѣсударства, и внутренній порядокъ повседневной жизни; состоящее въ фокусничествѣ безсильнаго правительства съ народомъ, да въ борьбѣ его то съ различными политическими партіями, при чемъ оно само унижается до положенія партіи, то съ тѣми или другими выходцами изъ этихъ партій, политическими авантюристами и карьеристами, рѣдко добросовѣстными благожелателями народа, чаще же всего злостными врагами и личными противниками фактическаго правительства, и не столько изъ принципиальныхъ соображеній, сколько изъ желанія дискредитировать и низвергнуть его, чтобы стать на его мѣсто; положеніе, при которомъ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и трудно опредѣлить, стоить ли держаться за фактическую власть, или благоразумнѣе теперь же перебраться въ лагерь ея противниковъ—такое положеніе выгодно ли для народа, масса котораго, какъ и вездѣ, конечно чужда страстнаго влеченія къ политикѣ ради политики, и если испытываетъ вкусъ къ ней, то прививаемый искусственно, вслѣдствіе близкаго отношенія политическихъ обстоятельствъ и недоразумѣній и къ общему благу страны, и къ личному благосостоянію ея гражданъ, тогда какъ естественно, да и по здравому смыслу, заинтересована преимущественно только въ послѣднемъ?

Если же подобное положеніе для народа не выгодно, неудобно, не безопасно и даже губительно, то и правительство, при которомъ оно становится возмож-

нымъ, и форма правленія, допускающая такую возможность, не оправдываютъ своего *raison d'être*, не выполняютъ того назначенія, для котораго установлены, слѣдовательно и сами свидѣлствуютъ о собственныхъ невыгодности, неудобствахъ, опасности и гибельности для народа.

Предвидимъ возраженіе: французская республика, могутъ сказать, существуетъ такъ недавно, установлена послѣ такихъ чрезвычайныхъ для народной жизни событій, что едва ли можетъ служить доказательствомъ негодности республиканскихъ учрежденій вообще.

Отвѣчаемъ: напротивъ, какъ нельзя болѣе можетъ, ибо едва ли когда-либо и гдѣ-либо, какъ именно въ теперешней Франціи, родинѣ пресловутаго *общественнаго договора*, такъ рельефно выразились вся его теоретичность, все его противорѣчіе съ требованіями и свойствами природы человѣческой, вся его неприменимость къ области практической жизни, и выразились именно въ республиканскихъ учрежденіяхъ нынѣшняго правленія, учрежденіяхъ, происшедшихъ по прямой линіи изъ утопическихъ, хотя на взглядъ и красивыхъ положеній фантастическаго *Contrat social*.

По смыслу этого „добровольнаго договора“, люди соединились въ общество для осуществленія тѣхъ отрицательныхъ и положительныхъ цѣлей, которыя составляютъ краеугольный камень личнаго человѣческаго счастья и недостижимы, однако, для человѣка въ одинокомъ состояніи. Естественно, что въ договорѣ, заключаемомъ, по предположенію его сочинителей, добровольно, по взаимному соглашенію, всѣ договорившіяся стороны, сколько бы ихъ ни было, должны пользоваться одинаковою суммою удобствъ, достигаемыхъ договоромъ, а слѣдовательно и правъ.

Отсюда и власть законодательная и распорядительная является общею, въ равной мѣрѣ для каждого гражданина, принадлежностью и собственностью всего народа.

Но такъ какъ чинить судъ и правду, а равно и производить требуемыя ими дѣйствія всею народною массою физически невозможно, то для сей цѣли всенароднымъ избраніемъ опредѣляются немногіе граждане, которые, какъ довѣренныя всего народа, и замѣняютъ его волю на этихъ поприщахъ дѣятельности.

А такъ какъ цѣлымъ народамъ, равно какъ и отдѣльнымъ лицамъ, свойственно ошибаться, то сплошь и рядомъ бываетъ, что повѣренными своими народъ выбираетъ людей или глупыхъ, или безсовѣстныхъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ: тогда, во первыхъ, народъ начинаетъ дурно и несправедливо управляться, а во вторыхъ, безсовѣстные правители, соблазняясь временными выгодами и правами, соединенными съ властью, стараются искусственными мѣрами возможно долѣе удерживать ее въ своихъ рукахъ, для чего конечно не стѣсняются никакими средствами, хотя бы постояннымъ обманомъ самого народа.

Когда же это имъ удастся, то изъ среды народа наиболѣе разумные и честные выступаютъ противъ нихъ съ обличеніями, обвиненіями и увѣщаніями; такимъ путемъ возникаютъ партіи, иногда многочисленныя, для борьбы съ правительствомъ изъ за власти, при чемъ ему приходится одновременно заботиться и объ управленіи, и объ отраженіи нападеній противниковъ, и о возстановленіи поколебленнаго къ себѣ народнаго довѣрія.

Иногда роли мѣняются и отношенія извращаются еще болѣе комичнымъ и печальнымъ образомъ: исполнѣ достойное, благонамѣренное и трудолюбивое правительство шельмуется предъ народомъ шайками недобросовѣст-

ныхъ, бездѣльныхъ, но пронырливыхъ людей, которые наконецъ, путемъ всевозможныхъ плутней, обмановъ, лжи, клеветъ и т. п. и успѣваютъ ниспровергнуть это достойное правительство и захватить власть въ свои нечистыя руки; *послѣднее* бываетъ для народа *юрше пергаю*. И въ этой-то борьбѣ изъ за власти, безплодно для народа и съ несомнѣннымъ, притомъ, вредомъ для него, постоянно упражняютъ себя лучшіе, наиболѣе смышленные, наиболѣе умственно развитые его классы, внося смуту и недоумѣніе въ его умы, раздражая и развращая его вѣчнымъ созерцаніемъ своихъ несогласій, распрей и раздоровъ, воспитывая въ немъ чувства озлобленія и взаимной вражды, коими сами преисполнены, такъ что когда, наконецъ, выдѣляется изъ ихъ же толпы личность, затмѣвающая ихъ талантами и смѣлостью, чаще всего народъ самъ кидается на встрѣчу такому лицу, какъ своему избавителю отъ внутреннихъ нестроений партійной вражды, республика, подъ гнетомъ его смѣлой руки, сразу трещитъ по всѣмъ швамъ, и изъ ея обломковъ выползаетъ диктатура, а потомъ и монархія, иногда конституціонная, но всегда, въ существѣ, тиранническая.

Такова сущность республиканскаго правленія, которое представляетъ собою самое точное практическое воспроизведеніе теоретическихъ бредней, проповѣдуемыхъ теоріей „общественнаго договора“, смыслъ коего состоитъ въ томъ, что власть и правительство составляютъ неотъемлемую принадлежность и собственность всего народа, по словамъ же митрополита Филарета, заключается въ томъ, чтобъ изъ понятія о народѣ выработать идола, который столь громаденъ, что для него не достало бы никакихъ жертвъ.

Этому же идолу поклоняются и жертвуютъ своимъ

благополучіемъ, спокойствіемъ, политическимъ могуществомъ, своею историческою будущностью и даже здравымъ смысломъ тѣ многочисленныя государства, которыя надѣли на себя, съ англійскаго плеча, конституціонно-монархическую форму политическихъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить *идеально* управляемую конституціонную державу—не то же ли бы самое она представила, что и республика? И тамъ и здѣсь основной принципъ правленія—*недоустріе* управляемаго народа къ своимъ управителямъ, ревнивая боязнь, какъ бы послѣдніе не покусились на его права и не превысили бы данныхъ имъ отъ него полномочій, какъ бы даже вовсе не лишили его правъ и не провозгласили себя его повелителями.

Разница конституціонной монархіи отъ республики, по существу, только въ томъ и заключается, или, по крайней мѣрѣ, только въ томъ и должна заключаться, что—не то чтобы поверхъ выборныхъ отъ народа законодателей и исполнителей, а какъ-то сбоку, во истину какъ „съ боку припека“, по русской пословицѣ, существуетъ почти безправное личное правительство, въ особѣ короля или императора—все равно.

По идеѣ конституціонной монархіи—это какое то безправное, обездоленное существо, призываемое народомъ „только царствовать, но не управлять“, и однако, по ироніи судьбы, нерѣдко носящее титулъ „повелителя“.

Вся постановка отношеній такого повелителя къ народу и избираемымъ отъ него законодателямъ и распорядителямъ какъ бы даетъ понять, что когда-то, въ глубинѣ исторіи, народъ этотъ, со стороны, быть можетъ, предковъ своего теперешняго картоннаго повелителя, подвергся насильственному захвату, былъ лишенъ ими вся-

кой свободы и подвергнуть всевозможнымъ притѣсненіямъ и обидамъ. Но потомъ, очнувшись отъ неожиданности, народъ взялся за умъ и началъ при всякомъ удобномъ случаѣ отвоевывать у захватившихъ свои прежнія права и вольности, пока, наконецъ, не отобралъ ихъ всѣ сполна опять въ свои руки. А такъ какъ затѣмъ „повелитель“ становился существомъ во все для народа безопаснымъ, самъ же народъ, за долгое время борьбы съ королевскою властью, все-таки привыкалъ къ ней и сживался съ нею, да наконецъ и считалъ не бесполезнымъ украшеніемъ своего политическаго зданія золоченый карнизъ въ видѣ королевской или императорской короны, то династїи, у которой уже все было отобрано изъ рукъ, великодушнымъ рѣшеніемъ народа и оставлялось право на пожизненный отъ него пенсіонъ въ видѣ цивильнаго листа, т.-е. ассигновки той или другой суммы на благоденственное и мирное житіе безъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства въ политическую и государственную жизнь народа.

Нечего говорить, что такое положеніе для августѣйшей особы, носящей королевскій титулъ, и щекотливо, и оскорбительно, и по существу нелѣпо: быть какимъ то декоративнымъ атрибутомъ при громоздкомъ механизмѣ народнаго представительства, красивою вывѣской надъ чужимъ магазиномъ, или, вѣрнѣе, богато наряженною куклой на выставочномъ окнѣ—и обидно, и возмутительно, и просто невыносимо для человѣческой природы.

Зубоскалы смѣются надъ Москвой, между прочимъ, и за то, что въ числѣ своихъ рѣдкостей она считаетъ царь-колоколъ, который не звонить, и царь-пушку, которая не стрѣляетъ: присматриваясь къ конституціямъ ограни-

ченныхъ монархій, мы въ нихъ усматриваемъ нѣчто весьма подобное нашимъ царь-пушкѣ и царь-колоколу—настоящихъ, живыхъ царей—королей и императоровъ—безъ меча. Есть ли въ подобномъ положеніи—не говоримъ уже достоинство, а просто—смыслъ?

Да и это недостойное монарха положеніе еще усугубляется унижительными для него распорядами его отношеній къ тому многоголовому идолу, на плечахъ котораго онъ возсѣдаетъ до той поры, пока, отъ дуновенія политическаго вѣтра, не будетъ сброшенъ на землю и не разобьется вдребезги: не поруганіе ли достоинству вѣнценосной власти, на примѣръ, парламентскіе дебаты въ Англіи по поводу содержанія, отпускаемаго народомъ королевѣ Викторіи, когда сытые представители народа, за его счетъ разжившіеся и раздобѣвшие, свысока третируютъ расточительность своего царствующаго дома, совѣтуютъ ему поменьше роскошествъ и побольше экономіи, разсуждаютъ объ основательности или неосновательности заявленной королевою просьбы насчетъ небольшой прибавочки къ ея жалованью, и въ концѣ концовъ или съ тупоумнымъ самодовольствомъ осчастливливаютъ ходатайство своимъ согласіемъ, или же отвергаютъ его, какъ не подлежащее исполненію?

Не такое ли же поруганіе, когда, по манію любого газетчика, открывается газетная кампанія противъ какого-нибудь принца крови, хотя бы даже наслѣдника престола, съ безконечными подробными разсужденіями по поводу того или другаго его поступка или поведенія въ томъ или другомъ дѣлѣ, при чемъ печать разыгрываетъ роль строгаго, придирчиваго судьи, а злосчастный принцъ—подсудимаго, обреченнаго выслушивать безропотно всевозможныя инсинуаціи, какія безнаказанно взбредутъ на умъ стаѣ борзописцевъ, обраща-

ющихъ репутацію членовъ королевской семьи въ доходную статью, въ средство для добыванія насущнаго хлѣба?

Болѣе вопіющаго извращенія естественныхъ отношеній и понятій, безъ сомнѣнія, трудно отыскать, а между тѣмъ это — обычный сортъ отношеній между „верховною властью“ и ея народомъ въ идеальнѣйшемъ изъ конституціонныхъ государствъ: весь смыслъ англійской конституціи выражается одною безсмыслицей — афоризмомъ или, точнѣе, парадоксомъ, насильственно возведеннымъ въ аксіому, что „король долженъ царствовать, а не управлять“.

И дѣйствительно, безсмыслица эта свято чтится въ Англіи и охраняется отъ всякихъ на нее покушеній здраваго смысла и королевской власти: политическій строй Англіи воплощается въ безгласномъ и безправномъ королѣ, получающемъ, за свое устраненіе отъ политическаго и государственнаго хозяйствованія надъ своимъ народомъ, извѣстныя матеріальныя выгоды, и за то передающемъ свою естественную роль по отношенію къ народу ему самому, въ лицѣ его избранниковъ — фиктивныхъ или дѣйствительныхъ, еще вопросъ.

И хотя всѣ остальные европейскія конституціи скроены (не всегда, правда, искусными портными) по англійскому фасону, но сшиты далеко не столь крѣпко, какъ ихъ первоначальный образецъ: доказательствомъ тому служатъ ихъ постоянныя, многочисленныя нарушенія во всѣхъ почти государствахъ, ими управляющихся.

Нарушенія эти практикуются или путемъ обмана, фальши, политическихъ плутней и мошенничествъ, когда въ нарушеніи конституціи бываютъ заинтересованы лица

недостаточно смѣлыя и энергичныя, не вполнѣ увѣренныя въ себѣ, въ правотѣ своихъ намѣреній и чистотѣ желаній: наилучшимъ примѣромъ такихъ лицъ и такого способа дѣйствій служитъ прискорбной памяти Наполеонъ III, во все продолженіе своего царствованія на всѣ лады губившій французскую націю въ эгоистическихъ видахъ упроченія своего престола за собою и за своею династіей.

Нарушенія другаго рода практикуются способомъ болѣе простымъ, откровеннымъ, честнымъ, но въ тоже время и въ высшей степени безцеремоннымъ и даже наглымъ. Способъ этотъ употребляется въ дѣло людьми рѣшительными и отважными, увѣренными въ себѣ и правотѣ своихъ намѣреній, когда такіе люди на узенькой конституціонной дорожкѣ сталкиваются съ тупоуміемъ *quasi*-народныхъ представителей, встрѣчая съ ихъ стороны упорное сопротивленіе своимъ планамъ, направленнымъ, по ихъ глубокому личному убѣжденію, ко благу и величію отечества, но непонятныхъ большинству. Этого рода издѣвательствомъ надъ конституціонными учрежденіями ярко и густо окрашена вся блестящая политическая карьера князя Бисмарка, который съ первыхъ же шаговъ своей государственной дѣятельности съ явной неуважительностью относился къ такъ называемой *воля нации*, возмѣщаемой въ представительныхъ учрежденіяхъ устами выборныхъ депутатовъ. „Мнѣ нужны деньги на увеличеніе арміи для войны съ врагами отечества“, заявлялъ онъ открыто предъ народными избранниками: „потрудитесь ассигновать ихъ своевременно“. „Нѣтъ, мы не только не дадимъ вамъ денегъ“, отвѣчали избранники: „но и о самой войнѣ, и объ увеличеніи арміи заявляемъ вамъ нашу, т.-е. народную волю, что ни того ни другого не требуется,

и мы вамъ не позволимъ“. „А, не позволите?“ возражалъ неугомонный министръ: „въ такомъ случаѣ я произведу нужные мнѣ расходы и безъ вашего позволенія, безъ вашего же позволенія войну начну, а когда разобью непріятеля, вы мнѣ всѣ эти расходы и заднимъ числомъ утвердите“. И дѣйствительно, какъ общалъ, такъ и дѣлалъ: объявлялъ войну, побѣждалъ враговъ, заключалъ почетный миръ—и все это не только съ нарушеніемъ конституціи, но прямо вопреки ясно выраженной устами депутатовъ волѣ народа.

И что всего замѣчательнѣе—противъ этихъ нарушеній и конституціи, и народной воли протестовали только народные избранники-депутаты съ единомышленною имъ частью общества и печати. Самъ же народъ все время сдержанно молчалъ, сохраняя строжайшій нейтралитетъ по отношенію къ этой конституціонной распрѣ своихъ представителей съ самоуправнымъ министеромъ, покровительствуемымъ и поощряемымъ верховной властью, и высказался лишь тогда, когда князь Бисмаркъ вышелъ изъ этой распри торжествующимъ, для того чтобы принять отъ народа достойную хвалу за свою ревность о его величіи и славѣ.

Мы намѣренно остановились подробнѣе на этомъ примѣрѣ, въ виду того, что онъ ярко обрисовываетъ всю неопредѣленность взаимныхъ отношеній между народомъ и его довѣренными лицами съ одной стороны, всю фиктивность и фальшивость избирательныхъ политическихъ учрежденій съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю беззащитность народа предъ правительствомъ, когда послѣднему вздумается, по тѣмъ или другимъ причинамъ, дѣйствовать вопреки заявленной ему народной волѣ, на рискъ собственной отвѣтственности.

По здравому смыслу, по обычнымъ законамъ логики,

устами народныхъ представителей, сопротивлявшихся воинственнымъ замысламъ верховной власти и солидарнаго съ нею министра, изрекалась воля самого народа; по смыслу конституціонныхъ учрежденій воля эта должна быть священна для правительства, и она одна только и должна руководить его рѣшеніями и дѣйствіями. Значитъ, въ данномъ случаѣ и верховная власть, и министръ оказывались ослушниками народа, самоуправными нарушителями конституціи, и требовали бы для себя достойнаго наказанія: самъ народъ, оскорбленный ихъ непослушаніемъ и противленіемъ его довѣреннѣмъ, долженъ бы былъ встать какъ одинъ чело-вѣкъ, и отомстить за свою поруганную волю и оскорбленное достоинство.

Но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, и онъ преспокойно продолжалъ наблюдать, какъ верховная власть купно съ Бисмаркомъ издѣвались надъ его конституціей и присвоивали себѣ непринадлежащія имъ права, а его депутаты, тѣмъ временемъ, волновались обидой и негодованіемъ на то, что Бисмаркъ такъ неуважительно отнесся къ ихъ требованіямъ—то отсюда слѣдуетъ заключить, что: 1) либо народъ не особенно дорожилъ прерогативами, которыя установлены для него въ конституціонныхъ учрежденіяхъ; 2) либо его избранники не точно выразили предъ правительствомъ его волю, а слѣдовательно извратили свои полномочія, т.-е. обманули народъ, какъ своего довѣрителя. Но тогда въ первомъ случаѣ—зачѣмъ же народу держаться такой формы правленія, которою онъ не дорожитъ? А во второмъ—зачѣмъ продолжать полномочія довѣреннѣмъ, разъ уже ихъ извратившимъ и довѣрія не оправдавшимъ? Мало того—не только этихъ депутатовъ народъ не долженъ бы былъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, остав-

лять на ихъ высокому посту, но напротивъ, долженъ бы былъ немедленно озаботиться, чтобъ и на будущее время избѣжать опасности выбрать подобныхъ же недостойныхъ довѣрія депутатовъ, пересмотромъ и преобразованиемъ избирательныхъ порядковъ и законовъ, на тотъ предметъ, чтобъ гарантировать себѣ выборы достойныхъ его довѣрія людей для своего представительства.

По теоріи и по здравому смыслу все это такъ бы и должно было быть; но—увы!—практика и на сей разъ насмѣялась надъ теоріей, и не случилось ровно ничего: и верховная власть съ министромъ достигли того, чего хотѣли вопреки парламенту, и парламентъ ограничился одними платоническими протестами, не измѣнившись въ своемъ личномъ составѣ, и народъ, вмѣсто заботы о восстановленіи поправленной правительствомъ конституціи, чествовалъ ея нарушителей за побѣду, ему доставленную посредствомъ этого нарушения.

Нельзя, конечно, сказать, что бы именно произошло, если бы они воротились не съ триумфомъ побѣдителей, а съ позоромъ поражения, но тѣмъ не менѣе фактъ нарушения конституціи остается несомнѣннымъ. Несомнѣннымъ остается и то, что для восстановленія подобныхъ нарушенийъ въ распоряженіи народа никогда не оказывается никакихъ средствъ, кромѣ поголовнаго возстанія, а потому и конституціонныя учрежденія какой-либо особо надежной гарантіи народу въ его правахъ не представляютъ, пока не созданы какіе-либо международные нотариусы, которымъ бы могли народы заявлять о правонарушеніяхъ по отношенію къ нимъ ихъ правителей, судилища, гдѣ бы разсуживали ихъ съ ихъ правителями, и судебные пристава, которые воз-

становляли бы силой нарушенные недобросовѣстными правителями народныя права.

Что же касается неудобствъ конституціоннаго режима, они совершенно тѣже, что и въ республиканскомъ: постоянная смѣна правительствъ, а съ ними и правительственныхъ направленій, системъ, а равно и личного состава администраціи; безконечная борьба партій, добивающихся власти, съ тою, которой посчастливилось овладѣть ею, и другъ съ другомъ изъ-за будущихъ шансовъ на успѣхъ; вѣчная избирательная лихорадка, смѣняющаяся по временамъ жесточайшею выборною горячкою; отвлеченіе значительной части населенія отъ мирныхъ, полезныхъ занятій къ политиканству, посѣвующему лишь смущеніе въ умахъ непросвѣщенной толпы; за естественнымъ отсутствіемъ энергіи у правительства вслѣдствіе непрочности почвы подъ его ногами, за естественною, вслѣдствіе того, неповоротливостію его въ отношеніи многообразныхъ улучшеній народнаго быта, за трудностію проводить въ законодательномъ порядкѣ, парламентскимъ путемъ, какія бы то ни было реформы—полное торжество устарѣлыхъ традицій, заплесневѣлыхъ формъ, пережившихъ себя обычаевъ, и т. д. т. п.

Не вдаваясь въ подробныя указанія, напомнимъ лишь абolicіонный вопросъ въ Америкѣ, а также Ирландскій вопросъ, и вопросъ о всеобщей воинской повинности въ Англіи.

Осуществленіе такого святаго дѣла, какъ освобожденіе негровъ, могло состояться въ республиканской Америкѣ лишь послѣ кровопролитной, разорительной междоусобной войны.

Конституціонная Англія не въ состояніи, на послѣднихъ дняхъ именуемаго просвѣщеннымъ XIX вѣка, возвыситься

до элементарной справедливости по отношенію къ цѣлой трети своихъ подданныхъ изъ за личныхъ выгодъ и удобствъ нѣсколькихъ феодаловъ, и даже такіе наѣодные вожди, какъ Гладстонъ, не въ силахъ подвинуть Ирландскій вопросъ сколько нибудь серьезнымъ образомъ, и вынуждаются ограничивать свои заботы объ Ирландіи ничего не значащими пальятивами.

Даже и такіе вопросы, которые тѣсно связаны съ инстинктомъ самосохраненія, съ эгоистической заботливостью о національномъ величіи, богатствѣ и даже существованіи—и тѣ при строго выдержанномъ конституціонномъ режимѣ или вовсе не выходятъ изъ подъ сукна, или, если и выходятъ по неугомонности какого-либо особенно ретиваго дѣятеля, то затѣмъ лишь, чтобъ быть спрятанными въ еще болѣе долгій ящикъ: нигдѣ не пользуется такимъ могуществомъ и такимъ вліяніемъ на дѣла тупой консерватизмъ во что бы то ни стало, какъ именно въ истинно конституціонныхъ государствахъ. Только этимъ соображеніемъ и можно объяснить то обстоятельство, что столь чуткая къ своимъ интересамъ страна, какъ Англія, несмотря на свой даже чрезмѣрно развитой патріотизмъ, доселѣ даже не подумала о преобразованіи своихъ военно-сухопутныхъ силъ по образцу остальной Европы, хотя и имѣетъ въ своемъ владѣніи, помимо двухъ острововъ, цѣлую треть Азіатскаго материка, гдѣ отсутствіе арміи уже и теперь сказывается большими неудобствами, а въ ближайшемъ будущемъ—почему знать?—не грозитъ ли и дѣйствительными опасностями для великобританскаго владычества?

Изъ вышеизложеннаго становятся понятными вся неосновательность хвалебныхъ гимновъ, воспѣваемыхъ поклонниками „общественнаго договора“ тѣмъ прави-

тельствственнымъ формамъ, которыя зиждутся на его теоріи, и все превосходство предъ ними истинно-монархическихъ основъ верховной политической власти, протекающихъ изъ понятія о государствѣ, какъ великой народной семьѣ, и государѣ, какъ естественномъ начальникѣ этой семьи.

„Откуда“, въ самомъ дѣлѣ, „сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сіе множество народилось отъ меньшаго *племени*, а сіе произошло изъ *семейства*. Итакъ, въ *семействѣ* лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ *государствомъ*. Тамъ нужно искать и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. *Отецъ*, который *естественно* имѣетъ *власть* дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый *властитель*; *сынъ*, который ни способностей своихъ образовывать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно *подвластный*“.

Вотъ немногословное, но изумительно точное и картинное объясненіе какъ происхожденія, такъ и сущности государственнаго устройства и верховной власти, которое мы позволили себѣ воспроизвести подлинными словами приснопамятнаго учителя Русской Церкви, митрополита Филарета.

Изъ сопоставленія понятій, въ немъ заключающихся, явствуетъ, что подвластные не могутъ быть никѣмъ инымъ по отношенію къ своему властителю, какъ *дѣтьми*, и властитель по отношенію къ подвластнымъ—никѣмъ инымъ, какъ *отцемъ*.

Отсюда естественно, что какъ семейныя взаимныя отношенія отца къ дѣтямъ, такъ и подобныя, по ихъ

образу установленныя, взаимныя отношенія государя къ подданнымъ должны утверждаться на одномъ и томъ же принципѣ, то есть, на взаимномъ нравственномъ *доверіи* между ними. Но послѣднее, конечно, исключаетъ всякую возможность какихъ либо договоровъ, соглашеній, взаимоограниченій, и т. д. т. п. Какъ неѣпо предположить добропорядочную семью, въ которой дѣти не довѣряли бы отцу или матери, а послѣдніе оберегали бы отъ ихъ покушеній свои естественныя нравственныя надъ ними права—такъ и въ государствѣ, управляемомъ на этомъ принципѣ взаимнаго довѣрія, немыслимы никакія сдѣлки между государемъ и его подданными: первый безпрепятственно пользуется всею полнотою *отеческихъ* правъ надъ подданными, а послѣдніе находятъ полное удовлетвореніе въ добросовѣстномъ исполненіи естественныхъ *сыновнихъ* обязанностей по отношенію къ своему главѣ. Руководимый естественною заботой о благѣ своей родной народной семьи, государь по *совѣсти* и по своему *разумнію* стремится къ осуществленію этого блага, тогда какъ подданные, одушевляемые его заботливостью, ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей споспѣшествуютъ ему въ достиженіи этихъ цѣлей общаго блага.

Вотъ идеалъ государства, управляемаго самодержавіемъ единоличной власти—идеалъ, къ которому, съ первыхъ временъ своего политическаго бытія, устремился русскій народъ, инстинктивно вѣруя, что благотворность единоличнаго самодержавія отнюдь не можетъ быть парализуема ни его временнымъ бездѣйствіемъ, ни случайными его злоупотребленіями, неизбежными во всякомъ человѣческомъ учрежденіи.

Замѣчательно, что вѣра въ естественное сродство власти *царской* съ властію *отеческой*, воспитанная въ

Русскомъ народѣ всею его исторіей, и доселѣ составляетъ отличительную черту воззрѣній народныхъ на сущность верховной власти—черту, совершенно чуждую остальнымъ народамъ Европы, и замѣчаемую лишь среди Русскаго. „Батюшка-Царь“—излюбленное доселѣ обозначеніе Монарха, и отсюда—полнѣйшее различіе власти Царской отъ власти собственно административной.

Администрація въ глазахъ народа не болѣе, какъ слуги, приставленные Царемъ-Отцемъ къ его дѣтямъ—народу. Какъ и всякіе слуги, они могутъ быть и добросовѣстными, и не добросовѣстными; вмѣсто того, чтобы служить народу, могутъ притѣснять его; вмѣсто того, чтобы заботиться о его благѣ, могутъ лишь безплодно отягощать его; но въ послѣднемъ случаѣ, по воззрѣніямъ народа, достоинство Царской, Отеческой власти ни мало не страдаетъ въ своемъ существѣ и величіи: всевозможныя административныя злоупотребленія и ошибки народъ объясняетъ лишь тѣмъ, что Царь-Батюшка ихъ не видитъ, что отъ него ихъ скрываютъ лихіе люди. „Кабы онъ, Батюшка, доглядѣлъ, онъ бы вникъ въ это дѣло“: вотъ обычное объясненіе, которое очень часто приходится слышать въ народѣ по поводу тѣхъ или другихъ административныхъ злоупотребленій. Никакой нравственной солидарности Царя-Отца съ личнымъ составомъ обширнаго административнаго механизма народъ не понимаетъ и не признаетъ, и потому всяческіе административные промахи на счетъ Царской власти и ея священнаго достоинства отнюдь не относятъ, разумѣя въ администраціи не болѣе, какъ прислугу, подборъ которой не всегда можетъ быть вполне удаченъ не смотря на всю нѣжную заботливость отца о дѣтяхъ.

Само собою разумѣется, что при подобной постановкѣ отношеній между верховною властью и подданными никакимъ между ними недоразумѣніямъ, разномыслію и разногласію и мѣста быть не можетъ: при какомъ бы то ни было недоразумѣніи народъ первый охотно смиряется предъ волею самодержца, вполне довѣряя ему, какъ отцу, движимому единственною заботой о его же благѣ, а если впослѣдствіи и оказывается, что народъ въ своемъ недоразумѣніи былъ правѣ верховной власти, которая сама была введена въ заблужденіе, онъ благодушно удовлетворяется тѣмъ, что ошибочному направленію дѣлъ, бывшему причиной недоразумѣній, сообщается надлежаще правильный ходъ.

Отсюда сама собою проистекаетъ невозможность среди Русскаго народа какихъ-либо политическихъ стремленій революціоннаго характера, т. е., какъ любить у насъ выражаться, стремленій къ ниспроверженію существующаго порядка вещей: недавнее прошлое ясно на практикѣ доказало эту невозможность, ибо крамола, не безъ успѣха сѣявшая свои плевелы среди высшихъ и среднихъ общественныхъ классовъ, какъ скоро касалась массы народной, разбивала безуспѣшно объ ея толщу всѣ свои усилія. И эта невозможность сохранится у насъ дотолѣ, пока народъ Русскій будетъ согрѣвать свои сыновнія отношенія къ верховной власти троякимъ чувствомъ почтенія, любви и преданности, завѣщаннымъ ему исторіей: благоговѣйнымъ почтеніемъ къ неограниченно-самодержавной формѣ правленія, горячею любовью къ царствующей династіи и искреннею, чистосердечною преданностію къ ея боговѣнчаннымъ представителямъ.

Къ счастью для народа, нѣтъ основаній опасаться, чтобы когда-либо эти по истинѣ возвышенныя, идеаль-

ныя, *непонятныя* для большинства европейских народов отношенія его къ верховной власти могли измѣниться, ибо, при ихъ несомнѣнно большей естественности и сообразности съ общимъ идеаломъ государства, при ихъ историческомъ происхожденіи и утвержденіи, они еще прочнѣе насаждены въ сердца и разумъ народномъ Святою Церковію Православной, которая, какъ прозорливая мать, заботливая о счастливой будущности своихъ духовныхъ чадъ, окружила верховную власть—этотъ надежнѣйшій оплотъ противъ смутныхъ шатаній разнузданной мысли—особымъ ореоломъ священной неприкосновенности и таинственной богопознания.

„Какъ власть *отца* не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему *сыномъ*, а *произошла* вмѣстѣ съ человекомъ отъ Того, Кто сотворилъ человека, то открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее *начало* первой, слѣдовательно и всякой послѣдующей между людьми *власти*—въ Богъ...“

Государство есть „нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго;... великое семейство человекѣвъ, которое, по умноженіи своихъ членѣвъ и раздѣленіи родовъ, не могли быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ въ себѣ качества избраннаго Богомъ и закономъ государя“...

„У нѣкоторыхъ народовъ о государственномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ между *предержащею властью* и *подданными* столько споровъ и распрей, что отъ нихъ всѣ общественныя связи трещатъ, всѣ столпы политическихъ зданій колеблются: пусть бы они прочитали у насъ, русскихъ, явственнѣе на сердцахъ, чѣмъ на

хартіяхъ написанное, краткое, но всеобъемлющее *положеніе* государственное, которое заключается въ слѣдующихъ словахъ: „*святость* власти и *союзъ любви* между государемъ и народомъ..“

Таково ученіе Церкви Православной о происхожденіи государствъ и государей и о взаимныхъ отношеніяхъ послѣднихъ къ подданнымъ, точно изображенное митрополитомъ Филаретомъ въ его твореніяхъ.

Что касается необходимыхъ принадлежностей Царской власти, то объ этомъ предметѣ знаменитый учитель Русской Церкви изъясняется такъ: „Богъ, по образу Своего небснаго *единначалія*, устроилъ на землѣ *царя*, по образу Своего *вседержительства* — *царя самодержавнаго*, и по образу Своего царства, *непреходящаго*, продолжающагося *отъ вѣка и до вѣка*—*царя наследственнаго*“ — и, изобразивъ всѣ блага, могущія проистекать для народовъ изъ лона царской власти, благочестиво и разумно употребляемой, и обращая взоры къ своему отечеству, вдохновенно взываетъ: „Россія! Ты имѣешь участие въ семъ благѣ паче многихъ царствъ и народовъ: держи, еже имаша, да никто же пріиметъ вѣнца твоего!“

Возвращаясь въ другомъ случаѣ къ размышленіямъ о томъ же предметѣ, и картинно изобразивъ печальныя результаты, происходяшіе вслѣдствіе ожесточенной борьбы партій въ конституціонныхъ государствахъ Европы, святитель такъ изображаетъ идеаль государственнаго устройства: „Благо народу и государству, въ которомъ единымъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, сильнымъ, всепроникающимъ, всдвижущимъ *средоточіемъ*, какъ солнце во вселенной, стоитъ *Царь*, *свободно ограничивающій свое самодержавіе* волей Царя Небснаго, мудростью, великодушіемъ, любовью къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ

законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ; благо народу и государству, въ которомъ отношенія подданныхъ къ верховной власти утверждаются не на вопросахъ, ежедневно возражающихся, и не на спорахъ, никогда не кончаемыхъ, но на хранимомъ свято *преданіи* праотеческомъ, на наслѣдственной и благопріобрѣтенной *любви* къ царю и отечеству, и еще глубже—на *благоговѣніи* къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ”—и усматривая въ своемъ отечествѣ черты, приближающія его къ этому идеалу, благодарственно восклицаетъ: „Господи! Ты даровалъ намъ сіе благо!“

Этому ученію Православной Церкви, возвѣщавшемуся въ теченіе полулѣтка съ церковной кафедрой устами смиреннаго, но высокоумдраго Ея учителя, полнѣйшее соотвѣтствіе находимъ и въ государственномъ ученіи, позднѣе проповѣдывавшемся съ общественной трибуны устами практическаго философа, стяжавшаго достойную себѣ славу и почтеніе на поприщѣ публицистики.

Мы уже упоминали, въ первомъ выпускѣ нашего сочиненія, говоря о заслугахъ митрополита Филарета предъ русскимъ народомъ, государствомъ и обществомъ, о нравственномъ воздѣйствіи приснопамятнаго святителя на знаменитаго нашего публициста, М. Н. Каткова, который во многихъ случаяхъ своей дѣятельности оказывался, какъ мы выразились, лишь талантливымъ популяризаторомъ сужденій и воззрѣній, много ранѣе высказанныхъ митрополитомъ Филаретомъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ доказать справедливость нашихъ соображеній о совершенномъ тождествѣ съ вышеизложенными ученіями митрополита относительно государственной власти и царскаго

достоинства тѣхъ положеній, какія такъ вдохновенно проводилъ и неустанно защищалъ знаменитый патріотъ во все время своей публицистической дѣятельности, и чтобъ не быть голословными, воспроизведемъ изъ извѣстной статьи Михаила Никифоровича, относящейся къ началу 1884 года, слѣдующія достопримѣчательныя строки:

„Монархическое начало росло одновременно съ Русскимъ народомъ. Оно собирало землю, оно собирало власть, которая въ первобытномъ состояніи бываетъ разлита повсюду, гдѣ только есть разница между слабымъ и сильнымъ, большимъ и меньшимъ. Въ отобраніи власти у всякаго надъ всякимъ, въ истребленіи многовластія, состоялъ весь трудъ и вся борьба Русской исторіи. Борьба эта... была у насъ тяжелая, но успѣшная. Тяжкій процессъ совершился; все покорилося одному верховному началу, и въ Русскомъ народѣ не должно было оставаться никакой власти, отъ Монарха независимой. Въ его единовластіи Русскій народъ видитъ завѣтъ всей своей жизни, въ ней полагаетъ всѣ свои чаянія. Съ развитіемъ и утвержденіемъ монархическаго начала отечество наше заняло великое положеніе въ мірѣ“.

Указывая на невозможность нисколько ограничить самодержавной власти Русскаго Монарха, знаменитый публицистъ заявляетъ, что „въ Русскомъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой параллельной ей силы, которая могла бы ограничить ее. Самъ Монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ. Онъ воленъ не пользоваться ими, подвергая черезъ то себя и государство опасностямъ; но онъ не могъ бы отнять ихъ, еслибъ и хотѣлъ; да народъ и не понялъ бы его. Люди, привыкшіе безъ смысла и надобности обо

всемъ, какъ дѣти, спрашивать, пожалуй, спросять: а въ чемъ же должно быть огражденіе отъ произвола самаго лица, облеченнаго верховною властью? Произволъ Монарха ограничивается только его совѣстью, тѣмъ, что называется страхомъ Божиимъ, силою вещей, логикой событій. Гарантія заключается въ положеніи самодержца, возвышенномъ надъ всѣми сословіями и партіями, въ совершенной общности его интересовъ съ государственною пользою и благомъ народнымъ“.

Уже то обстоятельство, что возвышеннымъ ученіямъ, проповѣдывавшимся митрополитомъ Филаретомъ отъ лица всей Церкви Православной, суждено было не затеряться въ необъятной массѣ другихъ проповѣдническихъ трудовъ святителя, а возродиться въ новой формѣ для назиданія народа Русскаго, не можетъ не служить лучшимъ доказательствомъ живой силы тѣхъ основъ, изъ коихъ эти ученія проистекаютъ; а быстро пріобрѣтенная ими рѣшительно во всѣхъ классахъ русскаго общества, во всѣхъ слояхъ русскаго народа, неслыханная прежде популярность служить наилучшимъ доказательствомъ того, что за ними не только серьезное общественное мнѣніе, но и непосредственное народное чувство, то самое чувство, которое спасло императрицу Анну Іоанновну отъ унижительныхъ условій, предписанныхъ ей тогдашними врагами самодержавія, верховниками, и ею самой принятыхъ было и подписанныхъ.

И въ этомъ чувствѣ своемъ народъ едва ли ошибается: не говоря уже объ очевидномъ фактѣ быстрого возрастанія Россіи въ политическомъ могуществѣ подъ сѣнію самодержавія, эта излюбленная имъ форма правленія, вопреки связаннымъ съ нею опасно-

стямъ деспотизма и абсолютизма, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ обезпечиваетъ народу и общее благосостояніе, и частныя улучшения быта, а Монарху, одаренному особою печатію помазанія Божія, широкую свободу и безпрепятственную возможность изливать свои благодѣянія на всѣ безъ исключенія сферы народной и общественной жизни.

Освободительная реформа, стоявшая столькихъ тревогъ, столькихъ волненій, столькихъ милліоновъ и такого безпощаднаго кровопролитія просвѣщенной Сѣверо-Американской *республики* — въ самодержавно-монархической Россіи совершена была маніемъ Державной руки и нѣсколькими годами совмѣстной мирной работы правительства и дворянства, того самаго дворянства, у котораго реформа эта отнимала и крѣпостное право, и значительную часть достоянія.

Умиротвореніе Польши посредствомъ радикальнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, равносильное тому, какого ждетъ-не-дождется Ирландія отъ конституціонной Англіи, въ самодержавной Россіи совершилось простымъ распоряженіемъ верховной власти, безо всякой съ чьей-либо стороны борьбы, противодѣйствія, безо всякихъ предварительныхъ разсужденій и споровъ.

Общіе вопросы благосостоянія и прогресса, выдвигаемые на очередь силою обстоятельствъ, разъ они признаются заслуживающими вниманія, разрѣшаются верховною властью въ томъ направленіи, какое она найдетъ наилучшимъ, и съ быстротою, для республикъ и конституціонныхъ государствъ рѣшительно немыслимою. Лучшимъ доказательствомъ того могутъ служить всѣ реформы прошлаго царствованія, послѣдовавшія за освободительной: питейная, земская, судебная, учеб-

ная, военная, рекрутская и т. д. На каждую изъ нихъ въ республиканскомъ или конституціонномъ государствѣ понадобились бы цѣлые годы подготовительныхъ парламентскихъ обсужденій, споровъ, борьбы, и т. д. т. п., и всѣ онѣ у насъ, подѣ сѣнію самодержавія, разѣ задуманныя, были осуществлены безо всякихъ промедленій и замѣшательствъ, безо всякихъ споровъ и прекословій. Въ томъ числѣ реформа, создавшая всеобщую воинскую повинность, т. е. и облегчившая народъ, и поднявшая армію, и вообще нравственно укрѣпившая и облагодѣтельствовавшая страну, считается за собою болѣе 10-лѣтія, тогда какъ конституціонная Англія, не смотря на многократные толки въ обществѣ и печати о необходимости послѣдовать общему примѣру Европы относительно созданія сухопутной арміи, доселѣ остается при однихъ разглагольствіяхъ, и можетъ когда-нибудь оказаться въ такомъ положеніи, которое заставитъ ее жестоко раскаяваться въ своей медленности по разрѣшенію такого насущнаго для страны вопроса.

IV.

Посягательства на самодержавную форму правленія.

Какъ ни ясно, однако, высказывалась *народная воля* за утвержденіе Русскаго Царства на основахъ неограниченнаго самодержавія, чрезъ всю Русскую исторію проходитъ явленіе, которое если и не можетъ быть назовано *подкопомъ* подѣ эти основы, то все же изобра-

жаетъ собою нѣкоторый, хотя и слабый, и робкій, протестъ противъ созданной исторіею формы верховной власти.

Не представляя собою явленія осмысленнаго, которое почерпало бы свою силу изъ элементовъ и направлений народной жизни, оно не лишено занимательности хотя бы своимъ постоянствомъ, видоизмѣненіями формъ, въ которыхъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ обнаруживалось, характернымъ отношеніемъ къ нему народа, его никогда не замѣчавшаго и не признававшаго, и наконецъ—исполненными комизма неудачами, неизмѣнно постигавшими этотъ протестъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ опредѣленно выражался ограничительными покушеніями на безусловную полноту самодержавной верховной власти.

Начавшись съ апокрифическаго Вадима, перваго новгородскаго протестанта противъ иноземнаго владычества пришлыхъ Варяжскихъ витязей, протестъ этотъ наполнялъ вѣчными смутами и беспорядками общественную жизнь Новгородской вольницы, преимущественно и состоявшую, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ея независимаго существованія, въ безпрестанной смѣнѣ то приглашаемыхъ, то изгоняемыхъ князей—представителей верховной власти.

Въ Кіевской Руси, нашедши неизсякаемый для себя источникъ въ исторической ошибкѣ, которая допущена была первыми собирателями Русской Державы искусственнымъ созданіемъ удѣльныхъ княжескихъ отношеній, тотъ же протестъ билъ ключемъ во все продолженіе удѣльнаго періода Русской исторіи.

Одновременно съ первыми зачатками сѣверно-русскаго могущества онъ обнаружился и въ Суздальскомъ княжествѣ, проявившись вѣроломнымъ убіеніемъ Анд-

рея Боголюбского, при чемъ и выразился, болѣе или менѣе ясно, протестъ бояръ противъ княжескаго полновластія: „сегодня онъ казнилъ одного, а завтра никто его не удержитъ и насъ казнить“, надумались протестанты-бояре, порѣшивъ кровавую расправу съ высокомирънымъ княземъ. И это рѣшеніе, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и съ точки зрѣнія боярскаго сословія, отнюдь не должно представляться страннымъ: ряды бояръ состояли на значительную часть изъ выродившейся княжеской дружины, дѣлившей нѣкогда съ своимъ главою всѣ обстоятельства, невагоды и удачи совмѣстной боевой жизни, и никакой зависимости по отношенію къ нему, кромѣ требованій воинской дисциплины, не признававшей. Само собою разумѣется, что такія свободолюбивыя преданія плохо вязались съ подчиненностью настоящаго положенія, въ которомъ бояре находились по отношенію къ своему князю, и естественно располагали ихъ къ недовольству настоящимъ, къ сожалѣнію о прошломъ, къ мечтаніямъ о возвратѣ его и измышленіямъ о способѣ, съ помощію коего этотъ возвратъ сталъ бы возможнымъ.

Мечтанія эти и измышленія отнюдь не могли ни сократиться въ своихъ размѣрахъ, ни смягчиться въ своемъ остромъ, болѣзненно-жгучемъ характерѣ, когда боярскіе ряды, съ теченіемъ времени, стали заполняться неудачниками изъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ, представители которыхъ, по неумолимому приговору исторіи лишившись положенія владѣтельныхъ государей, вынуждались не только къ политическому смиренію предъ московскими властителями, но и къ служебной роли при ихъ дворѣ, и къ подданническому, съ теченіемъ времени все ближе и ближе становившемуся похожимъ на рабское, подчиненію. Напротивъ, элементы независимости,

присущіе быту прежнихъ дружинниковъ, естественно могли и даже должны были обновляться и укрѣпляться въ сознаніи боярскаго сословія, когда оно все чаще и чаще стало принимать въ свой составъ людей, полныхъ горестнымъ сознаніемъ своего вчерашняго владѣтельнаго величія, уязвляемыхъ ядовитыми уколами несбывшихся политическихъ надеждъ, постыжденнаго честолюбія и посрамленной гордости.

И дѣйствительно, подъ суровымъ гнетомъ московскихъ князей, выковывавшихъ желѣзный скипетръ неограниченнаго самодержавія, будучи не въ силахъ мѣряться своими неутоленною гордостью и самолюбіемъ съ самими князьями и потому вынужденные скрывать эти мучительныя чувства подъ наружнымъ видомъ смиренія и даже раболѣпства, новые представители боярскаго сана обратили эти затаенныя стремленія на внутренний распорядокъ своей придворной и служебной жизни, и мы сталкиваемся, на первыхъ же порахъ московскаго самодержавія, съ характернымъ явленіемъ, указывающимъ это внутреннее направленіе оскорбленной удѣльной гордости и непризнаннаго судьбою княжескаго тщеславія.

Разумѣемъ *мстничество* — учрежденіе, какъ бы нарочно созданное жизнью для того, чтобы хотя отчасти удовлетворять эти обойденныя ею самой претензіи, раздражать скрываемаыя подъ ними стремленія и питать проистекающія изъ нихъ вождельнія политическаго свойства — вождельнія, способныя выразиться, при благоприятномъ для нихъ расположеніи обстоятельствъ, и настоящимъ воздѣйствіемъ на политическій строй государства.

Изъ исторіи дѣтства Іоанна IV мы уже видимъ, сколь падкимъ оказывалось въ тѣ времена боярство на соблазны

не только власти, но хотя бы нѣкотораго извращеннаго ея подобія.

Изъ исторіи кратковременнаго царствованія Шуйскаго мы уже видимъ и прямое со стороны извѣстной части бояръ поползновеніе на прерогативы самодержавія. Злосчастный узурпаторъ, перешагнувшій на престолъ черезъ окровавленный трупъ самозванца, для утвержденія себя на царскомъ тронѣ началъ съ того, что далъ своимъ пособникамъ-боярамъ обѣщаніе—добровольно ограничить свою верховную власть, и сдержалъ свое слово: цѣлуя крестъ на царство, онъ торжественно отрекся отъ права смертной казни надъ боярами по единоличному своему усмотрѣнію, безъ собора, обязавшись предавать ихъ ей, въ случаѣ надобности, не иначе, какъ *осудя съ боярами своими*, и вообще *общимъ советомъ Россійское царство управлять*.

Нѣтъ достовѣрныхъ, непреерекаемыхъ свидѣтельствъ на то, чтобы при воцареніи Михаила Феодоровича со стороны бояръ были заявляемы такіе же поползновенія, но существуютъ извѣстія, что и при этомъ для нихъ удобномъ случаѣ они заявлялись, хотя и не видно, чтобы были принимаемы къ свѣдѣнію, а тѣмъ паче къ исполненію.

Въ новой, послѣ-Петровской исторіи нашей мы уже указывали на два случая, когда тоже стремленіе прорывалось сквозь крѣпкую броню, которою защищено самодержавіе Русскаго Монарха отъ покушеній на его неприкосновенность: мы говоримъ о происшествіяхъ при воцареніи императрицы Анны Іоанновны и императора Николая I.

Нельзя при этомъ не усмотрѣть существенной разницы между этими двумя покушеніями на политическій строй Россіи по тѣмъ мотивамъ, какіе въ нихъ выражались: тогда какъ первое вытекало, подобно

всѣмъ предыдущимъ, изъ тѣхъ же неудовлетворенныхъ стремленій боярщины создать собственную политическую власть, какъ противовѣсъ государевой, или, что тоже, превратить монархію въ олигархію, второе всецѣло обязано было своимъ возникновеніемъ тому извращенію понятій въ верхнихъ слояхъ народа, которое было послѣдствіемъ новаго направленія русскаго просвѣщенія, направленія, толчкомъ коему послужили Петровскія реформы.

Молодое поколѣніе, народившееся отъ сподвижниковъ и единомышленниковъ Петровыхъ, воспиталось въ пренебреженіи къ старому строю жизни, прежнимъ понятіямъ, дѣдовскимъ обычаямъ, и въ рабскомъ поклоненіи новымъ порядкамъ, западно-европейскимъ воззрѣніямъ, иноземнымъ обычаямъ.

Тогдашняя Европа была подъ волшебнымъ обаяніемъ французскихъ псевдо-философовъ, только-что путившихъ въ умственное обращеніе пресловутыя идеи *свободы* и *равенства*, которыя хотя и привели ихъ отечество къ революціи, а всю Европу къ политическимъ замѣшательствамъ, но тогда, какъ и нынѣ, имѣли неотразимо чарующее вліяніе на некрѣпкіе и незрѣлые умы. Наши же соотечественники поучались энциклопедической мудрости или въ Парижѣ, въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, или у французскихъ гувернеровъ, въ большинствѣ случаевъ невѣжественныхъ не менѣе своихъ учениковъ. Естественно, что лучшая, такъ называемая образованная часть нашего общества, въ теченіе всего прошлаго столѣтія, вмѣсто прежней религіозной обрядности пробавлялась дешево прибрѣтаемымъ энциклопедическимъ невѣріемъ, вмѣсто не обширнаго, но обстоятельнаго кодекса политическихъ, нравственныхъ и общественныхъ понятій, унаслѣдованныхъ

отъ предковъ, утопическими замышленіями французскихъ шарлатановъ обще-человѣческой мысли, замышленіями, которыя и родину свою успѣли перевернуть вверхъ дномъ, и умы нашихъ неофитовъ политической и общественной науки выворотить на изнанку, начертать на этой изнанкѣ гіероглифическіе, непонятные и непонятые символы *свободы и равенства*.

До какихъ размѣровъ простиралось увлеченіе нашей тогдашней интеллигенціи химерическими ученіями французскихъ энциклопедистовъ, видно изъ примѣра хотя бы Екатерины Великой: мудрейшая изъ женщинъ своего времени, искренно заботливая о благѣ вѣреннаго ей Провидѣніемъ православнаго Русскаго народа, она, однако, ничуть не брезгала постояннымъ дружественнымъ обмѣномъ мыслей съ самыми яркими представителями французскаго *безбожія и космополитизма*, съ наиболѣе рѣзкими проповѣдниками *свободы и равенства*.

Эти теоретическія философскія забавы, правда, не мѣшали ей изъятыхъ изъ монастырскаго рабства крестьянъ раздавать въ новое рабство своимъ любимымъ слугамъ, но—почему знать?—не онѣ ли подвигли ее и къ рѣшенію пригласить, по рекомендаціи *тѣмъ* Гримма, въ наставники своему внуку *швейцарца* Лагарпа—одного изъ глашатаевъ этой именно *свободы*, о которой разглагольствовали французскіе философы XVIII вѣка?

Вполнѣ понятно, что наиболѣе впечатлительная часть тогдашней интеллигенціи, а особенно ея молодежь, очарованная чужими сказками о *свободѣ и равенствѣ*, не могла въ своемъ разгоряченномъ бредниахъ мозгу переварить этихъ увлекательныхъ идей съ суровыми понятіями о *неограниченной* власти и *безусловной* ей покорности, и, отрицая послѣднюю, сначала мысленно, а потомъ и дѣйственно дерзнула посягать на первую.

Не менѣе понятно и то, что въ воззрѣніяхъ Александра Благословеннаго, слагавшихся въ самые нѣжные годы его отрочества и юности подъ вліяніемъ Лагарпа, неограниченное самодержавіе его предковъ пользовалось мѣстомъ далеко не первенствующимъ, что и сказывалось въ различныхъ случаяхъ его царственного служенія: такъ, присоединивъ къ своему царству Финляндію, онъ оставилъ ее въ странномъ для нея и обидномъ для Россіи состояніи полунезависимости, въ какомъ она и до нынѣ пребываетъ по отношенію къ намъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, споспѣшествуемый совѣтами своего прежняго *воспитателя*, съ которымъ вмѣстѣ онъ и явился на конгрессъ *юсударей*, онъ тою же полунезависимостью подарилъ поляковъ, только-что предъ тѣмъ заявившихъ свою политическую низость предъ Россіей и раболѣпство предъ ея врагами, чѣмъ и основалъ въ Польшѣ вѣчный очагъ возмущеній, вѣдаться съ коими его преемникамъ приходится доселѣ.

Эти же либеральные принципы французской революціи, искусственно привитые къ русскому общественному организму воспитаніемъ, чуждымъ отеческихъ вѣрованій, преданій и воззрѣній, послужили источникомъ и дальнѣйшихъ шатаній нашей общественной мысли, шатаній, отъ которыхъ едва ли мы и теперь освободились.

Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, смолкла въ извѣстной части нашей публицистики, и на долго ли, рыная проповѣдь такъ называемыхъ *правовыхъ порядковъ*, сущность которыхъ заключается въ замѣнѣ искреннихъ, исторіею выработанныхъ, основанныхъ на взаимной любви и обоюдномъ довѣріи, отношеній между народомъ и верховною властью, отношеніями, подбитыми, такъ сказать, юридической подкладкой, вытекающими изъ соображеній о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ?

Справедливость, впрочем, требует и въ этомъ случаѣ указать на нѣкоторую разницу между этими проповѣдниками *правовыхъ отношеній* и ихъ родоначальниками: тогда какъ послѣдніе руководились, въ своихъ конституціонныхъ вожделѣніяхъ, своимъ искусственнымъ отчужденіемъ отъ народа, незнаніемъ и непониманіемъ народныхъ воззрѣній, почти безсознательнымъ благоговѣніемъ предъ формами западно-европейской жизни, которыя представлялись для нихъ совершенствомъ, первые лишены и этого оправданія, ибо ведутъ пропаганду такихъ началъ, несостоятельность коихъ и вообще, и специально для насъ, обнаружена достаточно и теоріей науки и публицистики и практикой дѣйствительной жизни, да и сами пропагандисты отнюдь не могутъ отозваться невѣдѣніемъ этого обстоятельства, ибо, въ противоположность своимъ предшественникамъ, агитировавшимъ въ первой четверти столѣтія, принадлежать не къ верхнимъ слоямъ общества, вообще не богатымъ научными познаніями, а къ тѣмъ среднимъ слоямъ интеллигенціи, которые состоятъ изъ части общества, наиболѣе образованной.

Въ этомъ обстоятельствѣ легко, впрочемъ, усмотрѣть общій законъ, которому слѣдуютъ всѣ наши заимствованія у чужеземцевъ: сначала заимствованіе водворяется въ высшихъ, аристократическихъ классахъ; затѣмъ, когда тамъ оно переживаетъ себя и выйдетъ изъ моды, оно становится достояніемъ сословій, стоящихъ ниже его, которыя, чрезъ извѣстный періодъ времени наскучивъ имъ, въ свою очередь передаютъ его на употребленіе другимъ сословіямъ, еще ниже ихъ стоящимъ на лѣстницѣ общественной жизни.

Такъ бываетъ и со всякою модой, такъ было и со

всѣми философскими и общественными ученіями и направленіями, также точно совершается и пропаганда политическаго суемудрія. И въ этомъ случаѣ сказывается тоже лакейство мысли передъ Западной Европой, которымъ грѣшитъ послѣ-Петровское русское общество, вотъ уже два столѣтія поклоняясь безсознательно какому угодно вздору и благоговѣя предъ какою угодно нравственною и умственною гнилью и плѣсенью, разъ она поступаетъ на рынокъ западно-европейскаго философскаго шарлатанства.

Было бы, впрочемъ, преувеличеніемъ утверждать, что это лакейство политической мысли составляетъ всеобщую моду, послѣдовательно нисходящую сверху внизъ по всему составу русскихъ общественныхъ классовъ: какъ въ 1825 и 1848 г.г. проповѣдь политическаго разврата ограничивалась сравнительно ничтожными кружками, выдѣлявшимися изъ многочисленнаго состава высшаго и средняго дворянства, такъ и нынѣшняя проповѣдь *правоты и порядковъ* наибольшимъ успѣхомъ пользуется въ сравнительно ничтожныхъ по численности интеллигентныхъ кружкахъ, контингентъ которыхъ пополняется преимущественно изъ такъ называемыхъ разночинцевъ, людей свободныхъ профессій, высшей и средней буржуазіи, средняго и низшаго чиновничества, умственнаго пролетаріата, и въ особенности натурализовавшихся въ Россіи иноземцевъ и инородцевъ, и т. д. т. п.

Что же касается основныхъ сословій, на которыхъ и держится все современное громадное зданіе русской государственности, тысячелѣтнимъ трудомъ и кровію которыхъ оно и создано, эти общественные классы русскаго народа остаются, слава Богу, доселѣ также глухи къ льстивымъ рѣчамъ нашихъ конституціона-

листовъ какъ и полтораста лѣтъ назадъ. И современнымъ проповѣдникамъ конституціи было бы поучительно припомнить, чѣмъ кончилось поползновеніе верховниковъ привлечь на сторону своихъ правовыхъ вожделѣній гвардейцевъ Преображенскаго полка: вѣрные сыны русскаго крестьянства высказались въ отношеніи правоваго порядка въ томъ смыслѣ, что не только его не примутъ, а и проповѣдникамъ за ихъ проповѣдь ноги переломають.

Вооруженные силы Русскаго
народа.

Обширныя реформы прошлаго царствованія, отразившіяся на всѣхъ сторонахъ государственной и общественной жизни русскаго народа, не остались безъ вліянія и на его вооруженныя силы.

Всѣ условія военнаго быта: организація, комплектованіе, внутренняя жизнь, способы удовлетворенія жизненныхъ потребностей войска и пр. т. п. подверглись значительнымъ реформамъ, циклъ которыхъ не завершился доселѣ, и которыя почти съ тою же энергіей проводятся во всѣхъ сферахъ воинской жизни до настоящаго времени. Конечная цѣль этой преобразовательной работы—увеличеніе боевой готовности нашей арміи согласно требованіямъ новѣйшаго военнаго искусства.

Неусыпная заботливость о развитіи и совершенствованіи вооруженныхъ силъ является настоятельною потребностью въ виду всеобщаго вооруженія всѣхъ европейскихъ правительствъ, доселѣ не останавливающихся въ безсознательномъ стремленіи обратить свои государства въ поголовныя казацкія становища—стремленіи, которому не могутъ положить ни предѣла, ни пре-

грады даже цивилизація и культура, не смотря на ихъ великіе успѣхи въ современномъ мірѣ: роковой, неумолимый, жестокой законъ борьбы за политическое существованіе и первенство нимаго не смягчается подъ ихъ воздѣйствіемъ, а лишь выливается въ новыхъ, болѣе усовершенствованныхъ формахъ.

Волей - неволей, наше государство не могло, безъ ущерба для своего политическаго значенія, отставать въ этомъ столь важномъ дѣлѣ отъ своихъ сосѣдей, и русскимъ людямъ отраднo видѣть, что труды правительства и военнаго управленія не пропали даромъ. За послѣднюю четверть вѣка военное дѣло наше столь значительно шагнуло впередъ, что если мы въ чемъ и уступаемъ своимъ западнымъ сосѣдямъ, за то во многомъ ихъ и превосходимъ.

Различнаго рода неустройства, приведшія къ печальному концу восточную войну 1854 — 56 г.г., давно отошли въ область преданій и представляются теперь чѣмъ-то невѣроятнымъ, не смотря на то, что паденію Севастополя минуло всего только 30 лѣтъ, и что современники этого событія и доселѣ состоятъ еще на воинской службѣ.

Но такъ какъ ничто не совершенно въ семъ мірѣ, то и энергичныя стремленія военнаго управленія, доведя нашу армію до состоянія сравнительно съ прежнимъ по истинѣ блестящаго, не успѣли устранить въ немъ всѣхъ пробѣловъ и недостатковъ, которые и требуютъ скорѣйшаго восполненія и устраненія.

Изобразить современное состояніе вооруженныхъ силъ Россіи; указать улучшенія и усовершенствованія уже осуществленныя въ нашемъ военномъ дѣлѣ; выяснитъ недостатки, устраненіе коихъ желательно поставить на первую очередь; намѣтитъ вопросы, рѣ-

шеніе коихъ, въ виду ихъ важнаго значенія для арміи, должно быть, по нашему крайнему разумѣнію, задачей ближайшаго будущаго—такова цѣль настоящаго очерка.

Матеріалы для нашего труда мы заимствовали только изъ официальныхъ и неофициальныхъ изданій; тѣмъ не менѣе источники эти даютъ возможность съ достаточною полнотою изобразить состояніе нашихъ военныхъ силъ, за исключеніемъ подробностей мобилизаци и плановъ сосредоточенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, составляющихъ тайну военнаго управленія—тайну, по поводу которой возможны лишь общія соображенія, основанныя на условіяхъ, отъ коихъ зависитъ успѣшное выполненіе упомянутыхъ операцій, какъ-то: обширность территоріи государства, плотность населенія, пути сообщенія и т. п.

Такую же тайну военнаго управленія составляетъ и вопросъ объ инженерной подготовкѣ нашей пограничной полосы: по этому отдѣлу мы имѣемъ лишь возможность указать, гдѣ и какія имѣются у насъ крѣпости; выясненіе же подробностей ихъ устройства и способности къ оборонѣ, понятно, не можетъ входить въ нашу задачу.

I.

Организація и числительный составъ
русской арміи. Комплектованіе арміи.
Управленіе войсками въ мирное и воен-
ное время.

Военно-сухопутныя силы Россіи раздѣляются на три категоріи: 1) кадры мирнаго времени; 2) запасъ, служащій для укомплектованія этихъ кадровъ до штатовъ военнаго времени, и 3) государственное ополченіе, призываемое на защиту отечества лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Войска, состоящія на службѣ въ мирное время, дѣлятся на два главныхъ вида: а) полевые или дѣйствующія и б) резервныя.

Дѣйствующія войска, сравнительно съ резервными, имѣютъ болѣе сильный составъ кадровъ мирнаго времени, а потому обладаютъ и большею боевою готовностью. Въ случаѣ войны онѣ составляютъ, такъ сказать, первую линію нашихъ вооруженныхъ силъ, тогда какъ резервныя — вторую.

Въ составъ дѣйствующихъ войскъ входятъ двадцать корпусовъ. Нормальный составъ корпуса—двѣ пѣхотныя дивизіи, двѣ артиллерійскія бригады и одна кавалерійская дивизія съ двумя конными батареями.

Сверхъ двадцати корпусовъ имѣются еще нѣсколько

отдѣльных пѣхотныхъ дивизій, двѣнадцать стрѣлковыхъ бригадъ и тридцать три линейныхъ баталіона.

Къ дѣйствующимъ же войскамъ, кромѣ того, принадлежатъ и войска инженерныя, состоящіе изъ шести саперныхъ бригадъ, въ составъ коихъ входятъ саперные, понтонные и желѣзнодорожные баталіоны, военнотелеграфные и полевые инженерные парки.

Всего дѣйствующія войска составляютъ до 880 баталіоновъ пѣхоты, 276 эскадроновъ кавалеріи (не считая казаковъ), 333 артиллерійскихъ батарей съ 2600 орудій, и 6 саперныхъ бригадъ.

Что касается числительнаго состава дѣйствующихъ войскъ по родамъ оружія, онъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

	въ мирное время	въ военное время
Пѣхоты	475,000 чел.	868,000 чел.
Кавалеріи (безъ казаковъ) 50,000 "	50,000 "	52,000 "
Артиллеріи	90,000 "	190,000 "
Инженерныхъ войскъ . 24,000 "	24,000 "	32,000 "
Итого	639,000 чел.	1,142,000 чел.

Резервныя войска состоятъ изъ 115 баталіоновъ пѣхоты, 30 батарей артиллеріи и 50½ крѣпостныхъ баталіоновъ. Всего въ резервныхъ войскахъ числится въ мирное время около 80,000 чел., въ военное — до 550,000 чел.

Кромѣ дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ полагаются у насъ еще войска запасныя и мѣстныя.

Первыя имѣютъ назначеніемъ готовить людей и лошадей для пополненія убыли во время военныхъ дѣйствій, и въ мирное время существуютъ лишь для кавалеріи, для пѣхоты же, артиллеріи и инженерныхъ войскъ формируются лишь съ объявленіемъ войны.

Мѣстныя войска несутъ обязанности внутренней службы, т. е. содержатъ караулы, конвоируютъ арестантовъ и т. п. въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ не имѣется ни дѣйствующихъ, ни резервныхъ войскъ.

Остается упомянуть еще объ одной составной части вооруженныхъ силъ Россіи, составляющей ихъ особенность и не имѣющей ничего себѣ соотвѣтствующаго въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ: разумѣемъ казаковъ.

Казаки населяютъ преимущественно окраины государства. Историческія условія ихъ существованія, постоянная, многовѣковая борьба съ сосѣдними народами выработали изъ нихъ смѣлыхъ, находчивыхъ и рѣшительныхъ воиновъ. Привольная жизнь въ обширныхъ степяхъ южной Россіи и привычка съ малолѣтства ѣздить верхомъ создали изъ нихъ преимущественно отличныхъ всадниковъ, обладающихъ многими свойствами, которыя привить искусственно регулярнымъ кавалеристамъ невозможно, какъ-то: необычайною выносливостью, чуткостью, способностью находить дорогу на какой угодно мѣстности и въ какую угодно пору дня, хотя бы въ ночной тьмѣ, и т. п.

Населеніе казачьихъ земель образуетъ отдѣльныя казачьи войска, изъ которыхъ наиболѣе многочисленно Донское.

Всѣ казачьи войска выставляютъ въ мирное время 7 пѣшихъ баталіоновъ, 266 конныхъ сотенъ и 20 батарей при 98 орудіяхъ, всего около 50,000 чел., въ военное же время достигаютъ 20 баталіоновъ пѣхоты, 808 сотенъ кавалеріи и 40 батарей, всего до 160,000 чел.

Такимъ образомъ, общій итогъ сухопутныхъ войскъ

нашего государства вполне точно выражается слѣдующими цифрами:

	въ мирное время	въ военное время
Пѣхоты.	620,000 чел.	1,700,000 чел.
Кавалеріи	78,000 "	224,000 "
Артиллеріи.	116,000 "	260,000 "
	(съ 2,852 оруд.)	(съ 3,606 оруд.)
Инженерныхъ войскъ.	24,000 чел.	48,000 чел.
Итого	838,000 чел.	2,232,000 чел.,*)
	2,852 оруд. и	3,606 оруд. и
	90,000 лош.	380,000 лош.

Разница между военнымъ и мирнымъ составомъ арміи простирается до 1,400,000 чел.: пополнить ее, въ случаѣ надобности, долженъ имѣющійся у насъ запасъ людей, уже прошедшихъ ряды арміи и уволенныхъ отъ дѣйствительной службы, но обязанныхъ въ случаѣ войны немедленно явиться подъ знамена, а въ теченіе мирнаго времени дважды отбыть учебный сборъ при войскахъ.

Вопросъ, имѣется-ли у насъ для пополненія кадровъ мирнаго времени до военного состава достаточный запасъ людей, прошедшихъ уже предварительно основательную военную школу, приобретаетъ большую практическую важность на случай военныхъ обстоятельствъ.

*) Сюда не вошли еще различнаго рода вспомогательныя части, какъ-то: госпитальныя команды, учебныя заведенія, жандармскія части и т. п., какъ не имѣющія прямого боеваго значенія. Числительная сила ихъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время простирается до 50,000 чел.

Число новобранцевъ, призываемыхъ ежегодно на службу, простиралось до настоящаго времени среднею цифрой до 230,000 чел. Полный дѣйствительный срокъ службы нашего солдата составлялъ до послѣдняго времени 5 лѣтъ. Но на этотъ срокъ оставлялись около 190,000 чел., остальные же 40,000 чел. увольнялись черезъ годъ: это люди, числившіеся въ своихъ частяхъ сверхъ комплекта, составлявшіе такъ называемый разрядъ однолѣтокъ.

Считая ежегодную убыль въ войскахъ отъ смертности, чрезъ увольненіе изъ службы по болѣзни и т. п., въ 4% (что близко подходитъ и къ дѣйствительности), найдемъ, что изъ 190,000 чел., поступающихъ на службу, къ концу 5-го года остается 152,000.

Общій срокъ службы солдата опредѣленъ былъ, по уставу 1874 г., въ 15 лѣтъ. За исключеніемъ 5 лѣтъ службы подъ знаменами, остается 10 лѣтъ службы въ запасѣ. Слѣдовательно, всего въ запасѣ у насъ должно числиться 10 возрастныхъ классовъ, изъ коихъ въ первомъ, какъ мы видѣли, будетъ на лицо 152,000 чел. Примѣнивъ приведенный выше расчетъ къ прочимъ классамъ, т. е., вычитая за каждый годъ по 4%, получимъ общую цифру въ 1,300,000 чел.

Такимъ образомъ, въ настоящее время для укомплектованія нашей арміи до военнаго состава имѣется 1,300,000 чел., прошедшихъ основательную 5-лѣтнюю военную школу. Недостающее число во 100,000 чел. пришлось бы пополнить людьми, прослужившими на дѣйствительной службѣ одинъ только годъ. Такихъ людей у насъ должно накопиться въ запасѣ до 400,000.

Въ іюлѣ минувшаго 1888 г. общій срокъ службы увеличенъ до 18 лѣтъ, изъ коихъ 5 лѣтъ назначены для службы подъ знаменами и 13 для состоянія въ запасѣ; на п ак-

тикѣ, впрочемъ, военному министру предоставляется право увольнять въ запасъ чрезъ 4 года дѣйствительной службы. Когда новый законъ успѣетъ оказать полное дѣйствіе, числиться въ запасѣ у насъ будетъ уже 14 возрастныхъ классовъ. Притомъ, въ виду сокращенія срока дѣйствительной службы до 4-хъ лѣтъ, число людей, ежегодно принимаемыхъ на службу, а равно и увольняемыхъ въ запасъ, будетъ увеличиваться и численность запаса достигнетъ 2,000,000 чел., прошедшихъ 4-лѣтнюю военную школу.

Гораздо затруднительнѣе пополненіе численности офицеровъ до штатовъ военного времени.

Въ мирное время у насъ на дѣйствительной службѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ состоитъ съ небольшимъ 31,000 чел. Въ военное время число это должно возрасти приблизительно до 44,000 чел., и изъ имѣющагося въ настоящее время запаса офицерскихъ чиновъ нѣтъ возможности пополнить эту разницу, такъ какъ для этого понадобилось бы ихъ на нѣсколько тысячъ человекъ болѣе дѣйствительнаго числа. Для пополненія такого дефицита у насъ допущена въ настоящее время чрезвычайная мѣра — дозволеніе держать экзамень на чинъ прапорщика запаса на особыхъ, весьма легкихъ условіяхъ (о чемъ сказано будетъ ниже).

Комплектованіе арміи лошадьми по штатамъ военного времени производится на основаніи обязательной военно-конской повинности. Затрудненія въ подобномъ комплектованіи встрѣтиться не можетъ, такъ какъ число лошадей въ Россіи превышаетъ 20 милл. шт., разница же между штатами лошадей для мирнаго и военного времени не превышаетъ 300,000 шт.

Государственное ополченіе, какъ и выше сказано, призывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ

и составляется изъ пѣшихъ дружинъ, численностью отъ 660 до 1000 ратниковъ, и конныхъ сотенъ во 120 ратниковъ.

Въ ополченіе поступаютъ всѣ молодые люди, способные носить оружіе, остающіеся ежегодно за пополненіемъ дѣйствующихъ войскъ и числящіеся въ немъ до 43-лѣтняго возраста. Число ихъ простирается ежегодно до 300,000 чел., а такъ какъ призывъ на службу установленъ у насъ въ возрастѣ 21 года, то, слѣд., всего въ ополченіи будетъ числиться 22 возрастныхъ класса. Кромѣ того, всѣ лица, выслужившія установленный срокъ въ запасѣ, до 43-лѣтняго возраста зачисляются также въ ополченіе. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что вся сила нашего государственнаго ополченія простирается до громадной цифры въ $4\frac{1}{2}$ милл. чел. Но изъ этой массы только съ небольшимъ 400,000 чел. будутъ имѣть военную подготовку, т. е. тѣ, которые поступятъ въ ополченіе изъ запаса.

Всеобщая воинская повинность введена у насъ уставомъ 1874 г. Съ основанія же регулярной арміи при Петрѣ Великомъ она комплектовалась обязательнымъ для населенія наборомъ рекрутъ и никогда нашъ солдатъ не служилъ по найму, какъ это было во всѣхъ почти прочихъ европейскихъ арміяхъ до начала текущаго столѣтія.

Новымъ уставомъ обязанность защиты Престола и отечества, и притомъ личная, распространена уже на всѣ сословія, тогда какъ прежде рекруты взиались съ извѣстнаго числа душъ, безъ различія кто именно изъ нихъ поступалъ на службу.

Точное число новобранцевъ, необходимое для комплектованія арміи, опредѣляется ежегодно военнымъ

министерством и распределяется имъ по губерніямъ. Самый призывъ производится уѣздными и городскими по воинской повинности присутствіями въ періодъ съ 1 ноября по 15 декабря.

Общее число лицъ, подлежащихъ призыву, простирается ежегодно до 850,000 чел., изъ коихъ способныхъ носить оружіе до 570,000. Между тѣмъ ежегодная потребность арміи въ настоящее время составляетъ всего около 250,000 чел. Такимъ образомъ приходится рѣшать, кто именно изъ призываемыхъ долженъ поступить на службу. Вопросъ этотъ рѣшается жребіемъ. Кромѣ того значительному числу призываемыхъ предоставляется льгота, заключающаяся въ освобожденіи отъ дѣйствительной службы въ мирное время по семейному положенію, въ отсрочкахъ для окончанія образованія и т. п. Точно также лица, получившія извѣстное образованіе, пользуются правомъ на сокращенные сроки службы. Въ этомъ отношеніи всѣ учебныя заведенія раздѣляются на 3 разряда, смотря по обширности ихъ программъ.

Здѣсь не мѣшаетъ остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Лица, окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 3 разряда, обязываются 4-лѣтнею службой подъ знаменами: при прежнемъ 5-лѣтнемъ общемъ срокѣ службы это дѣйствительно составляло извѣстную льготу. Нынѣ же, когда общій срокъ службы установился въ 4 года, окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ 3 разряда, значитъ, не даетъ никакихъ льготъ. Надо полагать впрочемъ, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ въ непродолжительномъ времени.

По приѣмѣ на службу новобранцы распределяются въ части войскъ по различнымъ родамъ оружія, сообразно съ требованіями, коимъ должны удовлетво-

рять люди, поступающіе на укомплектованіе пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ, по распоряженіямъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Уѣздные воинскіе начальники, однако, далеко не всегда оказываются компетентными для этихъ цѣлей, а особенно для послѣдней, и цѣлесообразнѣе было бы, полагаясь, назначать ежегодно по нѣскольку лишнихъ новобранцевъ на каждую пѣхотную роту съ тѣмъ, чтобы по надлежащемъ первоначальномъ обученіи ихъ въ этомъ родѣ оружія, кавалерійское и артиллерійское начальства выбирали изъ нихъ наиболѣе способныхъ къ службѣ въ кавалеріи, артиллеріи и специальныхъ войскахъ.

Этою мѣрой достигалась бы и та выгода, что въ кавалерію, напримѣръ, поступали бы люди, получившіе уже извѣстную военную подготовку, которыхъ оставалось бы только приучить специально къ кавалерійской службѣ. Въ настоящее же время въ кавалеріи, при томъ же срокѣ обученія молодыхъ солдатъ, какъ и въ пѣхотѣ, приходится обучать ихъ и всему тому, что необходимо знать кавалеристу, и почти всему тому, что долженъ знать пѣхотный солдатъ, что, разумѣется, весьма затруднительно.

Комплектованіе новобранцами не представляетъ у насъ никакого затрудненія, въ виду громаднаго числа молодыхъ людей, достигающихъ ежегодно призывнаго возраста; за то комплектованіе арміи унтеръ-офицерами является одною изъ *наиболѣе трудныхъ задачъ военной администратіи.*

Необходимость въ каждой ротѣ нѣсколькихъ опытныхъ, надежныхъ унтеръ-офицеровъ сказывается особенно настоятельно, въ виду и постоянно возрастающихъ требованій отъ современнаго солдата, и краткости служебныхъ сроковъ.

Ротному командиру одному *невозможно* справляться со всею строевою и хозяйственною работою въ своей части, и ему необходимы надежные и опытные помощники изъ нижнихъ чиновъ, а ихъ-то въ нашей арміи *и не хватаетъ*.

Для подготовки унтеръ-офицеровъ у насъ существуютъ въ пѣхотѣ и кавалеріи полковыя, а въ артиллеріи бригадныя учебныя команды: въ первыхъ курсъ продолжается съ конца одного лагерного сбора до начала другаго, во вторыхъ въ теченіе цѣлаго года.

Въ пѣхотныя и кавалерійскія учебныя команды поступаютъ, по большей части, люди, предварительно въ теченіе года обучавшіеся въ особыхъ ротныхъ школахъ и прослужившіе въ строю около двухъ лѣтъ, такъ что кончаютъ курсъ учебной команды и производятся въ унтеръ-офицеры они только на третьемъ году службы, и въ этомъ званіи имъ приходится дослуживать менѣе двухъ лѣтъ.

Между тѣмъ преподаваніе въ учебной командѣ носитъ характеръ преимущественно теоретическій, на практикѣ же молодому унтеръ-офицеру изучать дѣло приходится въ ротѣ, подъ наблюденіемъ ротнаго командира. Въ теченіе $1\frac{1}{2}$ —2 лѣтъ онъ едва успѣваетъ пріобрѣсти необходимыя для его званія практическія снаровку и привычку управлять ввѣренными ему людьми, и какъ только выработаетъ изъ себя вполне годнаго и полезнаго для службы начальника и помощника ротному командиру—тутъ же истекаетъ и срокъ его службы, а ротному командиру приходится имѣть дѣло опять съ новыми унтеръ-офицерами, только что выпущенными изъ учебныхъ командъ, и опять терять ихъ, какъ только они получаютъ подъ его руководствомъ необходимую практическую подготовку. Такъ и тянется

изъ года въ годъ эта Сизифова работа и унтеръ-офицеры, вмѣсто того чтобы облегчать ротному командиру его тяжелый трудъ, являются для него только лишнимъ бременемъ, да и себѣ въ этой практической подготовкѣ не приобрѣтають ничего, такъ какъ достигаютъ ее какъ разъ ко времени увольненія въ запасъ.

Что измѣнить этотъ порядокъ на болѣе соотвѣтственный интересамъ военной службы *необходимо, и какъ можно скорѣе*—объ этомъ не можетъ быть спора; единственнымъ же средствомъ къ тому является привлеченіе надежныхъ и свѣдущихъ унтеръ-офицеровъ на сверхсрочную службу.

Само собою разумѣется, что обязательнымъ продленіемъ срока унтеръ-офицерской службы достигнуть этого нельзя: такая мѣра была бы и несправедлива, и бесполезна, ибо всякій тогда старался бы избѣжать и учебной команды, и унтеръ-офицерскихъ галуновъ, и необходимо слѣдуетъ, чтобы сверхсрочная служба была добровольною.

А чтобы привлечь унтеръ-офицеровъ къ сверхсрочной добровольной службѣ, очевидно необходимо сдѣлать ихъ служебную обстановку возможно привлекательнѣе. Со времени введенія всеобщей воинской повинности у насъ принимаются въ этихъ видахъ различныя мѣры: нашиваются серебряныя и золотыя нашивки и нашиваются медали прослужившимъ извѣстный срокъ, производится добавочное жалованье въ размѣрѣ 84 р. въ годъ фельдфебелямъ, и 60 р. старшимъ унтеръ-офицерамъ, выдаются единовременныя пособія въ размѣрѣ 150 р. за два года сверхсрочной службы, 250 р. за десять лѣтъ и 1000 р. за двадцать лѣтъ, причемъ это послѣднее пособие, по желанію, замѣняется пожизненною пенсіей въ размѣрѣ 96 р. въ годъ.

До сихъ поръ, однако, эти мѣры принесли *мало* пользы и въ настоящее время, въ пѣхотѣ, по крайней мѣрѣ, едва ли и половина всѣхъ ротъ имѣетъ фельдфебелей изъ сверхсрочныхъ; отсюда очевидно, что помянутыя преимущества еще не столь значительны, чтобы могли уравниваться съ выгодами различнаго рода частной службы, а потому необходимо еще болѣе расширить ихъ.

Обращаясь къ арміямъ другихъ европейскихъ государствъ, мы видимъ, что наиболѣе удачно рѣшенъ унтеръ-офицерскій вопросъ въ арміи германской, гдѣ главною приманкой къ сверхсрочной службѣ является, помимо различныхъ преимуществъ, предоставляемыхъ на самой службѣ, *исключительное* право унтеръ-офицеровъ, прослужившихъ опредѣленный срокъ, на занятіе различныхъ хорошо обставленныхъ должностей по разнымъ вѣдомствамъ гражданской службы, такъ что, вѣроятно, результатомъ именно этой мѣры и является, что у нѣмцевъ въ каждой ротѣ найдется отъ 8 до 10 прекрасно выученныхъ унтеръ-офицеровъ сверхсрочной службы.

Правда, и у насъ выдаются унтеръ-офицерамъ, по прослуженіи пяти лѣтъ на сверхсрочной службѣ, особыя рекомендательныя свидѣтельства на *право* занятія различныхъ должностей. Но это *право* на самомъ дѣлѣ унтеръ-офицеру ровно ничего не даетъ, такъ какъ не *обязываетъ* никакое вѣдомство отдавать владѣльцу такового преимущество передъ другими конкуррентами на ту или другую должность.

Между тѣмъ мало ли такихъ мѣстъ, которые могли бы быть занимаемы исключительно старыми надежными служаками: почему бы, на примѣръ, не обязать наши желѣзныя дороги, такъ дорого стоящія казнѣ, прини-

мать исключительно этихъ людей на соотвѣтствующія ихъ званію должности?

Помимо громадной пользы, которую принесла бы такая мѣра арміи, она имѣла бы и весьма важное *государственное значеніе*.

Во всѣхъ отношеніяхъ надежные унтеръ-офицеры замѣнили бы собою не безопасныхъ, и во всякомъ случаѣ *въ политическомъ отношеніи* болѣе или менѣе сомнительныхъ, нѣмцевъ и поляковъ, захватившихъ себѣ чуть не монополію желѣзнодорожной службы на большинствѣ линій, а на случай военныхъ дѣйствій мы, благодаря этому, имѣли бы значительное число воинскихъ чиновъ, хорошо знакомыхъ съ желѣзно-дорожною службой.

Для комплектованія арміи офицерами имѣются два источника: 1) училища военныя, и 2) окружныя юнкерскія.

Первыя изъ нихъ принимаютъ молодыхъ людей, получившихъ основательное общее образованіе въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и пр. этого же типа заведеній. Въ теченіе 2-годовалнаго курса военныхъ училищъ ученики ихъ приобрѣтаютъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія изъ военныхъ наукъ и выпускаются на службу во всѣ роты оружія подпоручиками и корнетами.

Курсъ юнкерскихъ училищъ продолжается также два года. Эти училища принимаютъ молодыхъ людей съ гораздо слабѣйшею образовательною подготовкой, въ виду чего и программа ихъ далеко не такъ обширна, какъ программа первыхъ.

По окончаніи курса юнкера окружныхъ училищъ выпускаются на службу не офицерами, а подпрапорщиками и эстандартъ-юнкерами и производятся въ пер-

вый офицерскій чинъ по выслугѣ болѣе или менѣе значительнаго срока въ званіи нижняго чина, сообразно съ тою или другою степенью успѣха, обнаруженнаго ими при окончаніи курса, и съ освобожденіемъ оберъ-офицерскихъ вакансій.

Ежегодный выпускъ изъ военныхъ училищъ колеблется между 700—800 чел., изъ юнкерскихъ же достигаеть 1400 чел. Въ числѣ состоящихъ теперь на службѣ офицеровъ курсъ первыхъ училищъ прошли приблизительно только 30%, остальные же — курсъ окружныхъ юнкерскихъ училищъ.

Такимъ образомъ, корпусъ нашихъ офицеровъ по отношенію къ его умственному цензу представляетъ двѣ категоріи, *рѣзко* между собой различающіяся, что связано съ существенными неудобствами.

Въ самомъ дѣлѣ, если подготовка будущихъ офицеровъ въ юнкерскихъ училищахъ и достаточна на первыхъ ступеняхъ ихъ службы, въ роли младшихъ офицеровъ и даже ротныхъ командировъ, то при дальнѣйшемъ теченіи службы, на должностяхъ съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности и съ обязанностью руководить тактическимъ образованіемъ подчиненныхъ, она оказывается далеко *не пригодною*, и для замѣщенія послѣдняго рода должностей приходится по большей части останавливать выборъ на воспитанникахъ военныхъ училищъ. Такое рѣзкое раздѣленіе офицеровъ одной и той же части на овецъ и козлищъ, на умственно привилегированныхъ и непривилегированныхъ, на офицеровъ съ шансами дальнѣйшаго повышенія—и безъ оныхъ, знающихъ, что дальше ротнаго командира имъ не уйти, такое раздѣленіе не можетъ не отзываться вредно на духъ товарищества и единства, который долженъ составлять одно изъ

наиболѣе драгоцѣнныхъ свойствъ всякой воинской части.

Убѣжденіе офицера, что сколько бы онъ ни служилъ, какъ бы усердно ни трудился въ данномъ кругѣ своей дѣятельности, онъ все-таки не выйдетъ изъ этого круга, что путь къ дальнѣйшему повышенію для него закрытъ навсегда, невольно ослабляетъ его нравственную энергію и служебное рвеніе: не даромъ Суворовъ говорилъ, что плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ.

И конечно желательнѣе было бы имѣть корпусъ офицеровъ однообразнаго, и притомъ, сравнительно съ настоящимъ, *повышеннаго* умственного и образовательнаго ценза, ибо при этомъ только порядкъ вещей достигнута была бы немаловажная выгода, заключающаяся въ возможности, при всякомъ назначеніи на высшія должности, дѣлать выборъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ, а не изъ $\frac{1}{4}$ ихъ части.

Въ военное время сверхъ того, какъ упомянуто выше, нашъ корпусъ офицеровъ пополняется прапорщиками запаса. Право на производство въ этотъ чинъ приобрѣтается чрезвычайно легкимъ экзаменомъ изъ различныхъ уставовъ и военныхъ наукъ, при чемъ разрѣшается одного изъ предметовъ, перечисленныхъ въ программѣ, и вовсе не знать, такъ какъ, по закону, выдержавшими экзаменъ считаются и тѣ лица, которыя получаютъ по одному предмету и менѣе 6 балловъ при 12-балльной системѣ. Допускаются къ экзамену вольноопредѣляющіеся и охотники, съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, прослужившіе два періода учебныхъ занятій, и жеребьевики, прослужившіе полныхъ два года.

Эта категория офицеровъ не можетъ, по своей подготовкѣ, считаться дѣйствительно полезною, самое

существованіе ея вызывается крайностью, и слѣдуетъ желать, разумѣется, чтобы возможно скорѣе былъ положенъ конецъ подобному порядку вещей.

Высшее военное образованіе офицеры приобрѣтають въ военныхъ академіяхъ: Генеральнаго штаба, Инженерной, Артиллерійской и Военно-юридической. Поступленіе въ эти академіи поощряется различными мѣрами, какъ-то: усиленными окладами жалованья и т. п.

Къ сожалѣнію, всѣ высшія военно-учебныя заведенія имѣють преимущественною цѣлью лишь подготовку офицеровъ къ службѣ по различнымъ специальностямъ, вслѣдствіе чего и приемъ въ оныя ограничивается потребностью укомплектованія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ инженеровъ и пр.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что армія много выиграла бы, если бы въ рядахъ ея находилось, въ строевой службѣ, возможно большее число офицеровъ, прошедшихъ высшую военную школу, и конечно желательно было бы сдѣлать доступнымъ приемъ въ академіи всѣхъ офицеровъ, *способныхъ* выполнить требованія приемнаго экзамена и *заявляющихъ готовность* посвятить себя высшему военному образованію.

Во главѣ русской арміи стоитъ ея Самодержавный Царь. Всѣ законодательныя мѣропріятія и распоряженія по военному вѣдомству исходятъ отъ Него или утверждаются Имъ.

Если самодержавіе является наиболѣе свойственной для русскаго народа формой правленія, внѣ которой немислимо естественное и правильное развитіе его исторической жизни, то для русской арміи оно является особенно важнымъ преимуществомъ, которымъ не обладаетъ ни одна армія въ цѣломъ свѣтѣ.

Благодаря неограниченной власти русскаго Монарха высшее управленіе вооруженными силами Россіи пріобрѣтаетъ особую энергію и единство—столь важныя преимущества въ военномъ дѣлѣ. Всѣ мѣры, принимаемыя по военному вѣдомству, могутъ быть приводимы въ исполненіе быстро и безпрепятственно и тѣ изъ нихъ, кои не должны до времени открываться постороннему глазу, сохраняемы въ глубочайшей тайнѣ.

Не то видимъ мы въ Западной Европѣ, гдѣ противо-дѣйствіе парламентскихъ ораторовъ часто ставитъ преграду верховной власти въ развитіи вооруженныхъ силъ государства и гдѣ необходимость испрашивать кредиты на военныя надобности часто ведетъ къ преждевременному разглашенію мѣропріятій, которыя по существу своему должны содержаться въ тайнѣ.

Высшій административный органъ, которымъ приводится въ исполненіе Высочайшая воля, составляетъ военное министерство, вѣдающее всѣ войска и военныя учрежденія государства. Но, въ виду обширности территоріи нашего отечества, полная централизація военнаго управленія невозможна въ одномъ учрежденіи, вслѣдствіе чего вся имперія раздѣляется въ военномъ отношеніи на 13 военныхъ округовъ, въ каждомъ изъ коихъ существуетъ свое военно-окружное управленіе, за вѣдующее какъ войсками такъ и всѣми военными заведеніями.

Во главѣ войскъ cadaго округа поставлена власть командующаго ими, избираемаго по личному усмотрѣнію Государя Императора, назначаемаго Высочайшимъ при-казомъ и указомъ Правительствующему Сенату и являющагося, по отношенію къ войскамъ, мѣстнымъ представителемъ Верховной власти.

Ближайшимъ исполнителемъ распоряженій командующаго войсками является начальникъ его штаба, приказы коего, объявляемые отъ имени командующаго, исполняются какъ личныя распоряженія послѣдняго.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ строевое управленіе войсками уже отдѣляется отъ управленія различными военными учрежденіями. Высшую инстанцію исключительнаго управленія войсками представляетъ власть корпуснаго командира: его обязанности состоятъ главнымъ образомъ въ строевой и тактической подготовкѣ ввѣренныхъ ему войскъ; что же касается ихъ хозяйствъ, въ этомъ отношеніи онъ обязанъ лишь контролировать дѣятельность подчиненныхъ ему начальниковъ.

Далѣе идутъ начальники дивизій и полковые командиры, несущіе полную отвѣтственность за исправное состояніе ввѣренныхъ имъ войскъ по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Наконецъ, низшими начальниками изъ офицерскихъ чиновъ являются въ пѣхотѣ баталіонные и ротные, въ кавалеріи эскадронные и въ артиллеріи батареинные командиры.

Въ военное время армія, дѣйствующая на театрѣ военныхъ дѣйствій, составляется изъ нѣсколькихъ частныхъ армій, а изъ нихъ каждая, въ свою очередь, изъ нѣсколькихъ корпусовъ.

Командующіе каждою частною арміею и въ особенности главнокомандующій надъ всѣми ими пользуются у насъ чрезвычайно обширною властью: имъ подчиняются даже члены Императорской фамиліи, если находятся при арміи.

Имъ подчиняются, кромѣ собственно войскъ, также всѣ окружныя управленія, всѣ губерніи и области объявленныя на военномъ положеніи и входящія въ районъ

расположенія ихъ войскъ, а равно и всѣ непріятельскія области, занятія по праву войны..

Такая обширная власть ставитъ нашихъ главнокомандующихъ въ чрезвычайно выгодное положеніе, такъ какъ даетъ имъ возможность быстро и безпрепятственно, не спрашиваясь, приводить въ исполненіе всѣ свои намѣренія, что чрезвычайно важно на войнѣ, гдѣ успѣхъ по большей части зависитъ отъ быстрого и своевременнаго приведенія въ исполненіе того или другаго рѣшенія.

Дѣятельность главнокомандующаго арміею и его штаба облегчается еще тѣмъ, что на нихъ не лежитъ мелочной работы по выполненію различныхъ хозяйственныхъ операцій, которая возлагается на управленія отдѣльныхъ армій, а равно на управленія пограничныхъ округовъ.

Что касается прочихъ начальниковъ, какъ-то: командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, то ихъ право и власть также расширяются въ значительной степени, въ зависимости отъ особыхъ требованій военного времени.

II.

Довольствіе войскъ. Содержаніе нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Содержаніе и довольствіе нашей арміи производится двумя совершенно различными способами, изъ коихъ одинъ примѣняется ко всему личному составу нижнихъ чиновъ, другой—къ корпусу офицеровъ.

Тогда какъ первые получаютъ отъ казны натурой все

необходимое, и сверхъ того незначительную денежную сумму на удовлетвореніе различныхъ мелочныхъ нуждъ, офицеры, кромѣ казенной квартиры въ нѣкоторыхъ, не слишкомъ частыхъ случаяхъ, удовлетворяютъ всѣ свои служебныя и личныя потребности исключительно на получаемое отъ казны жалованье вмѣстѣ съ добавочными денежными назначеніями (квартирнымъ, столовымъ и т. п.).

Продовольствіе нижнихъ чиновъ состоитъ изъ хлѣба, въ размѣрѣ 3 фунтовъ ежедневно на человѣка, и приварка, существенную часть коего составляетъ $\frac{1}{2}$ ф. мяса на человѣка.

Пища эта если и достаточна для наполненія желудка, тѣмъ не менѣе едва ли можетъ считаться истинно питательною, страдая двумя недостатками: малымъ содержаніемъ жира и однообразіемъ, чѣмъ и объясняется значительное развитіе въ войскахъ скорбута; особенно же неблагоприятно отзывается на здоровьи солдатъ постоянное употребленіе въ пищу квашеной капусты, которая обыкновенно заготавливается на цѣлый годъ и къ концу его сильно портится.

Въ виду этого необходимо, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, вводить возможно чаще въ пищу солдата свѣжіе овощи, для чего, въ свою очередь, необходимо *увеличеніе* отпуска на его продовольствіе.

Въ военной литературѣ не разъ рекомендовалось улучшеніе солдатскаго стола посредствомъ уменьшенія на $\frac{1}{2}$ ф. ежедневной хлѣбной порціи: это едва ли было бы практично. Бываютъ случаи, что солдату и 3 фунтовъ хлѣба мало, а если у многихъ и бываютъ остатки, то они продаются и вырученныя деньги идутъ на удовлетвореніе различныхъ служебныхъ нуждъ, на которыя нѣтъ особаго отпуска изъ казны.

Обращаясь къ одеждѣ и снаряженію нижнихъ чиновъ, слѣдуетъ указать, что наиболѣе существенный ихъ недостатокъ, это—ихъ слишкомъ большой вѣсъ: грузъ, носимый нашимъ солдатомъ, считая вмѣстѣ съ оружіемъ, достигаетъ 74 фунтовъ (почти 2 пудовъ)!

Различныя мѣры, предлагавшіяся для уменьшенія этого вѣса, касаются вообще весьма незначительныхъ облегченій, какъ напримѣръ укороченія штыва и т. п. Наиболѣе же существенное уменьшеніе солдатской ноши, по нашему мнѣнію, можетъ быть достигнуто развѣ улучшеніемъ качества сукна, изъ котораго готовится одежда. Такъ, теперешняя шинель вѣситъ 8 ф., а подъ дождемъ, сильно пропитываясь водою, даже 15 ф. Въ сукнѣ болѣе тонкомъ и плотномъ вѣсъ этотъ можетъ уменьшиться до 4 ф., не говоря уже о томъ, что шинель изъ тонкаго сукна и давала бы больше тепла, и впитывала бы менѣе влаги.

Введенныя въ послѣднее время барашковыя шапки едва ли практичны: составляя принадлежность мирнаго времени, онѣ являются излишнею роскошью, употребляются же вообще при исполненіи различныхъ служебныхъ обязанностей, какъ напр. въ караулѣ и на парадахъ. Между тѣмъ, парады по большей части производятся лѣтомъ, когда солнце и безъ того печетъ головы, а въ мѣховыхъ шапкахъ и нестерпимо. Не удовлетворяютъ онѣ и главному требованію парадовъ—красотѣ.

Для достиженія существенныхъ улучшеній въ солдатскомъ продовольствіи и одѣяніи пришлось бы увеличить денежные отпуска на нихъ изъ казны, и изысканіе для того средствъ должно составить одну изъ ближайшихъ заботъ правительства.

На одинъ источникъ, впрочемъ, и теперь можно ука-

затѣ: это болѣе хозяйственный способъ снабженія войскъ предметами интендантскаго довольствія.

Какъ извѣстно, провіантъ и различные матеріалы, потребныя для постройки одежды и обуви, хранятся въ громадномъ количествѣ въ особо устроенныхъ провіантскихъ и вещевыхъ складахъ, и стоимость этихъ запасовъ можно опредѣлять десятками, если не болѣе, милліоновъ.

Не говоря уже о томъ, что эти громадные запасы представляютъ совершенно мертвый капиталъ, не приносящій процентовъ, они требуютъ еще очень большихъ побочныхъ расходовъ на устройство и ремонтъ складовъ, содержаніе при нихъ необходимаго служебнаго персонала и т. п.

Между тѣмъ современное состояніе отечественной промышленности даетъ возможность всегда приобретать, покупкою изъ первыхъ рукъ, всѣ необходимыя для постройки обмундированія и обуви матеріалы. Для экстренныхъ же случаевъ, при объявленіи войны, достаточно на первое время запасовъ готовыхъ предметовъ, хранящихся при частяхъ войскъ для снабженія людей, прибывающихъ изъ запаса на укомплектованіе мирныхъ кадровъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и о провіантскихъ магазинахъ, устройство которыхъ едва ли умѣстно въ Россіи, сlying издавна житницею цѣлой Европы. Во всѣхъ значительныхъ центрахъ, гдѣ по преимуществу расположены наши войска, имѣются постоянно большіе торговые склады муки, провіанта и т. п. Необходимы только съ ихъ владѣльцами условія на обязательную поставку провіанта для войскъ въ случаѣ войны: этою мѣрой можно избѣжать громадныхъ и совершенно произвольныхъ тратъ на устройство продовольственныхъ

магазиновъ, ремонтъ ихъ, на содержаніе многочисленной администраціи, на мышеѣдъ, утечку, усышку и т. п. расходовъ, возвышающихъ цѣну каждаго фунта солдатскаго хлѣба до цифры, которая въ нѣсколько разъ превосходитъ стоимость его въ частной торговлѣ даже противъ самыхъ дорогихъ расцѣнокъ *).

Что касается расквартированія войскъ, въ русской арміи существуютъ на то два способа: квартирный (по обывателямъ) и казарменный. Первый представляетъ то неудобство, что затрудняетъ надзоръ за нижними чинами, поддержаніе среди нихъ порядка и дисциплины, а равно обученіе людей, разбросанныхъ небольшими группами на обширномъ пространствѣ. При второмъ устраняются всѣ эти невзгоды, но вмѣсто нихъ являются другія: большинство нашихъ казармъ крайне неудовлетворительно въ гигиеническомъ отношеніи; большая скученность людей, недостатокъ воздуха и свѣта сильно способствуютъ развитію болѣзней, и особенно опять-таки скорбута.

Вопросъ о постройкѣ казармъ за послѣднее время былъ предметомъ особенной заботливости нашего военнаго управленія, и въ результатѣ дѣятельности учрежденной по сему вопросу комиссіи явилась постройка нѣсколькихъ казармъ *въ видѣ опыта*.

Не имѣя свѣдѣній о томъ, на сколько опытъ этотъ признанъ благопріятнымъ, не можемъ, однако, не возразить противъ главнаго основанія, на коемъ онъ осу-

*) Отсутствіемъ желѣзнодорожной сѣти оправдывалось существованіе всѣхъ этихъ складовъ и запасовъ; теперь же, при легкости быстрого подвоза къ театру войны всѣхъ потребностей арміи, не лучше ли издержки на склады и запасы обратить на развитіе стратегическихъ линій, усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ и пр. т. п. прямо производительныя затраты?

шествляется — разумѣмъ замѣну военно-инженернаго управленія, въ качествѣ распорядительной и исполнительной инстанціи, строительными комитетами, составленными изъ полковыхъ офицеровъ. Такая замѣна лицъ со спеціальною подготовкой, знаніями и опытомъ — лицами, не имѣющими ни одного изъ этихъ условій, вызвана была соображеніями экономическими: „военно-инженерное управленіе строить дорого, а постройка хозяйственнымъ способомъ самими войсками обойдется дешевле“, — такъ говорили намъ въ то время, когда, въ качествѣ эксперта, мы предлагали провѣрить такой взглядъ параллельною постройкой одного и того же типа казармъ военно-инженернымъ управленіемъ и проэктированными строительными комитетами изъ лицъ другой спеціальности. Не знаемъ, былъ ли произведенъ такой опытъ, а если и былъ, то какіе принесъ результаты; во всякомъ случаѣ нынѣ, какъ и тогда, мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ *качественномъ* отношеніи преимущество всегда останется за постройками спеціальнаго вѣдомства, особенно въ виду быстрыхъ успѣховъ строительнаго искусства, какіе видимъ за послѣднее двадцатилѣтіе.

Какіе бы, однако, ни оказались недостатки въ такой постановкѣ дѣла, во всякомъ случаѣ постройка казармъ военнымъ вѣдомствомъ не можетъ идти въ сравненіе съ таковою же постройкой городскими управленіями, гдѣ строительное дѣло, подъ покровомъ безконтрольности и безотвѣтственности, находится въ такомъ хаотическомъ состояніи, что представляетъ собою по истинѣ *позорное явленіе*. Въ подтвержденіе этихъ словъ въ слѣдующемъ же выпускѣ нашей книги мы представимъ нѣсколько иллюстрацій, которыя и рекомендуемъ особому вниманію читателей: тутъ уже не одно только устраненіе спеціалистовъ, а въ доба-

вокъ къ тому самое безшабашное распоряженіе городскими капиталами за счетъ населенія, — распоряженіе со стороны людей, специально посвятившихъ себя только одной наживѣ, людей, убѣжденныхъ въ своей безнаказанности и потому свободно нарушающихъ какія угодно требованія закона.

Наличныхъ денегъ отпускается на руки солдатамъ очень немного: рядовому въ арміи что-то около 4 р. въ годъ, которыхъ далеко не хватаетъ на его нужды, ибо онъ на нихъ долженъ и сапоги, и бѣлье шить, и мыло, и ваксу, и иголку, и нитки, и воскъ, и щетки и пр. т. п. покупать. Да и еще найдется не мало различныхъ предметовъ, которые солдатъ *обязанъ* имѣть, не получая на нихъ изъ казны ни копѣйки денегъ: напри- мѣръ, наволочки, простыни, одѣяла, полотенца и проч. т. п. И если эти нужды солдата, нужды крайне настоятельныя, выразить цифрами, окажется, что солдату нужно тратить на нихъ, по самому минимальному расчету, сверхъ помянутыхъ 4 р. еще по крайней мѣрѣ 8—10 р. въ годъ.

Но справедливо ли обременять людей, привлекаемыхъ на дѣйствительную службу, сверхъ повинности личной еще и денежною? И не было ли бы гораздо справедливѣе возложить эту повинность на людей, освобождаемыхъ жребіемъ отъ службы въ войскахъ, установивъ взиманіе съ нихъ особаго военного налога?

Недостаточность денежнаго содержанія солдатъ признается у насъ официально: нижнихъ чиновъ увольняютъ ежегодно на мѣсяцъ или полтора на такъ называемыя *воинныя* работы, чтобы ими солдатъ могъ добыть себѣ нѣсколько рублей если не на всѣ вышепоименованныя нужды, то хоть на нѣкоторыя изъ нихъ.

Эти вольныя работы, по мнѣнію многихъ авторитетовъ военнаго дѣла, помимо матеріальной пользы для солдата оказываютъ также благоприятное вліяніе на духъ и здоровье его, освобождая его хоть на время отъ постоянного казарменнаго гнета и давая ему возможность свободно вздохнуть на вольномъ воздухѣ.

Но это доброе вліяніе можно признавать развѣ лишь за полевыми работами: въ большихъ же центрахъ, гдѣ сосредоточивается большая часть войскъ, ихъ - то именно и не бываетъ почти, а чаще всего солдату приходится работать на постройкахъ и фабрикахъ, гдѣ характеръ указываемаго вліянія радикально измѣняется въ смыслѣ совершенно противоположномъ.

Вообще содержаніе нашего солдата можно признать сравнительно крайне ограниченнымъ, и ежегодный расходъ на него у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Если, напримѣръ, раздѣлить цифру нашего военнаго бюджета на число солдатъ, то на каждого придется, по настоящему курсу, 160 р. золотомъ, тогда какъ экономныя нѣмцы тратятъ ежегодно на каждого солдата тѣмъ же золотомъ по 280 р.

Но если содержаніе солдата только ограничено, то содержаніе офицеровъ, особенно младшихъ, совершенно недостаточно для удовлетворенія даже необходимыхъ потребностей жизни и нуждъ служебной обстановки.

Содержаніе младшаго офицера слагается изъ двухъ частей: одной, общей и одинаковой по всей имперіи за исключеніемъ отдаленныхъ окраинъ, и другой, измѣняющейся въ зависимости отъ мѣста квартированія той или другой части войска. Первая составляетъ жалованье и порціонныя деньги, вторая—квартирный окладъ.

Что касается послѣдняго, недостаточность его очевидна: младшій офицеръ войскъ, квартирующихъ въ Петербургѣ или Москвѣ, получаетъ, напримѣръ, въ мѣсяцъ квартирныхъ денегъ 16 р. На эту сумму онъ долженъ не только нанимать квартиру для себя и деньщика, но и отопливать и освѣщать ее. Между тѣмъ въ Москвѣ, напр., сажень дровъ стоитъ 8—10 р. Если считать, что въ зимнее время на отопленіе офицерской квартиры потребуется менѣ одной сажени, положимъ всего $\frac{3}{4}$, стоимостью въ 6 р., и прибавить къ этому стоимость освѣщенія, около 1 р., и того 7 р., то на наемъ собственно квартиры останется 9 р.

Но что же можно нанять въ Москвѣ за 9 р., кромѣ крохотной и грязной каморки, окруженной самыми противусанитарными условіями и антигигіеническою обстановкой, особенно если часть квартируетъ въ центрѣ города или вблизи его?

И вотъ, чтобы не ютиться по угламъ и конурамъ вмѣстѣ съ подонками населенія, офицеру приходится добавлять, на наемъ сколько нибудь благопристойнаго помѣщенія для себя и деньщика, къ квартирному окладу изъ прочихъ статей своего скуднаго содержанія.

Это въ столицѣ. Въ провинціи, въ небольшихъ городахъ, квартиры хотя и гораздо дешевле, но и квартирные оклады за то крайне мизерны, спускаясь, для мѣстностей низшаго разряда, до 5 р. съ копѣйками.

Здѣсь, впрочемъ, необходима оговорка: законъ разрѣшаетъ военному начальству требовать отъ городскихъ управленій обязательнаго отвода квартиръ натурой, если офицеры цѣлой части войскъ не будутъ въ состояніи нанять ихъ на отпускаемые имъ на этотъ предметъ деньги. На практикѣ, однако, этою статьей закона почти не пользуются и офицеру, не смотря на

законъ, приходится все таки прибавлять на квартиру, къ окладу, на нее получаемому, по крайней мѣрѣ 5—6 р. въ мѣсяцъ *).

Жалованье подпоручика равняется 249 р. въ годъ, порціонныя 183 р., то и другое вмѣстѣ составляютъ 477 р. или 39 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Но прежде чѣмъ свести ежемѣсячный бюджетъ офицера, нужно принять въ соображеніе единовременные расходы, связанные съ производствомъ въ первый чинъ—расходы, которые существенно отзываются на всемъ послѣдующемъ его хозяйствѣ.

Воспитанники военныхъ училищъ, при производствѣ въ офицеры, получаютъ на экипировку 225 р., а подпрапорщики, выпускаемые изъ юнкерскихъ училищъ—т. е. большинство офицеровъ,—всего 150 р.

Изъ этихъ 150 р. молодымъ людямъ предстоитъ произвести расходы по пяти смѣтамъ: на обмундированіе, снаряженіе, обувь, бѣлье и хозяйство. Если всѣ эти смѣты выполнить по самымъ минимальнымъ расчетамъ, то они выразятся въ цифрахъ, все-таки въ общемъ итогѣ далеко превосходящихъ помянутую сумму.

Такъ, смѣта на обмундированіе получится слѣдующая:

2 мундира *)	100 руб. — коп.
Сюртукъ	50 " — "
Лѣтнее пальто	50 " — "

*) Желательно было бы, чтобы начальствующія лица, отъ которыхъ зависитъ возбужденіе вопроса о квартирovanіи офицеровъ, въ дѣйствительности пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ, и не упускали этого случая позаботиться о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, что, впрочемъ, составляетъ даже ихъ священную обязанность.

*) Одинъ мундиръ служебный: для карауловъ, дежурствъ, ученій

2 кителя.	12	н	—	н
Барашковая шапка . . .	6	н	—	н
Фуражка.	3	н	—	н
<hr/>				
Итого. . .	221	руб.	—	коп.

Снаряженіе потребуеъ вотъ какихъ расходовъ:

Эполеты	2	руб.	50	коп.
2 пары погонъ.	5	н	—	н
Башлыкъ.	5	н	—	н
4 пары перчатокъ . . .	6	н	—	н
2 галстука	—	руб.	80	коп.
Шарфъ	2	н	—	н
Кушакъ	—	н	80	н
Португепя	1	н	—	н
Темлякъ.	—	н	50	н
Шашка	12	н	—	н
Револьверъ.	18	н	—	н
Кобуръ	1	н	—	н
Шнуръ револьверный. .	—	н	60	н
<hr/>				
Итого. . .	55	руб.	20	коп.

Смѣта на обувь выразится такъ:

Сапоги смазные	12	руб.	—	коп.
Сапоги лаковые	18	н	—	н
Короткіе съ калошами. .	13	н	—	н
<hr/>				
Итого. . .	43	н	—	н

и т. п.; другой—для парадныхъ случаевъ, представленій начальству и пр. Одинъ мундиръ не можетъ удовлетворять обоимъ назначеніямъ, такъ какъ носка подъ дождемъ и въ пыли и т. п. быстро приводитъ его въ весьма непрезентабельный видъ.

Изъ бѣлья необходимо завести:

6 сорочекъ	14	руб.	—	коп.
6 паръ кальсонъ	6	"	—	"
6 платковъ носовыхъ	2	"	40	"
6 паръ носковъ	1	"	50	"
6 полотенецъ	3	"	—	"
6 простынь	12	"	—	"
6 наволокъ	1	"	80	"
3 салфетки	1	"	20	"
2 скатерти	1	"	80	"
6 кухонн. полотенецъ	1	"	—	"

Итого . . . 44 руб. 70 коп.

Наконецъ для хозяйственнаго обзаведенія потребуются:

Кровать	4	руб.	50	коп.
Тюфякъ	3	"	—	"
Подушка	2	"	—	"
Одѣяло	6	"	—	"
Сундукъ или чемоданъ	6	"	—	"
Лампа	2	"	50	"
Самоваръ	5	"	—	"
Подсвѣчникъ	—	"	75	"
Зеркало	1	"	—	"
2 стула	4	"	—	"
2 стола (себѣ и въ кухню)	4	"	—	"
2 табуретки	1	"	—	"
Ведро для воды	—	"	50	"
Кухонн. и столов. утварь	7	"	—	"
Чайная посуда	1	"	50	"

Итого . . . 48 руб. 75 коп.

Такимъ образомъ, общій итогъ первоначальныхъ расходовъ выразится слѣдующими цифрами:

На обмундированіе . . .	221 руб. — коп.
„ снаряженіе и оружіе .	55 „ 20 „
„ обувь	43 „ — „
„ бѣлье	44 „ 70 „
„ хозяйство	48 „ 75 „
<hr/>	
А всего	412 руб. 65 коп.

Всѣ эти цифры взяты нами прямо изъ практики, изъ приходорасходныхъ книжекъ самыхъ скромныхъ офицеровъ, при чемъ, какъ видитъ читатель, мы не привняли въ расчетъ даже теплаго платья, часто совершенно необходимаго, въ особенности когда офицеру, живущему гдѣ нибудь на окраинѣ города, приходится дѣлать ежедневно въ казармы по нѣскольку верстъ взадъ и впередъ при 25-градусныхъ морозахъ.

Окончательный итогъ выразится, на основаніи этой смѣты, 150 р. дохода и 412 р. 65 к. необходимаго расхода, слѣдовательно 262 р. 65 к. перерасхода.

Такимъ образомъ офицеръ вступаетъ въ жизнь прямо съ дефицитомъ, и довольно, при его ничтожномъ заработкѣ, чувствительнымъ. Для покрытія этихъ дефицитовъ во всѣхъ полкахъ имѣются офицерскіе капиталы, изъ которыхъ и ссужаются офицеры необходимыми суммами изъ 6% годовыхъ, съ разсрочкой платежа. Разсрочка бываетъ различная въ различныхъ частяхъ войскъ. Самое выгодное условіе въ этомъ смыслѣ — погашеніе долга ежемѣсячными платежами въ теченіе двухъ лѣтъ.

Проценты обыкновенно вычитаются впередъ изъ заим�ваемой суммы, такъ что для полученія наличными

262 р. 65 к., нужно брать взаймы 300 р., и погашать ежегодно приходится 150 р., по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Ежемесячный бюджетъ, взятый нами опять таки изъ дѣйствительной жизни, изъ записныхъ книжекъ самыхъ скромныхъ, бережливыхъ и разсчетливыхъ офицеровъ, выражается слѣдующими крайними цифрами.

П р и х о д ъ:

Жалованья 294 р. Порціонныхъ 183 р. Итого 477 р. въ годъ, или 39 р. 75 к. въ мѣсяцъ.

Ежемесячный расходъ:

Обѣдъ и ужинъ	15 р. — к.
Чай и сахаръ	2 " 75 "
Бѣлый хлѣбъ	1 " 50 "
Добавка къ квартирному окладу	5 " — "
Вода	— " 60 "
Уголья	— " 75 "
Стирка бѣлья	2 " 50 "
Баня (2 раза)	— " 60 "
Мыло, вакса	— " 50 "
Письменные принадлежности	— " 50 "
Бритье, стрижка и т. п.	— " 60 "
Прибавка деньщику	1 " 50 "
Обязательный вычетъ въ офицерскій капиталъ	1 " — "
На собраніе и библіотеку	1 " — "
Погашеніе долга	12 " 50 "
Итого	46 " 30 "

Такимъ образомъ, дефицитъ повторяется и въ текущихъ расходахъ, выражаясь цифрою въ 6 р. 55 к. ежемѣсячно, что составитъ 78 р. 60 к. въ годъ.

Но это еще безъ расхода на ремонтъ платья, обуви, снаряженія и пр. А ремонтъ этотъ начинается съ перваго же года службы: и сапоги надо чинить, кантики да петлички перемѣнять, и пр. т. п. Такого ремонта наберется въ мѣсяцъ до 3 р., или въ годъ 36 р., и съ этою цифрою дефицитъ на первый годъ службы достигнетъ суммы во 114 р. 60 к.

Между тѣмъ расходъ на платье, обувь, снаряженіе и т. п. становится особенно чувствительнымъ на второй годъ службы, когда нельзя ограничиваться однимъ освѣженіемъ стараго, а приходится заводить и кое-что новое. Еще мундиръ и сюртукъ можно носить съ грѣхомъ пополамъ два года, пальто, пожалуй, три года; (но кителя, фуражки, сапоги (кромѣ лаковыхъ), погоны, шарфы и вообще всѣ такъ называемыя офицерскія вещи необходимо покупать новыя каждый годъ.

По этому разсчету на второй годъ придется израсходовать болѣе перваго года:

на новое платье.	78 р. 60 к.
„ „ бѣлье.	12 „ — „
„ новую обувь	25 „ — „
„ новыя офицерскія вещи.	18 „ 70 „
„ „ хозяйственныя вещи.	10 „ — „
<hr/>	
А на все.	144 „ 30 „

И такъ, въ теченіе втораго года дефицитъ составитъ уже 258 р. 90 к.

Правда, къ концу этого года долгъ весь будетъ погашенъ, но лишь для заключенія новаго, еще тяжеле, а именно: дефицитъ перваго года, 114 р. 50 к., съ дефицитомъ втораго года, 258 р. 90 к., составятъ 373 р. 50 к., и если каждый годъ на погашеніе

долга будетъ идти по 150 р., то, не смотря на это погашеніе и параллельно ему, долгъ будетъ возрастать ежегодно на 258 р. 90 к.—150 р., или на 108 р. 90 к.

Такимъ образомъ, при всей аккуратности, отказывая себѣ во всякомъ самомъ невинномъ излишествѣ, офицеръ все-таки съ каждымъ годомъ все глубже и глубже погрязаетъ въ пучинѣ долговъ. Но такъ какъ ссуды изъ офицерскаго капитала ограничены и вообще не разрѣшаются свыше 300 р., то приходится должать частнымъ лицамъ: портному, сапожнику и т. д. Къ командиру полка сыплются со всѣхъ сторонъ жалобы на неплатежъ офицеромъ долговъ и, въ концѣ концовъ, его репутація окончательно колеблется.

Благополучно выходятъ изъ этого экономическаго кризиса только тѣ, кто обладаетъ какими-нибудь собственными средствами; остальные только и ищутъ случая бросить службу и перейти: въ полицію, въ таможенное вѣдомство, на желѣзныя дороги и т. п. Многие, потерпѣвъ неудачу въ этихъ исканіяхъ и запутавшись окончательно въ безысходныхъ долгахъ, получаютъ наконецъ приказаніе „подать прошеніе объ увольненіи въ запасъ“ или въ отставку, гдѣ зачастую и гибнутъ, обращаясь въ бездомныхъ пролетаріевъ.

Вотъ экономическое положеніе большинства нашихъ младшихъ офицеровъ, и отъ его измѣненія къ лучшему, измѣненія, съ которымъ ждать нельзя, будутъ въ значительной мѣрѣ зависѣть и духъ, и служебныя качества той части нашей арміи, которая составляетъ ея душу и сердце, т.-е. корпуса офицеровъ.

Для пользы службы необходимъ офицеръ, всецѣло отдавшій ей свои силы и духовныя и физическія, всѣ помыслы и стремленія посвятившій своему дѣлу. Но какъ требовать такого самоотверженія отъ

человѣка, который постоянно долженъ работать надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимой задачи, чѣмъ накитить голодное чрево и во что облачить грѣшное тѣло? Только независимый отъ этихъ мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе тяжелыхъ, неотвязныхъ заботъ офицеръ можетъ быть хорошимъ и надежнымъ слугою своего дѣла.

Замѣчательно, что и законъ нашъ признаетъ содержаніе офицера недостаточнымъ. Такъ напримѣръ, ст. 990 кн. I ч. I Св. Военн. Пост. (изд. 1859 г.), и доселѣ сохраняющая силу, гласитъ, что офицерамъ разрѣшается просить о переводѣ изъ одной части войскъ въ другую, между прочимъ, „для совмѣстнаго служенія съ родственниками, отъ которыхъ зависитъ ихъ *содержаніе*.“ Это значитъ, что человѣкъ, вышедшій уже на самостоятельный жизненный путь, полноправный членъ общества, нуждается еще въ какомъ-то *содержаніи* и долженъ побираться у своихъ родственниковъ. А что дѣлать тому, у кого нѣтъ благодѣтельныхъ родственниковъ?

Наконецъ, что неудовлетворительность матеріальнаго положенія младшихъ офицеровъ самымъ военнымъ начальствомъ признается за неоспоримый фактъ, не доказывается ли это уже тѣмъ распоряженіемъ, въ силу коего молодые офицеры, для вступленія въ *законный* бракъ, обязываются представлять обезпеченіе въ 5000 р., безъ исполненія же сего условія осуждаются на обязательное безбрачіе до 28-лѣтняго возраста?

Но такъ какъ, все-таки, за Царемъ служба не пропадаетъ, то и офицера, благополучно вынесшаго экономическія мытарства, о которыхъ шла рѣчь, черезъ 10—12 лѣтъ ожидаетъ награда, составляющая вѣнецъ его карьеры — онъ получаетъ званіе ротнаго командира.

Въ послѣднее время содержаніе ротнаго командира

улучшено въ весьма существенной степени ежегодною прибавкою къ столовымъ деньгамъ еще 300 р., такъ что всего, съ квартирными деньгами, нашъ армейскій капитанъ, служащій въ Петербургѣ или Москвѣ, получаетъ 1,332 р. въ годъ.

Но и эти средства даютъ возможность лишь сводить концы съ концами, особенно при долгахъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ прежнихъ лѣтъ, а между тѣмъ, чтобы привлечь на службу людей наиболѣе способныхъ и образованныхъ, чтобы обратить эту службу въ ихъ пожизненную профессію, необходимо обставить ее возможно прочнѣе.

Что военная служба не обладаетъ у насъ особенною привлекательностью, доказываетъ короткая средняя продолжительность ея для нашего офицера, равняющаяся 14 годамъ, тогда какъ въ Германіи она составляетъ 28 л., ровно вдвое. Нѣмцы достигаютъ этого прекраснымъ служебнымъ и достаточнымъ матеріальнымъ положеніемъ, которое у нихъ создано для офицера. Пѣхотный подпоручикъ войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ, получаетъ въ годъ, съ квартирными, 1,968 марокъ, что по настоящему курсу составитъ 900 р., или 75 р. въ мѣсяцъ; у насъ же, въ Петербургѣ или Москвѣ, тотъ же офицеръ получаетъ всего, и съ квартирными, въ годъ 667 р., а въ мѣсяцъ 56 р. 41 к., меньше на 18 р. 59 к.

Но это не все: нѣмецкій подпоручикъ, хотя вынужденъ тоже жить скромно, не впадая однако въ неоплатные долги, знаетъ, что впереди, въ роли ротнаго командира, его ожидаетъ прекрасное матеріальное обезпеченіе, а именно—въ чинѣ капитана I класса онъ получитъ въ годъ 5,472 марки, или, по нашему, 2,500 р., т.е. почти вдвое больше нашего капитана.

Въ заключеніе остается упомянуть о томъ, что ожидаетъ офицера, посвятившаго лучшую часть своей жизни на службу арміи.

Предположимъ наиболѣе счастливый для армейскаго офицера конецъ его служебной карьеры, когда, прослуживъ не менѣе 35 лѣтъ и достигнувъ за это время чина подполковника, онъ, прослуживъ и въ этомъ чинѣ не менѣе года, приобрѣтаетъ право на чинъ полковника при отставкѣ.

Пенсія военнослужащимъ, какъ извѣстно, назначается изъ двухъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства и изъ эмеритальной кассы (учрежденной въ 1859 г. изъ особаго капитала, пожалованнаго въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, и постоянно пополняемой ежегоднымъ 6%-нымъ вычетомъ изъ содержанія всѣхъ военнослужащихъ). Оба эти источника даютъ офицеру, уволенному въ отставку съ чиномъ полковника, пенсію въ размѣрѣ 1,438 р. въ годъ, т. е. возможность безбѣднаго существованія.

Но такихъ счастливцевъ весьма немного: тяжелая строевая служба быстро истощаетъ силы человѣка и заставляетъ его волей-неволей искать отдыха до достиженія чина подполковника и до выслуги 35 лѣтъ.

А въ этихъ случаяхъ капитанъ, прослужившій 25 л. и уволенный въ отставку съ чиномъ подполковника, получаетъ всего 538 р. въ годъ. Если же офицеръ выходитъ въ отставку до выслуги 25 л., то не получаетъ ровно ничего и вся его предыдущая служба пропадаетъ даромъ. Только совершенно разстроенное на службѣ здоровье даетъ право на полученіе пенсіи за болѣе короткіе сроки, а именно: за 20 л. подполковникъ, при этомъ прискорбномъ условіи, получитъ 286 р. 66 к., и менѣе чѣмъ за 20 л. 215 р.

Только раненые, хотя-бы и не выслужили никакого изъ перечисленныхъ выше сроковъ, пользуются правами прослужившихъ 35 или 25 л., смотря по тяжести полученныхъ ранъ *).

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что улучшеніе матеріальнаго положенія офицера на службѣ должно быть связано съ болѣе прочнымъ обезпеченіемъ его и въ отставку. Особенно же необходимо сокращеніе сроковъ выслуги пенсій; наиболѣе справедливою мѣрой было бы назначеніе пенсійнаго оклада пропорціонально числу лѣтъ, проведенныхъ на службѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, офицеръ, прослужившій 24 года, не получаетъ ни копѣйки, тогда какъ достигнувшій до 25 лѣтъ получаетъ, хотя кое-какой, а все-же кусокъ хлѣба?

III.

Способъ снабженія дѣйствующей арміи въ военное время.

Чтобы закончить рѣчь о довольствіи войскъ, остается сказать о способѣ снабженія дѣйствующихъ армій въ военное время.

*). Кромѣ права на сокращенные сроки для выслуги пенсій, раненые пользуются у насъ еще покровительствомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ. Въ зависимости отъ тяжести понесеннаго увѣчья, всѣ они раздѣляются на 3 класса, которые и пользуются различными правами на покровительство Комитета. Покровительство это выражается въ выдачахъ изъ такъ называемаго инвалиднаго капитала, въ помѣщеніи увѣчныхъ вояковъ въ богадѣлни и въ опредѣленіи ихъ дѣтей на казенный счетъ въ военно-учебныя заведенія.

Главнымъ источникомъ снабженія войскъ служатъ различнаго рода склады и магазины, устраиваемые на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но чтобы не быть постоянно прикованнымъ къ одному и тому же мѣсту, гдѣ расположены склады, войска должны имѣть постоянно при себѣ извѣстный запасъ продовольствія, боевыхъ припасовъ и проч., возимый въ обозѣ, который представляетъ изъ себя какъ бы подвижной магазинъ. Кроме того, каждая часть должна имѣть при себѣ средства для пособія больнымъ и раненымъ. Сверхъ казеннаго обоза, въ извѣстныхъ случаяхъ различнаго рода тяжести перевозятся также на подводахъ, взимаемыхъ отъ населенія.

Въ 1885 г. у насъ введена новая организація войскового обоза, но такъ какъ заведеніе повозокъ новаго типа не могло быть совершенно сразу, то онѣ имѣются лишь въ кавалеріи и конной артиллеріи, въ пѣхотѣ же и пѣшей артиллеріи принята пока такъ называемая переходная организація, составляющая нѣчто среднее между прежней и новой.

Казенный обозъ раздѣляется на двѣ категоріи: полковой и дивизионный. Сверхъ того къ каждому корпусу придается подвижной артиллерійскій паркъ, въ которомъ возятся патроны и заряды; паркъ этотъ и составляетъ какъ бы корпусный обозъ.

Полковой обозъ состоитъ въ пѣхотѣ изъ 75 повозокъ при 165 лошадяхъ, въ кавалеріи изъ 42 повозокъ при 85 лошадяхъ. Въ пѣшей артиллеріи въ каждой бригадѣ обозъ состоитъ изъ 60 повозокъ и 158

Высшій размѣръ пенсій изъ инвалиднаго капитала, для полнаго генерала, состоящаго въ I-мъ классѣ, равняется 1,716 руб., низшій, для прапорщика 2-го класса—170 р. въ годъ.

лошадей, въ конной—въ каждой батарее изъ 11 повозокъ и 28 лошадей.

Въ полковомъ обозѣ опредѣлено возить такіе предметы, безъ которыхъ войска не могутъ обойтись ни одного дня, а именно: патроны, продовольствіе, санитарное имущество, котлы, кухонную посуду, казну, канцелярію и т. п. Патроновъ положено возить на каждого рядового въ пѣхотѣ по 48, въ кавалеріи по 36. Изъ продовольственныхъ припасовъ возятся сухари (на 1 день), крупа, соль, чай, сахаръ и проч.

При совершеніи походныхъ движеній большими массами войскъ, вблизи непріятеля, полковой обозъ дѣлится на 2 разряда: первый, въ составъ котораго входятъ повозки санитарныя и патронныя, слѣдуетъ всегда за своимъ полкомъ, второй, состоящій изъ всѣхъ остальныхъ повозокъ, двигается въ хвостъ всей походной колонны.

Дивизионный обозъ пѣхотной дивизіи раздѣляется на 3 отдѣла: 1) общій, 2) продовольственный, состоящій пока изъ такъ называемаго расходнаго транспорта, и 3) санитарный. Въ кавалерійскихъ дивизіяхъ санитарнаго транспорта не полагается.

Въ общемъ отдѣлѣ возятся походная церковь и множество разнообразныхъ вещей, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность на войнѣ, какъ то: шанцевый инструментъ, запасъ готовой одежды, матеріалы для починки одежды и сапоговъ, запасъ подковъ и проч.

Въ расходномъ транспортѣ возятся 4-дневный запасъ продовольствія на весь составъ дивизіи, а равно и состоящей при ней артиллеріи. Расходный транспортъ пѣхотной дивизіи состоитъ изъ 150 повозокъ; кавалерійской изъ 48. По новой организаціи, въ составъ продовольственнаго отдѣла, сверхъ расходнаго

транспорта, долженъ будетъ входить еще запасный транспортъ, для подвоза продовольствія изъ магазиновъ.

Въ санитарномъ отдѣлѣ возится имущество дивизионнаго лазарета и двухъ полевыхъ госпиталей, придаваемыхъ пѣхотнымъ дивизіямъ. Всего въ этомъ отдѣлѣ числится 75 повозокъ и 180 лошадей.

Подвижной артиллерійскій паркъ, состоящій въ вѣдѣніи начальника артиллеріи корпуса, образуетъ двѣ такъ называемыя летучія артиллерійскія парковые бригады, состоящія каждая изъ 4-хъ летучихъ парковъ. Парковые бригады придаются обыкновенно по одной къ каждой пѣхотной дивизіи.

Летучіе парки, входящіе въ составъ бригадъ, состоятъ: первые два изъ 24 патронныхъ ящиковъ, послѣдніе два изъ 48 зарядныхъ ящиковъ каждый. Кроме летучихъ парковъ на каждыя двѣ пѣхотныя дивизіи полагается еще по одному такъ называемому подвижному парку.

Что касается размѣра, въ какомъ наши войска обеспечены продовольствіемъ и боевыми припасами, въ этомъ отношеніи наша армія соблюдаетъ слѣдующій порядокъ: запасъ сухарей полагается всего на 8 дней, въ томъ числѣ трехдневную порцію каждый солдатъ имѣетъ при себѣ, однодневная хранится при полковомъ обозѣ, и четырехъ-дневная при дивизионномъ. Патроновъ рассчитано по 196½, на человѣка, и изъ нихъ по 84 шт. солдаты носятъ при себѣ, по 48 шт. на человѣка хранится въ полковомъ обозѣ, по 52½, шт. на человѣка въ летучемъ паркѣ, и по 12 шт. на человѣка въ подвижномъ. Снарядовъ и зарядовъ хранится на пушку: батарейную—по 260, легкую—по 271, и конную—по 231. Изъ нихъ: на батарейную пушку 108 имѣ-

ются при батареѣ, 135 при летучемъ, и 17 при подвижномъ паркѣ; на легкую—150 при батарее, 101 при летучемъ и 20 при подвижномъ паркѣ, и на конную—130 при батарее, 101 при летучемъ, и 20 при подвижномъ паркѣ.

Имѣющіяся при войскахъ средства для подавiя помощи больнымъ и раненымъ заключаются въ лазаретахъ и полевыхъ госпиталей. Полковые лазареты полагаются въ пѣхотѣ и кавалерiи, бригадные въ артиллерiи, и наконецъ дивизионные на каждую пѣхотную дивизию. Полевыхъ госпиталей имѣется по разчету 8 на каждую дивизию.

Лазареты полковые имѣютъ въ пѣхотѣ 16 мѣстъ для больныхъ, въ кавалерiи 6, и бригадные, въ артиллерiи, также 6 мѣстъ. На полѣ сраженiя лазареты пѣхотныхъ полковъ обращаются въ перевязочные пункты.

Дивизионные лазареты открываютъ на полѣ сраженiя главные перевязочные пункты. При каждомъ изъ нихъ формируется рота носильщиковъ для уборки раненыхъ.

Всѣ лазареты имѣютъ цѣлью подавать раненымъ и заболѣвшимъ лишь первоначальную помощь. Для излеченiя же они передаются въ полевые госпитали, а также въ открываемыя въ крѣпостяхъ и въ разныхъ пунктахъ мѣстныя лечебныя заведенiя.

Полевые госпитали состоятъ на половину изъ подвижныхъ и на половину изъ запасныхъ. Разница между ними заключается въ томъ, что для первыхъ имѣется постоянно въ готовности обозъ для перевозки ихъ матеріальной части, вторые же перевозятся или по желѣзнымъ дорогамъ, или на обывательскихъ подводахъ.

Изъ числа подвижныхъ полевыхъ госпиталей два придаются на каждую пѣхотную дивизию. Остальные

подвижные и всѣ запасные госпитали остаются въ вѣдѣніи полевого управленія арміею, которое распределяетъ ихъ, по мѣрѣ надобности, по частямъ войскъ.

Каждый полевой госпиталь учреждается на 10 офицерскихъ и 200 солдатскихъ мѣсть. Всего, слѣдовательно, каждая пѣхотная дивизія имѣетъ при себѣ средства для открытія 20 офицерскихъ и 400 солдатскихъ мѣсть. Кавалерійскія дивизіи, какъ не имѣющія госпиталей, передаютъ своихъ больныхъ и раненыхъ въ госпитали пѣхотныхъ дивизій или въ ближайшія мѣстныя лечебныя заведенія.

Одну изъ ближайшихъ заботъ полевого управленія арміею должна составлять возможно быстрая *эвакуація* больныхъ съ театра военныхъ дѣйствій, необходимая для облегченія передвиженій и дѣйствій войскъ, которыми можетъ сильно мѣшать большое скопленіе больныхъ и раненыхъ, а равно и для доставленія большихъ удобствъ людямъ, нуждающимся въ серьезномъ леченіи. Для этой цѣли въ военное время учреждаются особые военно-санитарные транспорты, желѣзнодорожные поѣзда и пароходы.

Кромѣ собственно казенныхъ санитарныхъ средствъ, которыя войска имѣютъ при себѣ, громадную пользу при подааніи помощи больнымъ и раненымъ приносятъ учрежденія, открываемыя обществомъ *Краснаго Креста*.

IV.

Вооруженіе и обученіе войскъ, ихъ дисциплина и духъ. Ввысканія и награды.

Въ настоящее время вся наша пѣхота, и дѣйствующая и резервная, вооружена винтовками системы Бердана, которыя достойно выдержали боевое испытаніе въ кампанію 1877—78 г.г., и обладаютъ дѣйствительно прекрасными боевыми качествами.

Калибръ берданки равняется 4,2 линіи. Крайній предѣлъ разстоянія, на какомъ выпущенная изъ нея пуля можетъ выводить изъ строя людей, очень великъ, достигая болѣе 3000 шаговъ, или, приблизительно, болѣе двухъ верстъ. Прицѣлъ для стрѣльбы устроенъ у насъ, однако, не выше 2250 шаговъ, ибо и на такомъ разстояніи, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, сколько-нибудь успѣшный огонь едва ли возможенъ, по недоступности обстрѣливаемой цѣли для глаза и по невозможности наблюденія за дѣйствіемъ стрѣльбы. Мѣткость берданки не заставляетъ желать ничего лучшаго. Быстрота стрѣльбы, при спокойномъ заряджаніи и прицѣлivanіи доходитъ, въ зависимости отъ искусства стрѣлка, до 6—8 выстрѣловъ въ минуту. Число патроновъ, носимыхъ солдатомъ на себѣ, равняется 84, да кромѣ того въ полковомъ обозѣ возится еще по 48 на каждое ружье, всего 132 патрона на человѣка.

За послѣднее время въ нашей военной литературѣ

съ особеннымъ оживленіемъ разсуждаютъ о введеніи у насъ магазинныхъ ружей, въ виду всеобщаго вооруженія ими всѣхъ европейскихъ армій.

Преимущество магазинокъ предъ берданками заключается въ возможности выпускать въ минуту, вмѣсто 6—8 патроновъ, вдвое болѣе: преимущество съ перваго взгляда важное, еслибы результатъ огня въ бою зависѣлъ отъ числа *выпущенныхъ* пуль, а не отъ числа *попавшихъ*. Но на опытахъ всегда оказывается, что хотя число пуль, выпущенныхъ изъ магазинки въ теченіе извѣстнаго опредѣленнаго времени, и гораздо больше, чѣмъ изъ берданки, но по количеству попавшихъ перевѣсъ остается на сторонѣ магазинки лишь въ половинѣ случаевъ, въ другой же половинѣ—на сторонѣ берданки, а отсюда слѣдуетъ что на магазинкѣ можно гораздо скорѣе разстрѣлять весь запасъ патроновъ, не причинивъ большаго вреда непріятелю. И это очень понятно. Для успѣшности стрѣльбы весьма важно, чтобы стрѣлокъ сохранялъ возможное спокойствіе. Необходимость заряжать предъ каждымъ выстрѣломъ, стрѣлку, вооруженному берданкой, даетъ возможность хотя немного прійти въ себя, хоть нѣсколько сосредоточиться, тогда какъ съ магазинкой въ рукахъ онъ при каждомъ выстрѣлѣ только больше и больше возбуждается, и постепенно приходя въ лихорадочное состояніе, выпускаетъ пули не цѣлясь, куда попало. Явленіе это очень замѣтно и въ мирное время, въ военное же, подъ огнемъ непріятеля, еще естественнѣе. Да и кромѣ того, туча дыму, скопляющаяся передъ фронтомъ при стрѣльбѣ изъ такого черезъ чуръ скорострѣльнаго оружія, лишаетъ всякой возможности что либо видѣть и куда либо цѣлиться.

Что же касается устройства магазинокъ, то всѣ

ихъ доннынѣ извѣстные образцы отличаются важнымъ неудобствомъ — чрезвычайной сложностью, способностью, вслѣдствіе того, очень легко портиться и притомъ такъ, что исправленіе ихъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ починка берданокъ. Каково же положеніе стрѣлка, у котораго въ самую критическую минуту боя оружіе откажется дѣйствовать! Въ берданкѣ же одно изъ лучшихъ ея качествъ—это именно ея замѣчательная простота и прочность.

Такимъ образомъ, если судить по имѣющимся даннымъ, преимущества магазинки весьма сомнительны. Введеніе же ея въ армію соединено съ большими затрудненіями: не говоря объ огромныхъ издержкахъ, связанныхъ съ изготовленіемъ 2—3 милліоновъ ружей и патроновъ къ нимъ, при этомъ пришлось бы переручивать дѣйствовать новымъ оружіемъ всю нашу армію, и въ томъ числѣ—что особенно было бы трудно—2,000,000 запасныхъ. Затрудненія эти столь велики, что введеніе магазинокъ можно было бы оправдать развѣ только несомнѣнными, безспорными боевыми преимуществами, каковыхъ онѣ не имѣютъ. Въ виду сказаннаго, нельзя не заявить искренняго сочувствія нашему военному министерству, не поддавшемуся всеобщей *магазинной* горячкѣ, охватившей западную Европу, и оставшемуся при прежней, хотя и не составляющей послѣдняго слова науки, но зато испытанной и любимой нашимъ солдатомъ берданкѣ.

Холодное оружіе пѣхоты составляетъ штыкъ, который у насъ, въ отличіе отъ большинства прочихъ европейскихъ армій, носится постоянно примкнутомъ къ винтовкѣ, тогда какъ въ германской, напримѣръ, арміи его примыкаютъ лишь передъ самой атакой, хотя эта манипуляція въ 200—300 шагахъ отъ непри-

ителя, подь частымъ огнемъ, едвали удовоьвыполнима.

Кавалерія у насъ вооружена, также какъ и пѣхота, и огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ: первое состоитъ изъ драгунской винтовки, также системы Бердана, но сравнительно съ пѣхотной меньшаго вѣса; второе, самое важное для кавалеріи, это пашка, употребляемая при столкновеніи съ непріателемъ въ конномъ строю, и штыкъ, примыкаемый только въ случаѣ спѣшиванія.

Вооруженіе конницы этими двумя видами холоднаго оружія — пашкою и штыкомъ — многіе кавалеристы признають совершенно излишнимъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, кавалеристъ, хорошо владѣющій пашкой, ничуть не уступитъ въ рукопашной схваткѣ пѣхотинцу со штыкомъ.

Третій видъ холоднаго оружія—казацкая пика, которая прежде употреблялась также значительною частью регулярной кавалеріи, и покинута ею лишь по тѣмъ соображеніямъ, что выучиться искусно владѣть пикой можно только при продолжительномъ и постоянномъ упражненіи: она представляетъ дѣйствительно страшное оружіе въ рукахъ нашихъ казаковъ, привыкшихъ дѣйствовать ею чуть ли не съ дѣтства, регулярный же кавалеристъ, при настоящихъ короткихъ срокахъ службы, лишень всякой возможности обучиться надлежащему ея употребленію.

Полевая пѣшая артиллерія имѣетъ орудія двухъ калибровъ: третья часть батарей каждой бригады вооружены такъ называемою *батарейною*, остальные $\frac{1}{2}$, легкою пушкой. Калибръ батарейной пушки равняется 4,2 дюйма; вѣсъ снаряда, гранаты и шрапнели сколо 30 фунт., а всего орудія—38 пуд.; дальность стрѣльбы

достигаетъ 5 верстъ, хотя въ дѣйствительности, въ бою огонь очень рѣдко открывается съ разстояній свыше 3 в.

Легкая пушка имѣетъ калибръ въ 3,4 д.; вѣсъ снаряда около 17 ф.; вѣсъ всего орудія 27 п.; дальность еще болѣе чѣмъ въ батарейной пушкѣ—6 в.

Въ конной артиллеріи принята пушка, почти одинаковая съ вышепомянутой легкою пушкой, только еще легче послѣдней—именно въ 22 п.

Нѣкоторыя артиллерійскія батареи, расположенныя въ Крыму, на Кавказѣ, а также въ Туркестанѣ и Западной Сибири, вооружены горными пушками, представляющими изъ себя что-то въ родѣ артиллерійскихъ игрушекъ въ 6 п. вѣсомъ и съ 10-фунтовымъ снарядомъ: онѣ легко перевозятся на спинѣ одной лошади.

Но рядомъ съ этими игрушками существуютъ у насъ и настоящіе гиганты артиллерійскаго искусства. Таковы 11-и 14-дюймовыя орудія, которыми вооружены береговыя батареи въ приморскихъ крѣпостяхъ. Вѣсъ послѣдняго изъ этихъ орудій достигаетъ 3500 п.; вѣсъ снаряда равняется почти 32 п.; зарядъ его составляютъ 6 п. пороха. Какова разрушительная сила этихъ чудовищъ, можно понять изъ того, что съ разстоянія въ цѣлую версту ихъ снаряды пробиваютъ 18-дюймовую желѣзную плиту.

Среднее мѣсто между береговыми и полевыми орудіями составляютъ орудія, защищающія наши крѣпости, а равно и предназначающіяся для осады неприятельскихъ. Сюда относятся пушки и мортиры 6, 8 и 9-дюймоваго калибра.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія снабжены шашками и револьверами, равно какъ и фельдфебеля, вахмистры и прислуга при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Вообще можно безъ преувеличенія сказать, что вооруженіе нашей арміи вполне отвѣчаетъ требованіямъ современнаго военнаго искусства и вооруженію прочихъ европейскихъ армій ни въ чемъ не уступаетъ.

Но какъ бы ни было усовершенствовано оружіе, оно далеко не обезпечиваетъ арміи несомнѣннаго успѣха на войнѣ, и самымъ главнымъ факторомъ во всякомъ вооруженномъ столкновеніи по прежнему остается—человѣкъ. Плохихъ солдатъ съ самымъ прекраснымъ оружіемъ будутъ бить всегда, и наоборотъ, хорошее обученіе и нравственныя свойства солдата всегда съ избыткомъ вознаграждаютъ недостатки его вооруженія.

Въ виду этого нарочитую важность пріобрѣтаетъ вопросъ: какимъ образомъ обучаются наши войска военному дѣлу, каковы нравственныя ихъ качества и мотивы, руководящіе ими въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, и какова наша воинская дисциплина—это *conditio sine qua non* всякой благоустроенной военной силы?

Учебный годъ нашего войска состоитъ изъ двухъ періодовъ, зимняго и лѣтняго. Въ теченіе перваго подготавливаются новобранцы послѣдняго призыва, а прочіе повторяютъ все пройденное въ предыдущіе годы; характеръ зимнихъ занятій болѣе теоретическій, чѣмъ практическій. Лѣтній періодъ посвящается стрѣльбѣ, самоокапыванію, ученьямъ уставнымъ и тактическимъ и завершается маневрами отрядовъ, составленныхъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Обученіе новобранца во всѣхъ родахъ оружія начинается съ 1 января и продолжается 4 мѣсяца, въ теченіе которыхъ онъ долженъ быть подготовленъ на столько, чтобы къ 1 мая стать въ общій строй.

Эти 4 мѣсяца тяжелое время и для новобранца-учени-

ка, и для его учителей. Особенно трудно даются молодому солдату различныя теоретическія свѣдѣнія или такъ называемая „словесность“. Вызубриваніе уставныхъ пунктовъ и параграфовъ составляетъ для человѣка, по большей части умственно неразвитаго и притомъ неграмотнаго, истинное мученіе, и разстраиваетъ даже его здоровье хуже самыхъ утомительныхъ физическихъ работъ.

Надо отдать справедливость нашимъ войсковымъ начальникамъ: они принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы облегчать новобранцамъ усвоеніе трудной солдатской школы. Мѣры эти, однако, не могутъ приносить особенной пользы, потому что какъ бы тамъ ни было, а въ указанный срокъ необходимо *пройти* все положенное.

Да и найти средство къ устраненію этого послѣдняго неудобства довольно трудно: увеличить срокъ обученія весьма не практично, такъ какъ къ веснѣ, т. е. къ тому времени года, въ которое всего вѣроятнѣе и возмозжнѣ вспыхнуть войнѣ, всѣ солдаты должны быть готовы; и если что можно предпринять въ этомъ направленіи, то развѣ сократить программу. Многія теоретическія свѣдѣнія, дѣйствительно, могли бы быть безъ ущерба дѣлу если не совсѣмъ выброшены изъ солдатскаго курса, то, по крайней мѣрѣ, отложены до втораго года службы.

Къ такимъ свѣдѣніямъ можно отнести, напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ видовъ довольствія, получаемаго солдатомъ отъ казны, а также теорію стрѣльбы. Первую изъ этихъ *наукъ* солдатъ легче всего усвоить на практикѣ, при получкѣ хлѣба, жалованья, холста, сапожнаго товара и т. п., а вторую все равно никогда не постигнетъ. Не жалко ли, въ самомъ дѣлѣ, смо-

трѣтъ, какъ человѣкъ неграмотный, вятый прямо отъ сохи, стоитъ передъ своимъ учителемъ весь красный отъ непривычнаго умственного напряженія и съ тупымъ видомъ лепечетъ непостижимыя для него слова: „траекторія“, „давленіе пороховыхъ газовъ“ и проч.? Въ значительной мѣрѣ можно бы сократить, на первое время, свѣдѣнія и изъ прочихъ уставовъ, которыя легче усваиваются на дѣлѣ, чѣмъ въ зубрячку.

Отнесеніе нѣкоторой части программы на второй годъ службы сообщило бы большій интересъ занятіямъ старослужащихъ, тогда какъ теперь они, слыша изъ года въ годъ все одно и тоже, часто относятся къ этимъ занятіямъ безъ особаго рвенія, а скорѣе съ апатіей.

Въ лѣтнихъ занятіяхъ едва ли не главную роль занимаетъ стрѣльба: цѣлыя шесть недѣль, даже болѣе, на стрѣльбищахъ идетъ непрерывная пальба съ раннего утра до позднего вечера.

Всѣ начальники отдѣленій и взводовъ, а особенно ротные командиры и выше ихъ стоящіе офицеры озабоченно ходятъ отъ одного человѣка къ другому, напоминая имъ правила прикладки, прицѣливанія и пр., зная, что результаты обученія стрѣльбѣ сильно вліяютъ на аттестацію и, слѣд., на дальнѣйшую карьеру всѣхъ полковыхъ офицеровъ, въ виду важнаго значенія, какое въ современныхъ войнахъ принадлежитъ ружейному огню.

Къ сожалѣнію, у насъ обученіе стрѣльбѣ почти повсюду поставлено весьма односторонне и требованія нашего „наставленія“ по этой части исполняются лишь въ половину.

Дѣло въ томъ, что курсъ стрѣльбы въ нашихъ войскахъ почти вездѣ ограничивается *стрѣльбой съ ограниченныхъ разстояній*. Въ этомъ отношеніи всѣ войсковыя

части у насъ даютъ прекрасные результаты, а многія достигаютъ положительнаго совершенства, выбивая баснословные „проценты“.

Но какъ-бы прекрасно ни стрѣлялъ человѣкъ съ отмѣреннаго разстоянія, если бы онъ даже въ 500 шагахъ попадалъ въ гривенникъ, это отнюдь не гарантируетъ ему вѣрности попаданія при боевой обстановкѣ, и если онъ, напримѣръ, при дѣйствительномъ разстояніи въ 1000 шаговъ, поставитъ прицѣлъ на 1500, то конечно вѣроятность попаданія будетъ весьма незначительна.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что успѣхъ огня въ дѣйствительномъ бою зависитъ не отъ искусства въ этихъ утонченныхъ приемахъ стрѣльбы, а отъ умѣнья управлять огнемъ, вѣрно выбирать цѣли, опредѣлять на глазомѣръ разстоянія, правильно расходовать патроны и т. п. Но чтобы выучиться этому, нужны упражненія не въ одной только стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній, составляющей *мнѣ азбуку* всего дѣла, а непрерывно въ стрѣльбѣ при такой обстановкѣ, которая была бы по возможности близка къ обстановкѣ дѣйствительнаго боя. Между тѣмъ этотъ именно родъ стрѣльбы у насъ вовсе упускаютъ изъ вниманія при обученіи солдатъ, и что всего страннѣе—за недостаткомъ, будто бы, мѣста (!) для этихъ упражненій!

Въ кавалеріи нашей существенный пробѣлъ ея обученія составлялъ до послѣдняго времени недостатокъ быстроты и выносливости при передвиженіи на большихъ разстояніяхъ. Теперь обращено особое вниманіе на устраненіе этого недостатка, для чего, между прочимъ, производятся часто дальнія поѣздки какъ отдѣльными командами, такъ и цѣлыми строевыми частями, переправы вполѣ черезъ рѣки болѣе или менѣе

значительной ширины, и т. п. Желательно было бы, при этомъ, повсемѣстное обученіе кавалеріи и сквознымъ атакамъ на пѣхоту, которыя практикуются пока лишь въ нѣкоторыхъ округахъ: въ случаѣ военныхъ дѣйствій онѣ могли бы быть очень полезны, приучивъ конницу къ смѣлому натиску на непріятеля подъ залпами его ружейнаго огня.

Въ артиллеріи нашей пока не обращено надлежащаго вниманія на одно изъ существенныхъ требованій тактики: въ современныхъ бояхъ артиллерія почти всегда сосредоточивается на извѣстныхъ пунктахъ поля сраженія въ громадныя батареи изъ ста и болѣе орудій. Управление такими страшными батареями требуетъ большаго навыка и практики. Между тѣмъ наши артиллеристы, при упражненіяхъ мирнаго времени, вовсе почти не имѣютъ случая командовать и управлять большими массами артиллеріи.

Наконецъ, обращаясь къ смѣшаннымъ маневрамъ изъ отрядовъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, упомянемъ, что при этихъ упражненіяхъ желательна большая связь между дѣйствіями пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, на что, впрочемъ, уже и обращено вниманіе, хотя полученные результаты еще заставляютъ желать много лучшаго.

Спеціальныя занятія съ офицерами въ зимнее время заключаются въ рѣшеніи тактическихъ задачъ на планахъ, а лѣтомъ въ рѣшеніи такихъ же задачъ въ полѣ и въ производствѣ съемокъ.

Что касается общихъ выводовъ о подготовкѣ нашихъ войскъ, то они должны быть весьма благоприятны: она въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, о которомъ никто и не мечталъ лѣтъ тридцать назадъ. Начальники нашей арміи, отъ высшихъ до низшихъ,

употребляютъ всѣ свои силы на возможное усовершенствованіе вѣренихъ имъ частей въ военномъ дѣлѣ.

Прекрасное вооруженіе и основательная военная подготовка арміи даютъ право надѣяться, на случай столкновенія съ вѣшними врагами, что армія эта покажетъ себя достойною ея славныхъ предковъ. Еще прочнѣе эта надежда зиждется на драгоцѣнныхъ нравственныхъ качествахъ, всегда отличавшихъ русское войско — качествахъ, сохранившихся во всей чистотѣ и неприкосновенности до настоящаго времени.

Безпредѣльная преданность Престолу и Отечеству, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ долга своей службы, всегда одушевляли и теперь одушевляютъ всю нашу армію отъ перваго до послѣдняго воина. Русскій солдатъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, на какой бы ступени умственнаго развитія ни стоялъ, и въ мирное и въ военное время полагаетъ величайшею для себя честью и счастьемъ положить животъ свой за вѣру, Царя и Отечество. Блестящіе подвиги, совершенные въ послѣднюю турецкую войну нашими молодыми солдатами, поступившими на службу по общей воинской повинности, доказываютъ, что ни мужествомъ, ни способностью переносить невзгоды походной жизни, они ни въ чемъ не уступаютъ прежнимъ, сѣдымъ 25-лѣтнимъ служакамъ. Неоднократно повторявшіеся случаи, когда часовые, не смѣненные своевременно, замерзали или погибали въ пламени на своихъ постахъ, свидѣлствуютъ, сколь глубокіе корни пустило въ нашихъ войскахъ сознаніе служебнаго долга.

Состояніе дисциплины въ арміи слѣдуетъ признать вообще удовлетворительнымъ, хотя за послѣднее время нерѣдко встрѣчаются и исключенія изъ этого общаго правила, и со стороны воинскихъ начальниковъ

все чаще и чаще слышатся жалобы на затруднительность поддержанія дисциплины на прежней высотѣ. Жалобы эти на столько серьезны, что на нихъ нельзя не обратить самаго строгаго вниманія, и не замедлить самыми дѣйствительными мѣрами къ пресѣченію зла въ самомъ корнѣ.

Въ чемъ же причина его и какія мѣры для борьбы съ нимъ?

Ошибочно думать, что вооруженная сила государства—что-либо постороннее, насильно навязанное его гражданамъ. Армія—необходимый членъ народнаго организма, живущій одною съ нимъ жизнью и питающійся одними и тѣми же соками. Общее состояніе этого организма неизбѣжно вліяетъ и на отдѣльные члены его; если все тѣло здорово, то здоровы и всѣ органы въ отдѣльности, и наоборотъ, въ больномъ тѣлѣ страдаютъ и всѣ его члены въ частности.

Нельзя сказать, чтобы въ нашемъ государственномъ и общественномъ организмѣ все обстояло благополучно. Извѣстна неурядица, жертвою которой въ настоящее время стала наша деревня. Отсутствие власти, безправіе, всесильная мощъ кабака и кулака-міроѣда съ каждымъ годомъ все глубже и глубже погружаютъ сельское населеніе въ пучину нравственнаго растлѣнія. А между тѣмъ, это населеніе и составляетъ главный контингентъ нашей арміи. Немудрено, что этотъ помутившійся источникъ ежегодно приноситъ въ ряды войскъ извѣстный процентъ вредныхъ осадковъ въ видѣ личностей весьма сомнительной нравственности, дурно вліяющихъ и на неиспорченныхъ товарищей.

И вотъ, для удержанія подобныхъ личностей въ должныхъ границахъ, а равно и въ примѣръ прочимъ, необ-

ходимы рѣшительныя мѣры въ видѣ *строгихъ* дисциплинарныхъ взысканій.

Ихъ-то, однако, и нѣтъ въ нашемъ дисциплинарномъ уставѣ. Плодъ либеральныхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ, уставъ этотъ отличается безграничною гуманностью, далеко несоотвѣтственною тѣмъ элементамъ общества, изъ которыхъ преимущественно комплектуется армія.

Взысканія съ нижнихъ чиновъ заключаются: въ воспрепятствіи отлучекъ со двора, въ нарядѣ не въ очередь на службу и на работу, и въ различныхъ видахъ ареста, да сверхъ того, какъ бы въ видѣ исключенія, для людей, числящихся въ такъ называемомъ разрядѣ штрафованныхъ, въ тѣлесномъ наказаніи. При этомъ право перевода въ разрядъ штрафованныхъ предоставлено лишь суду.

Такія взысканія были бы достаточны для людей неиспорченныхъ, дошедшихъ до какого-нибудь проступка лишь по неразумію или легкомыслію. Но въ каждой ротѣ всегда имѣется извѣстное число личностей, на которыхъ подобныя взысканія не могутъ производить никакого впечатлѣнія. Что, въ самомъ дѣлѣ, значить человѣку грубыхъ понятій и необузданныхъ привычекъ, почти свободному отъ чувства личнаго достоинства, просидѣть нѣсколько дней въ карцерѣ? Иные даже радуются такому взысканію: въ то время, какъ честный, ни въ чемъ незамѣченный солдатъ, обливаясь потомъ, учится подъ палящими лучами іюльскаго солнца съ двухъ-пудовою ношей на спинѣ, иной негодай сидитъ себѣ спокойно, либо спитъ съ утра до вечера въ прохладномъ карцерѣ подъ арестомъ, изображая Крыловскую щуку, которую судьи приговорили утопить въ рѣкѣ.

Понятно, какъ отъ такого порядка вещей страдаетъ дисциплина, и для поднятія ея и удержанія на надлежащей высотѣ едва ли найдется иное средство, кромѣ усиленія личной власти начальниковъ надъ подчиненными имъ нижними чинами, потому что судъ хотя и располагаетъ весьма широкою градаціей наказаній, отъ ареста до ссылки въ каторжныя работы, но самое преданіе суду обставлено такими сложными формальностями, что къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Число такихъ случаевъ, нѣтъ сомнѣнія, и еще бы уменьшилось, еслибъ начальники имѣли право рѣшительными и строгими мѣрами своевременно обуздать будущихъ преступниковъ съ первыхъ же ихъ шаговъ по скользкому пути порока. Самое взысканіе въ большинствѣ случаевъ только тогда и способно производить надлежащее впечатлѣніе на окружающую среду, когда слѣдуетъ непосредственно за проступкомъ, чего не бываетъ при судебномъ порядкѣ съ его формальностями и неизбѣжными проволочками.

Мнѣнія специалистовъ военнаго дѣла сводятся по этому вопросу къ необходимости предоставить по крайней мѣрѣ полковымъ командирамъ право перевода въ разрядъ штрафованныхъ, хотя имъ едва ли бы и пришлось часто пользоваться этимъ правомъ. такъ какъ одно сознаніе близости сильной карающей власти служило бы достаточною острасткой для людей ненадежной нравственности, которые теперь мало озабочены обузданіемъ своихъ дурныхъ наклонностей, хорошо зная, что подѣлать съ ними ничего нельзя.

Гораздо тяжелѣе дисциплинарныя взысканія съ офицеровъ: кромѣ замѣчаній, выговоровъ и арестовъ, здѣсь имѣютъ мѣсто и отрѣшеніе отъ должности, неудостоевіе къ производству по линіи, и даже удаленіе со службы.

Что касается поощрительных мѣръ, наше военное законодательство вообще весьма богато различными видами наградъ какъ для нижнихъ чиновъ, такъ и для офицеровъ. Высшею и наиболѣе цѣнимою наградой для первыхъ служить знакъ ордена Св. Георгія, жалуемый за особо отличные подвиги въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Знакъ этотъ имѣетъ 4 степени, изъ коихъ 1-я и 2-я—золотые кресты, 3-я и 4-я—серебряные, и притомъ 1-я и 3-я степень съ бантомъ, 2-я и 4-я безъ банта.

Высшимъ отличіемъ мирнаго времени служить знакъ ордена Св. Анны; кромѣ того существуютъ еще различнаго рода медали, шевроны изъ серебрянаго или золотого галуна, жалуемые за сверхсрочную службу, медали „за спасеніе погибавшихъ“, наконецъ медали и кресты въ память войнъ и походовъ, даруемые всѣмъ чинамъ войскъ, участвовавшихъ въ этихъ войнахъ.

Къ числу наградъ, установленныхъ для офицеровъ, принадлежатъ орденъ, чины, изъясненія Высочайшаго благоволенія и золотое оружіе. Въ мирное время ежегодно на каждую часть назначается извѣстное число орденовъ, которыми и награждаются достойнѣйшіе офицеры, по представленію начальства. Пожалованіе орденовъ происходитъ въ извѣстной постепенности, начиная съ ордена Св. Станислава 3 степени.

Производство въ слѣдующіе чины „за отличіе“ установлено лишь для генераловъ, а въ арміи и для штабъ-офицеровъ. Награжденіе же оберъ-офицеровъ чинами за отличіе допускается вообще лишь за боевые подвиги.

Къ наградамъ, жалуемымъ исключительно въ военное время, принадлежитъ орденъ Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“, золотое оружіе и, за особые подвиги, орденъ Св. Георгія, тоже 4-хъ степеней.

Впрочемъ за военныя же отличія могутъ быть жалуемы и другіе ордена, но всегда съ мечами и бантами.

Всѣ указанныя награды даруются офицерамъ на службу. Существуютъ награды, жалуемыя при отставкѣ и приобретаемыя выслугою известнаго числа лѣтъ. Сюда относятся: производство въ слѣдующій чинъ, право ношенія мундира, а равно различнаго рода пенсіи (о чемъ уже говорилось).

V.

Условія вооруженнаго столкновенія съ западными сосѣдями. Сравненіе числительнаго состава войскъ. Мобилизація и сосредоточеніе войскъ. Вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій и его свойства.

До сихъ поръ мы рассматривали вооруженныя силы Россіи взятыя отдѣльно, сами по себѣ, безъ сравненія съ силами, съ которыми намъ, быть можетъ, придется вести борьбу. Очевидно, что подобнаго изслѣдованія недостаточно для оцѣнки военного могущества государства: оцѣнка эта можетъ быть опредѣлена лишь путемъ сравненія нашихъ военныхъ средствъ со средствами нашихъ сосѣдей.

Не объ азіатскихъ сосѣдяхъ нашихъ, какъ-то: Китаѣ, Афганистанѣ, хотя бы и поддержанномъ Англіей, Персіи и Турціи здѣсь рѣчь, ибо война съ этими государствами не можетъ быть для насъ опасною; а о сосѣдяхъ западныхъ: Германіи и Австріи.

Вопросъ о возможности нашего столкновѣнія съ ними и его послѣдствіяхъ все чаще и чаще обращаетъ на себя вниманіе всей Европы. Въ германской литературѣ чуть не каждый день являются различнаго рода газетныя статьи и отдѣльныя брошюры, рассуждающія о войнѣ Германіи съ Россіей.

Многія изъ этихъ брошюръ въ своихъ увлеченіяхъ доходятъ до смѣшнаго: не ограничиваясь сравненіемъ средствъ борьбы того и другаго государства, онѣ живописуютъ цѣлыя воображаемыя кампаніи, разыгрываютъ генеральныя сраженія, въ которыхъ, разумѣется, бравые тевтоны обыкновенно побѣждаютъ сѣверныхъ варваровъ, и т. д. т. п.

Не увлекаясь ихъ примѣромъ, выяснимъ, однако, тѣ условія, отъ которыхъ могъ бы зависѣть исходъ возможнаго нашего столкновѣнія съ названными сосѣдями: сравнимъ матеріальныя средства обѣихъ сторонъ, рассмотримъ вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій и постараемся, на основаніи этихъ очевидныхъ данныхъ, вывести заключеніе объ исходѣ такой борьбы.

Число вооруженныхъ силъ Германіи въ настоящее время превышаетъ въ общемъ 2 милліона, т. е. подходитъ близко къ нашимъ. Но въ этомъ числѣ заключается свыше милліона войскъ мѣстныхъ, которыя не могутъ быть направлены за предѣлы государства. Всего же, въ случаѣ столкновѣнія съ Россіей, Германія можетъ выставить на нашей границѣ въ первой линіи не болѣе 800,000 чел. полевыхъ войскъ и за ними, уже во второй линіи, 400,000 чел. резерва. Мы же (какъ высчитано раньше) имѣемъ въ первой линіи безъ малаго 1,150,000 чел. полевыхъ войскъ и во второй 550,000 резервныхъ, или всего 1,700,000 противъ 1,200,000 германскихъ, т. е. болѣе на $\frac{1}{2}$ -милліона.

На это могут возразить, что въ случаѣ борьбы съ Россіей Германія не будетъ изолирована, а пойдетъ драться совмѣстно съ Австро-Венгріей.

Силы, которыми располагаетъ Австрія для виѣшней борьбы, состоятъ изъ 650,000 чел. полевыхъ войскъ и 220,000 чел. ландвера. И если даже не принимать въ соображеніе, что въ борьбѣ съ Россіей значительная часть этихъ войскъ, состоящая изъ славянъ, можетъ оказаться ненадежной, и предполагать, что всѣ австрійскія войска будутъ драться противъ насъ съ одинаковою храбростью, и тогда соединенныя силы противниковъ нашихъ составятъ: въ первой линіи 1,450,000 чел. противъ нашихъ 1,150,000, и во второй 660,000 противъ нашихъ 550,000. Перевѣсъ въ силахъ хотя и оказывается на сторонѣ нашихъ враговъ, но далеко не столь значительный, чтобы ему можно было придавать рѣшительное значеніе.

Но вѣдь и Россія не будетъ же совершенно изолирована. Если наше правительство, въ видахъ пріобрѣтенія полной свободы дѣйствій, и не связываетъ себя формальными договорами, тѣмъ не менѣе у насъ существуютъ естественные союзники, близкіе намъ не на бумагѣ, а по общности интересовъ, по сознанию необходимости соединенныхъ усилій для борьбы съ общими врагами и по взаимной нравственной симпатіи. Полагаемъ, что подобныя узы будутъ покрѣпче дранныхъ грамотъ дипломатическаго договора.

Мы, конечно, разумѣемъ Францію, обладающую весьма почтенными военными средствами, и могущую выставить въ первой линіи 1,200,000 чел., и во второй, собственно для обороны страны, до 700,000 чел. Союзъ съ нею, очевидно, далъ бы намъ рѣшительный перевѣсъ въ силахъ.

Но предположимъ самые невыгодные для насъ случаи: *единоборство* съ Германіей или же борьбу и съ Германіей и съ Австріей одновременно.

Въ первомъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, на нашей сторонѣ будетъ почти полуторный перевѣсъ въ силахъ. Но по одному лишь количеству войскъ еще нельзя заключать о томъ, на чьей сторонѣ будутъ шансы на успѣхъ въ минуту столкновенія. Для созданія возможно выгоднаго исходнаго положенія въ началѣ кампаніи, необходимо предупредить противника въ быстротѣ приведенія арміи на военное положеніе, т. е. въ мобилизаціи ея, и въ быстротѣ ея сосредоточенія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Не имѣя возможности судить о дѣйствительно существующихъ у насъ на этотъ предметъ планахъ, мы, однако, попытаемся выяснить, въ какихъ условіяхъ находимся мы и Германія относительно осуществленія обѣихъ названныхъ задачъ.

При самой математической точности всѣхъ мобилизаціонныхъ расчетовъ, при полной готовности всѣхъ матеріальныхъ средствъ, наша мобилизація, въ силу естественныхъ условій, не можетъ быть выполнена съ такою быстротой какъ германская.

Двадцать корпусовъ, составляющихъ германскую армію, расквартированы на пространствѣ 9,800 кв. миль. Вся территория государства раздѣляется въ военномъ отношеніи на 20 корпусныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый дастъ укомплектованіе расположенному въ немъ корпусу. Средняя величина округа не превышаетъ 490 кв. миль и наибольшія разстоянія, на которыя придется перевозить запасныхъ для укомплектованія войскъ, не будутъ превосходить 150—200 верстъ.

Наши 20 корпусовъ, считая въ томъ числѣ и Кавказ-

скій, разбросаны на пространствѣ около 108,000 кв. миль, т. е. на каждый корпусъ придется 5,400 кв. миль, или болѣе половины территоріи, занимаемой всею Германскою имперіей.

Въ дѣйствительности наши войска не распределены равномерно по всему пространству государства, подобно войскамъ германскимъ. Большая часть ихъ, какъ извѣстно, сосредоточена въ западной пограничной полосѣ. Однако, это обстоятельство нисколько не дѣлаетъ нашего положенія выгоднѣе. Число населенія западныхъ пограничныхъ округовъ составляетъ не болѣе $\frac{1}{3}$ населенія всей Европейской Россіи; остальные же $\frac{2}{3}$ приходятся на долю внутреннихъ округовъ. Очевидно, что для укомплектованія войскъ пограничнаго пространства придется перевозить запасныхъ изъ внутреннихъ частей имперіи, при чемъ людямъ, перевозимымъ, напр., изъ Московскаго округа въ Варшавскій придется дѣлать среднимъ числомъ около 1200 верстъ, а изъ Казанскаго около 2000 в.

Такимъ образомъ, нашимъ запаснымъ, вообще говоря, придется проѣзжать по дорогѣ къ арміи при мобилизаціи приблизительно въ десятеро большее число верстъ нежели нѣмецкимъ.

Но это еще не все. Германцы обладаютъ сравнительно съ нами гораздо большими средствами перевозки, и наиболѣе важнымъ изъ нихъ являются желѣзныя дороги, которыхъ Германія имѣла еще къ 1 января 1886 г. по 3,8 километра на кв. милю, тогда какъ Европейская Россія къ тому же времени располагала всего только 0,27 килом., или, другими словами, германская желѣзнодорожная сѣтъ слишкомъ три года назадъ была гуще нашей въ 15 разъ.

Такимъ образомъ, по быстротѣ мобилизаціи наша

армія необходимо должна значительно уступить германской, которая, притомъ, имѣетъ и полную возможность сосредоточиться на нашихъ границахъ гораздо быстрее, чѣмъ наша.

Послѣдній выводъ можно сдѣлать на основаніи слѣдующихъ данныхъ: для переѣзда къ русской границѣ наиболѣе удаленнымъ корпусамъ германской арміи, именно тѣмъ, которые расположены на французской границѣ, придется сдѣлать не свыше 1000 верстъ; нашимъ же корпусамъ, напримѣръ Московскаго округа, придется, какъ мы уже указали, сдѣлать до 1200, а войскамъ Казанскаго—свыше 2000 верстъ

Сверхъ того, нѣмцы имѣютъ больше и путей для перевозки своихъ войскъ къ нашимъ границамъ, т. е. изъ внутреннихъ областей Германіи въ восточныя пограничныя провинціи, обладая 10-ю желѣзнодорожными линіями, тогда какъ мы для перевозки войскъ изъ внутреннихъ округовъ къ западной границѣ располагаемъ всего 5-ю линіями, считая, притомъ, Московско-Брестскую, какъ двухколейную, за двѣ линіи.

И такъ—несомнѣнно (и нѣтъ нужды на этотъ счетъ заблуждаться), что нѣмцы успѣютъ сосредоточить на нашей границѣ, въ началѣ кампаніи, гораздо большее число войскъ, чѣмъ мы. Но значить ли это, что мы съ самаго начала столкновенія будемъ обречены на пораженіе?

Вовсе нѣтъ, ибо, кромѣ числа войскъ, на ходъ военныхъ дѣйствій могутъ вліять и свойства предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій, а эти свойства какъ нельзя болѣе выгодны для насъ.

Наши пограничныя округа можно раздѣлить на два раіона: первый, заключающій выдающіяся далеко впередъ, въ видѣ передоваго укрѣпленія, губерніи При-

вислянскаго края или Варшавскаго военнаго округа; второй, обнимающій обширную полосу отъ Балтійскаго до Чернаго моря.

Что касается Привислянскихъ губерній, онѣ представляютъ мѣстность покрытую значительными лѣсами и пересѣченную множествомъ большихъ рѣкъ, текущихъ въ болотистыхъ долинахъ. Такія свойства мѣстности дѣлають этотъ край чрезвычайно выгоднымъ для оборонительныхъ дѣйствій и сильно затрудняютъ вторженіе непріятеля хотя бы въ несравненно превосходнѣйшихъ силахъ. Главную водную артерію края представляетъ Висла, достигающая мѣстами ширины около версты, и въ наиболѣе узкихъ мѣстахъ имѣющая не менѣе 100 саж.; наименьшая глубина рѣки 3 аршина. Уже эта естественная преграда, при условіи ея энергичной защиты нашими войсками, представитъ серьезное препятствіе для наступленія непріятеля.

Притоки Вислы: Бугъ, Наревъ съ Бобромъ, Вепржъ, Пилица, Бзура и др. хотя по размѣрамъ своимъ и значительно ей уступаютъ, но протекая большею частью по весьма болотистымъ долинамъ, представляютъ не меньшее препятствіе для непріятельскаго вторженія. Переправами чрезъ нихъ въ большинствѣ пунктовъ являются узкія гати длиною болѣе версты, за которыми незначительные отряды въ состояніи долгое время задерживать многократно сильнѣйшаго непріятеля. Войны 1806—1807 г.г. и усмиреніе Польскаго мятежа въ 1831 г. представляютъ множество подобныхъ примѣровъ.

Естественныя оборонительныя свойства страны усиливаются еще въ значительной мѣрѣ искусственными сооружениями. Таковыми являются крѣпости: Варшава, на средней Вислѣ, Ново-Георгіевскъ, при слияніи Буга

съ Вислой, Ивангородъ, при впаденіи Вепржа въ Вислу, и недавно воздвигнутыя укрѣпленія Осовца на р. Бобрѣ. Наконецъ, въ тылу ихъ находится еще сильная крѣпость Брестъ-Литовскъ, расположенная въ узлѣ 4-хъ желѣзнодорожныхъ линій, на Бугскомъ каналѣ, соединяющемъ водную систему Днѣпра съ системою Вислы.

Въ 1806—1807 г.г. въ описываемой нами мѣстности и смежной съ нею восточной Пруссіи русская армія во 100,000 чел. въ теченіе полугода съ успѣхомъ боролась противъ 160,000 французовъ, предводимыхъ Наполеономъ.

Въ 1831 г. на этой же мѣстности поляки въ теченіе 8 мѣсяцевъ сопротивлялись вдвое почти сильнѣйшей нашей арміи. Къ этому надо прибавить, что они вовсе не обладали такими крѣпостями, какія мы имѣемъ теперь въ Варшавскомъ округѣ.

Эти свойства вѣроятнаго театра войны дадутъ основаніе надѣяться, что наличныя войска нашей западной границы будутъ въ состояніи держаться до тѣхъ поръ, пока число ихъ подвозимыми изъ внутреннихъ округовъ подкрѣпленіями усилится до цифры непріятельскихъ силъ и даже превыситъ ее.

Предположимъ худшее, что мы не удержимся въ Варшавскомъ округѣ, что намъ однимъ будетъ предстоять борьба одновременно и съ Германіей и Австріей, и что союзники, обладая громаднымъ численнымъ перевѣсомъ, заставятъ насъ отступить изъ Привислянскихъ губерній.

Театромъ военныхъ дѣйствій тогда становится второй раіонъ, а онъ отличается тоже весьма выгодными въ оборонительномъ отношеніи мѣстными условіями.

По самой серединѣ его протекаетъ р. Припѣть со мно-

жествомъ притоковъ, впадающихъ въ нее справа и слѣва; долина ея и ея притоковъ, представляющая изъ себя почти сплошное болото, отчасти топкое, по большей же части поросшее густыми дремучими лѣсами, имѣетъ форму равнобедреннаго треугольника, обращеннаго вершиной къ Бресту и основаніемъ къ р. Днѣпру; длина этого основанія простирается до 300 в., а прочіихъ сторонъ до 500 вер.

Весною и осенью этотъ громадный треугольникъ, извѣстный вообще подъ названіемъ Пинскихъ болотъ или Полѣсья, почти весь обращается въ обширное озеро, среди котораго на незначительныхъ возвышеніяхъ видны тамъ и сямъ бѣдныя деревушки. Соединеніе между ними въ эту пору производится почти вездѣ на лодкахъ, а въ сухое время по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, состоящимъ по большей части изъ длинныхъ узкихъ гатей даже на десятки и сотни верстъ.

Подобныя свойства мѣстности, въ связи съ мало-населенностью и бѣдностью края, дѣлаютъ его совершенно недоступнымъ для значительныхъ массъ войска. Но за то эти же свойства дѣлаютъ его чрезвычайно удобнымъ для развитія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ партизанской войны, въ которой мы показали себя такими мастерами въ достопамятную годину Отечественной Войны.

Пинскія болота дѣлятъ нашу западную пограничную полосу на два отдѣльных театра военныхъ дѣйствій: южный, обнимающій западныя части Кіевского и Одесскаго военныхъ округовъ, и северный, заключающій въ себѣ большую часть Виленскаго округа.

По занятіи нашихъ Привислянскихъ губерній, неприятелю предстоитъ рѣшить, на который изъ этихъ теат-

ровъ войны направить главныя силы. Вѣроятнѣе, что онъ изберетъ сѣверный, такъ какъ здѣсь пролегаютъ прямыя пути на важнѣйшіе политическіе, административныя и экономическіе центры Россіи—Москву и Петербургъ. Кромѣ того, Германіи, главному члену коалиціи, было бы чрезвычайно неудобно направить свои силы кружнымъ путемъ въ обходъ Пинскихъ болотъ съ юга. На южный же театръ, по всей вѣроятности, направлена будетъ часть австрійской арміи.

На пути къ Петербургу непріятель встрѣтитъ двѣ серьезныя преграды: линію р. Нѣмана съ перво-классною крѣпостью Ковно, и линію западной Двины съ сильною крѣпостью Динабургомъ. Для движенія на Москву ему необходимо овладѣть сперва одною изъ сильнѣйшихъ нашихъ крѣпостей — Брестомъ, и далѣе форсировать переправу черезъ историческую Березину. Движеніе въ этомъ направленіи будетъ сильно затрудняться и тѣмъ обстоятельствомъ, что на правомъ флангѣ наступающаго непріятеля будутъ находиться только что описанныя нами Пинскія болота, которыя несомнѣнно сдѣлаются гнѣздомъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ, и эти послѣдніе, выходя изъ лѣсовъ и болотъ, постоянными нападеніями на непріятельскіе транспорты сильно затруднятъ продовольствіе наступающей арміи.

И для того, чтобы съ увѣренностью сказать, что пока непріятель будетъ преодолевать описанныя выше преграды, мы успѣемъ сосредоточить достаточныя силы для отраженія дальнѣйшаго его вторженія—вовсе не нужно быть оптимистомъ. Увѣренность эта становится еще прочнѣе, когда примемъ во вниманіе, что силы непріятеля, по мѣрѣ его вторженія въ глубь Россіи, неизбежно должны будутъ уменьшаться: не

считая убыли отъ болѣзней и военныхъ дѣйствій, значительная часть непріятельскихъ силъ должна быть оставляема въ тылу для обезпеченія сообщеній, которыя будутъ для него становиться тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше онъ будетъ удаляться отъ границы, тогда какъ наши силы будутъ возрастать съ каждымъ шагомъ назадъ, просто присоединеніемъ къ нимъ войскъ, расположенныхъ на пути ихъ отступленія.

Но это не все. Предположимъ, что намъ не удастся задержать противника, и что онъ въ концѣ концовъ достигнетъ одной изъ нашихъ столицъ.

Чего же ждать ему здѣсь? Полнаго триумфа и мира на выгодныхъ условіяхъ? Едва-ли: исторія указываетъ противное, и обѣщаетъ ему въ этомъ случаѣ либо голодную смерть, либо возможно быстрое отступление или, вѣрнѣе, бѣгство во свояси. А что значитъ такое бѣгство изъ Россіи, на протяженіи слишкомъ 1000 верстъ, подъ давленіемъ паническаго страха, могли бы разсказать предки будущихъ завоевателей, испытавшіе подобную кампанію подъ знаменами Наполеона I.

Предположенія наши могутъ быть подтверждены и точными расчетами.

Разстояніе отъ нашей западной границы до Петербурга составляетъ 900 верстъ, а до Москвы выше 1000 верстъ. Для обезпеченія своихъ сообщеній на такомъ громадномъ протяженіи непріятелю необходимо оставить въ тылу добрую половину своей арміи. Предположимъ, что на сѣверъ отъ Пинскихъ болотъ направлены будутъ всѣ германскія войска первой линіи и половина той же линіи австрійскихъ войскъ: это составитъ около милліона чел., изъ которыхъ конечныхъ пунктовъ достигнетъ развѣ половина, т. е. такое

количество, которому мы всегда въ состояніи противопоставить силы вдвое большія.

Дадимъ непріятелю и еще новые шансы: предположимъ, что онъ найдетъ возможность вывести изъ предѣловъ своей территоріи, для обезпеченія своихъ сообщеній, и всѣ свои войска 2-й линіи, чтобы такимъ образомъ собрать у Петербурга или Москвы почти миллионъ человѣкъ.

Но развѣ съ занятіемъ врагами одной изъ столицъ сила сопротивленія русской арміи и народа будетъ сломлена? Занятіе это развѣ не послужитъ лишь сигналомъ ко всеобщей истребительной народной войнѣ, образчикъ которой уже знакомъ соединеннымъ арміямъ Европы по примѣру двѣнадцатаго года? Каково же будетъ положеніе миллионной непріятельской арміи на чужой сторонѣ, среди озлобленнаго противъ нея народа, за 1000 верстъ отъ границъ своей родной земли?

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что все, чѣмъ бы могъ воспользоваться противникъ, будетъ нами тщательно скрываться или истребляться на пути его наступленія, что ни куска хлѣба, ни клочка сѣна не попадетъ въ его руки, и что такимъ образомъ все продовольствіе арміи ему придется основать исключительно на подвозѣ изъ складовъ, устроенныхъ въ предѣлахъ собственного государства.

Такой подвозъ не представлялъ бы особенныхъ затрудненій, если бы для этой дѣли можно было пользоваться желѣзными дорогами: но развѣ непріятелю удастся ими воспользоваться? Если въ наше время и совершенствуются пути сообщенія, то съ другой стороны совершенствуются, въ меньшей степени, и средства для ихъ разрушенія: развѣ дѣло дойдетъ до борьбы за

свое политическое бытіе, народъ нашъ конечно не пощадитъ и желѣзныхъ дорогъ, которыя противникамъ придется уже не исправлять, а развѣ сооружать вновь.

А такая трудная задача, какъ сооруженіе новыхъ дорогъ, мостовъ и пр. представляетъ работу, которая не можетъ быть выполнена въ теченіе недѣль или даже мѣсяцевъ.

Разумѣется, нечего и думать, чтобы война, въ которой почти все здоровое, способное къ труду населеніе со стороны непріятеля будетъ находиться подъ ружьемъ, чтобы такая война могла тянуться продолжительное время. Весь эффектъ современныхъ миллионныхъ армій рассчитанъ на рѣшительный и быстрый успѣхъ. А именно такой быстрый успѣхъ и немислимъ при условіяхъ борьбы на необъятномъ пространствѣ Россіи съ ея широкими многоводными рѣками, дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, съ ея населеніемъ, глубоко преданнымъ вѣрѣ предковъ и своему Государю, готовымъ лучше истребить все свое имущество и погибнуть самому чѣмъ уступить врагу.

Такимъ образомъ непріятелю останется одно средство продовольствоваться: подвозить все необходимое по обыкновеннымъ дорогамъ на лошадяхъ.

Но такая задача оказалась не по плечу даже генію Наполеона, приведшаго въ Россію полмилліона войскъ. Едва ли удастся рѣшить ее будущимъ нѣмецкимъ войскамъ, которымъ придется продовольствовать армию вдвое сильнѣйшую.

Для прокормленія миллиона человѣкъ, считая по 2 ф. въ день на человѣка, потребуется одного хлѣба ежедневно 50,000 пудовъ. Лошадей при миллионной арміи

должно быть не меньше 300,000, и одного овса требуется для них каждый день 75,000 пуд. Какой же громадный транспорт понадобится, чтобы поднять эту громадную массу продуктов!

Опытомъ дознано, что при дальнихъ походныхъ движеніяхъ на пароконную повозку нельзя нагружать болѣе 40 пудовъ, а на большей части нашихъ дорогъ и этотъ грузъ окажется очень тяжелъ. Принявъ, однако, даже эту максимальную норму, найдемъ, что для поднятія 125,000 пуд. груза потребуются 3,125 пароконныхъ повозокъ, или 6,250 лошадей—и это для подвоза только однодневной порціи: такіе транспорты должны будутъ прибывать ежедневно. Но такъ какъ разстояніе въ 1000 верстъ, отдѣляющее наши центры отъ западной границы, составляетъ 50 обыкновенныхъ дневныхъ переходовъ, то для безостановочнаго снабженія войскъ непріятелю необходимо будетъ имѣть на каждомъ переходѣ по одному транспорту, направляющемуся къ арміи, и по одному, возвращающемуся обратно, или всего одновременно 100 транспортовъ въ движеніи, т. е. 625,000 лошадей!

Но и это лишь миниатюрное, схематическое изображеніе снабженія арміи. Въ дѣйствительности все происходитъ далеко не такъ просто: тяжело нагруженные повозки въ военное время не могутъ дѣлать, не переводя духа, по 1000 верстъ; обыкновенно, по мѣрѣ движенія впередъ, черезъ каждые 8—10 переходовъ устраиваются промежуточные складочные пункты, изъ которыхъ уже запасы и передаются постепенно впередъ и развозятся по войскамъ. А при подобной (и совершенно неизбѣжной) организаціи снабженія арміи каждый кусокъ хлѣба, прежде чѣмъ попасть въ голодные желудки побѣдоносныхъ воиновъ, долженъ будетъ на-

ходиться въ дорогѣ гораздо болѣе 50 дней, и число лошадей, необходимыхъ для перевозки продовольствія, возрастетъ до милліона.

Да еще мы не приняли въ расчетъ перевозочныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія прочихъ насущныхъ потребностей войска, какъ-то: для доставки боевыхъ припасовъ, для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, и т. п. Изыуренныхъ продолжительнымъ и труднымъ походомъ солдатъ мы предполагаемъ кормить однимъ только хлѣбомъ, да и то 2 ф. въ день, на каждую лошадь клали только овесъ, не считая сѣна. Не принята нами во вниманіе и громадная убыль въ подъемныхъ лошадяхъ, неизбежная, однако, въ военное время. Все это вмѣстѣ взятое должно увеличить цифру необходимыхъ для продовольствія арміи лошадей съ милліона до двухъ, если не до трехъ милліоновъ. Между тѣмъ и вся-то Германская имперія не имѣетъ четырехъ милліоновъ лошадей.

Если даже нѣмцы ухитрятся рѣшить-успѣшно и эту мудреную задачу продовольствія, пустивши въ дѣло всю наличность своихъ лошадей, возникаетъ опять новое затрудненіе, которое опрокинетъ всѣ ихъ расчеты: затрудненіе это состоитъ въ томъ, что транспортнымъ лошадямъ, и людямъ, при нихъ находящимся, тоже надо ѣсть. На каждую лошадь, везущую 20 пуд. груза, потребуется въ день не менѣе 10 ф. одного овса, и пока она сдѣлаетъ всю дорогу взадъ и впередъ, т. е. сто переходовъ къ арміи и обратно, она должна съѣсть 25 пуд. овса, т. е. и тѣ 20 пуд., которые везетъ, и еще сверхъ нихъ 5 пудовъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что всякое въ нашу страну непріятельское вторженіе, независимо отъ сопротивленія арміи, а потомъ и населенія, остановит-

ся гораздо раньше намѣченныхъ нами конечныхъ пунктовъ вслѣдствіе однихъ лишь естественныхъ условій, непреодолимыхъ никакою человѣческою мудростью и энергіей.

Да при наличности такихъ-то условій, вражескіе легіоны встрѣтятъ еще и 2-милліонную армію, хорошо обученную, прекрасно вооруженную, проникнутую одной мыслью—лечь костями до послѣдняго чело-
вѣка, лишь бы не уступить врагу ни пяди родной земли: сомнительно, чтобы при такой обстановкѣ вражескія полчища сумѣли далеко уйти отъ западной границы!

Наконецъ, общее соображеніе: еслибы, вопреки выше доказанной трудности и даже невозможности, наши противники и успѣли проникнуть въ сердце Россіи, все таки чѣмъ дальше удастся имъ уйти впередъ, тѣмъ гибельнѣе будетъ ихъ неизбежное возвращеніе вспять. Невыгодныя естественныя условія, храброе сопротивленіе нашихъ войскъ, безпощадная народная война, которая будетъ поражать врага и съ фронта, и съ тыла, и съ фланговъ — все это разрѣшится тѣмъ, что великимъ тевтонскимъ арміямъ придется испытать прискорбную судьбу тоже *великой* нѣкогда Наполеоновской арміи, съ единственнымъ предъ нею преимуществомъ—сравнительной близостью своего нѣмецкаго *Vaterland'a*.

VI.

Русскій флотъ, его составъ и качества.

Крымская кампанія оказала то вліяніе на кораблестроеніе, что русскія бомбическія пушки подали западнымъ державамъ мысль строить свои военныя суда броненосными. Сначала, впрочемъ, строили ихъ деревянными и обшивали броней только ихъ борта; потомъ стали строить совсѣмъ желѣзными, также обшивая броней.

Увеличеніе калибра судовыхъ орудій до такой степени, чтобы они были въ состояніи пробивать броню—вызвало, въ свою очередь, переходъ къ *башеннымъ* судамъ, ибо судамъ, вооруженнымъ бортовою артиллеріей, было бы тяжело носить ее на бортахъ, покрытыхъ, вдобавокъ, броней.

Эта реформа въ кораблестроеніи застала Россію въ расплохъ, ибо даже лучшіе ея желѣзные заводы оказались не въ состояніи доставлять этотъ новый матеріалъ для судостроенія *по несовершенству на нихъ технической выдѣлки желѣза, и по отсутствію техникувъ-судостроителей, достаточно опытныхъ въ практикѣ желѣзнаго судостроенія.*

Для преодоленія этихъ затрудненій употреблено много и средствъ и времени, тогда какъ западныя державы, вполнѣ свободныя отъ этого неудобства, направили энергическія усилія къ созданію желѣзныхъ судовъ какъ для оборонительныхъ, такъ и для наступательныхъ цѣлей.

Наше желѣзное судостроеніе съ п-рыхъ шаговъ своихъ задалось цѣлью *строить суда только для обороны*, для охраны береговъ, оставивъ будущему заботы о построеніи броненоснаго наступательнаго флота, способнаго переплывать моря и океаны.

Такому рѣшенію способствовало и то обстоятельство, что тогдашній морской бюджетъ Россіи былъ очень скуденъ, да и не могъ быть сразу значительно увеличенъ безъ вреда для бюджета общегосударственнаго.

Какъ бы то ни было, а рѣшеніе это лишало Россію надолго значенія *морской* державы, которая должна имѣть на всѣхъ моряхъ суда, готовые къ бою по первому требованію, ибо суда оборонительнаго желѣзнаго флота не могли удаляться отъ своихъ побережій для плаваній въ *отдаленныхъ* водахъ, куда по необходимости должны были посылаться *суда деревянные*, съ наступленіемъ военнаго времени вынуждаемыя *скрываться* въ нейтральныхъ портахъ.

Ограниченіе броненоснаго флота однѣми цѣлями *обороны* сдѣлало и то, что наше побережье Балтійскаго моря долгое время оставалось, да и теперь частью остается беззащитнымъ отъ непріятелей.

Оборонительный флотъ страдаетъ и еще однимъ большимъ неудобствомъ: для того, чтобы выполнять свое назначеніе, онъ долженъ быть непремѣнно многочисленнымъ по своему составу, ибо о томъ, въ какомъ пунктѣ непріатель сдѣлаетъ нападеніе, возможны лишь предположенія, а не достовѣрныя свѣдѣнія, тогда какъ наступательный флотъ *выходные* даже и для обороны, ибо можетъ вынести ее за предѣлы своихъ водъ и перенести всю невыгду оборонительнаго положенія на сторону непріятеля.

Въ сферѣ политическихъ отношеній постройка оборонительнаго флота, низводя Россію изъ первостепенныхъ морскихъ державъ, осуждала ее на многіе годы мирной политики во чтобы то ни стало.

Къ началу восточной войны 1877—78 гг. Россія имѣла на Черномъ морѣ только двѣ поповки (два 12-дюймовыхъ и два 11-дюймовыхъ орудія) и на Балтійскомъ морѣ одинъ корабль (четыре 12-дюймовыхъ орудія), четыре фрегата (десять 11-дюймовыхъ орудій), три лодки, десять мониторовъ (тридцать 9-дюймовыхъ орудій) и три батареи (тридцать восемь 8-дюймовыхъ орудій). Всѣ эти суда были желѣзные, обшитыя броней. Кромѣ того было два деревянныхъ фрегата, обшитыхъ броней и вооруженныхъ 8-дюймовою артиллеріей (ихъ скорѣе можно отнести къ отдѣлу крейсеровъ), и одинъ желѣзный казематированный фрегатъ, обшитый броней и вооруженный также 8-дюймовою артиллеріей. Вотъ и всѣ броненосцы тогдашняго нашего оборонительнаго флота.

Всѣ они обладали крайне разнообразными морскими качествами, и сформировать изъ нихъ эскадру достаточно сильную числомъ судовъ, *однородныхъ* по своимъ морскимъ качествамъ, было невозможно.

Батареи обладали очень дурною поворотливостью, мониторы имѣли крайне незначительный ходъ, и пр. Впрочемъ, при построеніи оборонительнаго флота въ разнообразіи типовъ и морскихъ качествъ судовъ не представлялось и надобности, такъ какъ и формировать эскадру однородныхъ судовъ для обороны береговъ едва ли могъ представиться случай, ибо это уже составляетъ задачу наступательной флотиліи.

Послѣ восточной войны судостроеніе испытало новую реформу, хотя и не столь радикальную, именно—

вмѣсто желѣза начали употреблять сталь, а на нашихъ заводахъ ни ея не умѣли дѣлать, ни свѣдущихъ людей для развитія этого производства не обрѣталось, и опять потребовались и заботы, и время, пока русскіе заводчики примѣнились къ требованіямъ военнаго судостроенія и получили возможность снабжать морское вѣдомство сталью въ требуемомъ количествѣ и качествѣ.

Въ 80-хъ годахъ взглядъ на построеніе оборонительнаго флота измѣнился, и теперь и на Черномъ и на Балтійскомъ морѣ хотя и продолжается постройка судовъ для береговой защиты, но такихъ, которыя, по своимъ однороднымъ морскимъ качествамъ, могли бы въ случаѣ надобности соединяться въ эскадры. Это обстоятельство очень важно, ибо такія эскадры могутъ и защищать побережье, и при случаѣ вынести оборону впередъ, въ открытое море, а при энергичномъ и смѣломъ командирѣ заставить и самого непріятеля обороняться отъ нападенія, что въ морскомъ военномъ дѣлѣ и составляетъ наилучшій способъ обороны.

Въ Черномъ морѣ въ настоящее время имѣются корабли: въ готовомъ видѣ—*Чесма*, *Синопъ* и *Императрица Екатерина II*; строятся *Двенадцать Апостоловъ* и предположены къ постройкѣ еще два корабля.

Три готовыхъ корабля съ 18-ю 12-дюймовыми орудіями уже представляютъ изъ себя внушительную силу; по окончательномъ изготовленіи и строящихся и заложенныхъ кораблей сила эта увеличится вдвое, и конечно въ состояніи будетъ оборонить нашъ благословенный югъ по крайней мѣрѣ отъ турецкаго флота, въ случаѣ нашего единоборства съ Турціей.

Но эта оборона будетъ успѣшна только при возможности сформированія изъ всѣхъ имѣющихся теперь,

строющихся и подготовляемыхъ къ постройкѣ судовъ, однородныхъ по ходу, поворотливости и морскимъ качествамъ, одной эскадры.

Въ Балтійскомъ морѣ нашъ оборонительный флотъ увеличился двумя кораблями: *Императоръ Александръ II* и *Императоръ Николай I*; кромѣ того, строится одинъ такой же корабль *Гангутъ* и будетъ заложенъ для постройки въ нынѣшнемъ году еще такой же *sister ship*.

Всѣ эти суда пока не испытаны и морскія качества ихъ неизвѣстны, но судя по размѣрамъ, они будутъ обладать сильными машинами, а слѣд. и способностью держаться въ морѣ во всякую погоду.

Впрочемъ, выраженіе: *держаться въ морѣ*—еще не значитъ *быть исправнымъ морскимъ судномъ*, такъ какъ послѣ штормовъ, хотя и выдержанныхъ благополучно, многія суда тѣмъ не менѣе направляются въ портъ для починокъ.

Держаться въ морѣ—значитъ держаться такъ, какъ держался съ своею парусною эскадрой, во время сильнаго шторма, у Анатолійскаго подвѣтреннаго берега, П. Ст. Нахимовъ, поражая скрывшуюся въ Синопѣ турецкую эскадру, чтобы не дать ей ускользнуть изъ своихъ рукъ, а послѣ шторма истребить ее.

Большое углубленіе строящихся кораблей позволяетъ надѣяться, что они не будутъ бояться качки въ не всегда гостепріимномъ Балтійскомъ морѣ, а значительные размѣры ихъ обезпечатъ имъ возможность держаться болѣе или менѣе продолжительное время въ открытомъ морѣ, не заходя въ порты за углемъ и провизіей.

Вооруженіе, сильное и по числу и по калибру орудій, и по количеству минъ, позволяетъ надѣяться, что они будутъ годны на всякое воинское дѣло.

Впрочемъ, что касается Балтійскаго флота, то всё суда, его составляющія, только тогда представлять изъ себя внушительную силу, когда будутъ въ состояніи сформироваться въ эскадру, которая могла бы вынести оборону дальше своихъ побережій, въ море, и когда для нихъ будетъ устроенъ не замерзающій портъ, ибо Кронштадтъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть портомъ для *будущаго корабельнаго флота*.

Что взглядъ на оборонительный флотъ Балтійскаго моря подвергся измѣненію, это доказывается начатою нынѣ постройкою для него броненосныхъ кораблей. Невыработанность взглядовъ на броненосныя суда различныхъ типовъ и системъ, неустойчивость понятій о значеніи этихъ судовъ не остановили, однако, постройки флота, который былъ бы способенъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ *). Твердое рѣшеніе не строить наступательнаго флота до тѣхъ поръ, пока не будетъ созданъ оборонительный—не воспрепятствовало, однако, неудачному опыту постройки *поповокъ*, которыя хотя и строились только для Черноморскаго флота, но составляютъ непоправимый промахъ морскаго вѣдомства, легшій тяжкимъ расходомъ на общегосударственный бюджетъ, и тѣмъ менѣе извинительный, что эти по истинѣ *драгоцѣнныя* суда не были даже подвергнуты практическому испытанію, не смотря на то, что случай къ нему представлялся удобный въ восточную войну 1877—78 г.г.

*) Еще недавно на нашихъ глазахъ на постройку Германскаго флота ассигнованы огромныя суммы; въ числѣ мотивовъ постройки броненосныхъ судовъ есть одинъ, заслуживающій вниманія: „Германскій флотъ, говорилось, долженъ имѣть эскадру изъ однородныхъ морскихъ броненосцевъ, способныхъ маневрировать“.

Послѣднее обстоятельство представляется еще болѣе страннымъ, если принять въ соображеніе, что какъ бы суда эти ни были плохи въ морскомъ отношеніи, все же они были вооружены 11- и 12-дюймовыми орудіями, какихъ у турокъ не было, и—почему знать?—быть можетъ, *боевой уступъ и оправдалъ бы постройку этихъ судовъ, и опровергъ бы теоретически сложившееся* всеобщее убѣжденіе въ ихъ негодности.

Между тѣмъ этотъ неудачный опытъ по части изобрѣтательности въ военно-морскомъ строительствѣ не могъ не отозваться дурно и вообще на значеніи Россіи, какъ морской державы.

Балтійскій флотъ какъ въ 1870, такъ и въ 1877 г. былъ слабѣе порознь англійскаго и французскаго флотовъ; но въ 1870 г. онъ былъ сильнѣе, по крайней мѣрѣ, германскаго, въ 1877 же г. германскій сравнялся съ нимъ, слѣд., въ короткій промежутокъ 7 лѣтъ выигрышъ въ морскомъ значеніи остался за Германіей.

Постройка *Петра Великаго*, принадлежавшаго къ типу брестерныхъ мониторовъ, объяснялась желаніемъ, чтобъ въ составѣ Балтійскаго флота былъ хотя одинъ мореходный броненосецъ, а это желаніе показываетъ, что не смотря на рѣшеніе строить лишь оборонительный флотъ, вовсе не предполагалось отказаться отъ постройки флота наступательнаго. Постройка *Петра Великаго* при благопріятныхъ условіяхъ могла бы служить образцомъ для постройки другихъ судовъ того же типа; къ сожалѣнію, однако, этихъ то условій и не оказалось: постройка и изготовленіе корабля шли замѣчательно медленно, цѣлые 8 лѣтъ, и все-таки за окончательнымъ изготовленіемъ его къ плаванію *пришлось обратиться въ Англію, къ англійскимъ заводамъ и техникамъ.*

Но и этого мало: первая машина, хотя и выстроенная на англійскомъ заводѣ, въ Россіи дала на пробѣ неудовлетворительные результаты, а въ рукахъ русскихъ механиковъ не дала и тѣхъ результатовъ, что получились на пробѣ. Корабль послали въ Англію, гдѣ поставили на него новую паровую машину и гидравлическіе механизмы для обращенія съ 12-дюймовыми орудіями. Но въ рукахъ русскихъ механиковъ и эта машина испортилась, такъ что въ кампанію 1877 г. *Петръ Великій* все время ходилъ на буксирѣ.

Эта неудача съ *Петромъ Великимъ* несомнѣнно и была причиной, что послѣ его спуска на воду въ Балтійскомъ флотѣ морскихъ броненосцевъ очень долго не дерзали строить, и только съ перемѣною взгляда на значеніе оборонительнаго флота стали спускаться на воду мореходные броненосцы, такъ что въ ближайшемъ будущемъ, по окончаніи постройки и изготовленіи заложенныхъ судовъ, возможно будетъ сформировать даже двѣ эскадры: одну изъ пяти кораблей съ 18-ю 12-дюймовыми орудіями, другую изъ 4 фрегатовъ съ 10-ю 11-дюймовыми орудіями.

Обѣ эскадры могутъ дѣлать переходы Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ, но разница между ними въ томъ, что первая можетъ держаться въ морѣ подъ парами двѣ недѣли, вторая же не болѣе 5 дней, ибо имѣетъ запасъ угля только на этотъ срокъ.

Типъ мореходнаго броненосца, пригодный для Балтійскаго и Чернаго морей, непригоденъ для океанской службы, гдѣ требуется океанскій крейсеръ, способный дѣлать переходы въ четыре мѣсяца и держаться въ океанѣ, не заходя въ порты, еще болѣе болѣе промежутокъ времени. Изъ всего русскаго флота къ этому

типу приближается лишь одинъ только крейсеръ *Память Азова*.

Клипера, числомъ 8, хотя и ходятъ въ заграничное плаваніе, но не могутъ въ военное время разсчитывать на успѣхъ: при скорости въ 8 узловъ, при самомъ ограниченномъ запасѣ угля и провизіи, они не могутъ быть отнесены къ морскимъ крейсерамъ, способнымъ держаться въ морѣ по 4 мѣсяца и увеличивать, въ случаѣ надобности, скорость хода до 17 — 18 узловъ.

Такимъ образомъ для морскаго крейсерства остаются полуброненосные фрегаты *Мининъ*, *Владимиръ Мономахъ*, *Димитрій Донской*, *Герцогъ Эдинбургскій*, *Генералъ-Адмиралъ*, полуброненосный крейсеръ *Адмиралъ Нахимовъ*, *Память Азова*, не броненосный крейсеръ *Адмиралъ Корниловъ*, не броненосные корветы *Витязъ* и *Рында*, всего 10 судовъ.

Почти всѣ они вооружены дальнобойною артиллеріей, и только *Генералъ-Адмиралъ* вооруженъ сравнительно слабѣе прочихъ (по числу орудій).

Что касается слабой стороны этихъ судовъ, то всѣ они, за исключеніемъ крейсера *Память Азова*, страдаютъ недостаточностью угольныхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего ни держаться въ морѣ по 4 мѣсяца, не пополняя запасовъ угля, ни развивать, въ случаѣ нужды, большей скорости не могутъ.

Крейсеръ *Адмиралъ Корниловъ* пробовалъ ходить обыкновенно съ двумя цилиндрами, а при нуждѣ для увеличенія скорости вводитъ третій—но попытка эта кончилась неудачей, и о ней, пожалуй, и говорить бы не стоило, если бы на нее не возлагали слишкомъ большихъ надеждъ. Дѣло въ томъ, что даже и въ случаѣ удачи этого приспособленія — угольныхъ запасовъ на крейсерѣ не увеличилось бы, и только существующій

угольный запасъ сталъ бы расходоваться экономичнѣе, благодаря чему крейсеръ получилъ бы возможность вмѣсто 20 быть въ морѣ 30 дней.

Но этого срока для *русскаго* крейсера мало: онъ обязательно долженъ имѣть запасъ угля и провизіи на 4 мѣсяца, ибо русскихъ угольныхъ станцій въ океанахъ нѣтъ, а въ случаѣ войны для русскихъ крейсеровъ не будетъ ни одного дружески открытаго порта, гдѣ можно было бы возобновить полный запасъ угля и провизіи.

Что касается миноносокъ и миноносцевъ, то вслѣдъ за войною 1877 г. русскій флотъ получилъ ихъ около 100; всѣ они построены на русскихъ заводахъ, и обладали скоростью 12 — 13 узловъ. Тогда это были *современныя* суда; но съ 1877 г. прошло много времени: явились другія миноносныя суда, болѣе усовершенствованнаго типа — миноносцы, которые въ большинствѣ случаевъ строились *за границею*, а существовавшія миноноски, *за недостаткомъ ремонта и присмотра, пришли въ неудовлетворительное, негодное для военныхъ дѣйствій состояніе*. Это, впрочемъ, при надлежащемъ вниманіи дѣло поправимое, равно какъ вполне достижимо и то условіе, чтобы строить миноноски и миноносцы не иначе, какъ *у себя дома, въ Россіи*.

Но является по поводу этого типа судовъ соображеніе и болѣе важнаго свойства, соображеніе, высказать которое необходимо: пора увлеченія миноносками и миноносцами прошла; суда эти выходить далеко въ море не могутъ и должны ограничивать свою дѣятельность берегами, да и успѣхъ имѣть лишь при исключительно благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, при тихой, безъ волненія, погодѣ, при туманѣ, въ ночной темнотѣ и т. п.

Суда эти вооружаются минами Уайтхеда, которые можно назвать исключительно *оружіем тихой воды*. Въ морѣ, вдали отъ береговъ, миноноски и миноносцы, послѣ 2-3-дневнаго перехода въ сомнительную погоду—безсильны противъ современнаго броненосца.

Впрочемъ, нельзя имъ ни теперь, ни въ будущемъ отказать въ громадномъ значеніи на войнѣ, и значеніи преимущественно нравственномъ: миноноски и миноносцы *должны всегда нападать*, а потому и личной смѣлости наибольшій просторъ представляется при дѣйствіяхъ этими судами. Чрезвычайно важно, чтобы первое нападеніе миноносками и миноносцами окончилось удачею: это подѣйствуетъ безусловно самымъ подавляющимъ образомъ на непріятеля и самымъ ободряющимъ на наши команды.

Остается упомянуть еще объ одномъ типѣ судовъ—о канонерскихъ лодкахъ.

Въ различныхъ моряхъ, омывающихъ Россію, имѣются эти канонерки различныхъ типовъ.

Въ Балтійскомъ морѣ 9-канонерокъ, носящихъ каждая по 11-дюймовому орудію; въ Черномъ морѣ 6 канонерокъ, вооруженныхъ двумя 8-дюймовыми и однимъ 6-дюймовымъ дальнобойными орудіями; въ Сибирской флотиліи 4 канонерки: двѣ изъ нихъ вооружены каждая однимъ 9-дюймовымъ и однимъ 6-дюймовымъ дальнобойными орудіями, остальные двѣ имѣютъ вооруженіе подобное Черноморскимъ.

Значеніе всѣхъ этихъ канонерокъ въ боевомъ отношеніи чисто оборонительное; разница заключается въ томъ, что Черноморскія и Сибирскія канонерки обладаютъ *морскими качествами* и могутъ совершать переходы океаномъ. Держаться въ морѣ долго онѣ не могутъ. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что

при сравнительно маломъ водоизмѣщеніи они обладаютъ *слабыми ооруженіемъ*.

Если бросить общій взглядъ на судовой составъ русскаго флота, то можно замѣтить слѣдующія крупныя черты въ общемъ направленіи кораблестроительной дѣятельности Россіи: сравнительно недавно вся она была направлена на постройку оборонительнаго флота, въ настоящее же время создается на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ флотъ, способный къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

VII.

Наши задачи на морѣ. Необходимость для Россіи сильнаго крейсеракаго флота и свободнаго выхода въ океанъ.

При медленности въ постройкѣ военныхъ судовъ пройдетъ не мало времени до тѣхъ поръ, пока на обоихъ внутреннихъ моряхъ Россіи оснуются флоты, соотвѣтствующіе ея силѣ и могуществу.

Между тѣмъ недруги наши не дремлютъ, усиливая свои флоты поспѣшно, не отступая для того ни предъ какими затратами.

Германія, на примѣръ, ассигнуетъ на это дѣло 80 милл., Англія же болѣе 200 милл. р., предполагая израсходовать эти громадныя суммы, въ весьма непродолжительный срокъ, на постройку броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ.

Россія имѣетъ не мало основаній смотрѣть на эти мѣропріятія, какъ направленныя специально противъ

нея, и въ виду возможности столкновения съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ недруговъ должна заблаговременно изучить ихъ слабыя и сильныя стороны, чтобы въ мирное время подготовить успѣхъ вѣроятной войны.

Выше мы сказали, что наши океанскіе крейсера не могутъ *держаться въ океанѣ по 4 мѣсяца*. А между тѣмъ *это обстоятельство существенно необходимо для успѣха въ возможной войнѣ съ Англіей*.

Нечего, конечно, распространяться о томъ, что война не составляетъ сама себѣ цѣли, являясь лишь крайнимъ средствомъ для достиженія цѣлей государственныхъ. Политическая миссія Россіи указываетъ ей и ея военныя задачи, которыя можно выразить коротко: *оборона противъ Запада, наступленіе на Востокъ*.

Обращаясь къ нашей военной исторіи, находимъ подтвержденіе этому: если Россіи и случалось вести на Западѣ наступательныя войны, онѣ были наступательными только съ военной точки зрѣнія, въ политическомъ же отношеніи являлись чисто оборонительными.

Что касается наступательныхъ войнъ на Востокъ, обѣ онѣ, и въ 1853—55 гг. и въ 1877—78 гг., были—одна вполнѣ неудачной, другая не вполнѣ удачной: послѣдняя, не смотря на побѣдоносный характеръ ознаменовавшихъ ее военныхъ подвиговъ, тѣмъ не менѣе не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій.

Прискорбнымъ результатомъ обѣихъ войнъ мы обязаны тому, что нашимъ врагомъ въ обоихъ случаяхъ являлась, собственно, не столько Турція, сколько Англія.

Таково первое соображеніе, которое необходимо имѣть въ виду, обсуждая наши военно-морскія задачи.

Слѣдующимъ, не менѣе очевиднымъ и важнымъ сообщеніемъ является то, что система военно-морскихъ учреждений Россіи, какъ и всякаго государства, долж

на быть поставлена въ строгое соотношеніе съ силами и средствами страны *).

Въ 1853—55 гг. Россія имѣла превосходный личный составъ флота, но не имѣла винтового двигателя на своихъ судахъ, и оказалась побѣжденною: очевидно, что военно-морскія учрежденія государства не были въ соотвѣтствіи съ силами и средствами страны, и хотя винтовой двигатель явился на судахъ во время войны, но было уже поздно: *время было упущено*.

Съ 1855 г. Россія строила только оборонительный флотъ, утративъ чрезъ то значеніе первоклассной морской державы; война 1877 г. показала, что *безъ флота* нельзя разсчитывать на окончательный, безповоротный

*) Успѣхи или неудачи на морѣ въ сущности зависятъ отъ благоустроенности флота и отъ талантливости начальника. Благоустроенность флота зависитъ отъ выбора военно-морской системы. Великіе флотоводцы большая рѣдкость: это условіе, какъ счастливая случайность, ускользаетъ изъ разсчета; зато военно-морская система вполне подчиняется ему и должна быть чужда всякихъ импровизацій. Талантливый флотоводецъ долженъ: 1) захватить въ свои руки инициативу дѣйствій и удерживать ее за собою во все продолженіе войны, господствуя надъ умомъ и волею противника; 2) выбрать минуту и чувствительное мѣсто у противника для нанесенія рѣшительнаго удара (Абукирь, Синопъ); 3) явиться на этомъ мѣстѣ съ превосходными силами (Синопъ), и 4) искусно ввести въ бой свои силы. Все остальное въ морской войнѣ дѣло второстепенное и должно быть результатомъ техники и военно-морской организаціи. Такимъ образомъ Россія должна обладать военно-морскою организаціей, которая дала бы ей возможность: 1) поставить флотъ на военное положеніе въ срокъ болѣе короткій, чѣмъ противникъ — для этого нужны хорошо устроенные порты съ выходомъ въ океанъ и хорошая портовая организація, и 2) выставить силы, тщательно и искусно подготовленныя къ своему дѣлу. Хорошая военно-морская организація позволяетъ дѣйствовать *наступательно*, что имѣетъ на войнѣ громадное значеніе.

успѣхъ въ столкновѣніяхъ Россіи съ возможными ея врагами на Востокъ. Такое несоотвѣтствіе военно-морскихъ учрежденій съ силами и средствами страны лишило Россію того перевѣса, на который она могла бы разсчитывать при каждой войнѣ.

Соглашаемся, что необходимость флота сразу на обоихъ внутреннихъ моряхъ, Черномъ и Балтійскомъ, усложняетъ задачу, но въ настоящее время, послѣ такихъ испытаній, стыдно бы было не воспользоваться ими и не подготовить успѣха возможной будущей войны или, говоря другими словами, не *подготовить флота для военныхъ дѣйствій противъ врага, безпощаднаго къ своимъ противникамъ—противъ Англій.*

Разсуждая о войнѣ и о военныхъ дѣлахъ, нельзя никоимъ образомъ устранить политическій элементъ, ибо начало всякой войны кроется непременно въ области политики: всякая война имѣетъ свои предлоги, которыми противникъ и старается, хотя и не всегда искренно, объяснить ея неизбежность. Политика же способствуетъ и логически послѣдовательной выработкѣ военно-морской организаціи, которая обусловливается неуклоннымъ стремленіемъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, къ одной и той же, ясно сознанной и вѣрно поставленной цѣли, или, что тоже, исполненіемъ одной и той же политической программы.

Такою цѣль для Россіи составляетъ постоянная предусмотрительность по отношенію къ Англій и всегдашняя готовность къ отраженію ея тайныхъ козней и, быть можетъ, явныхъ (въ ближайшемъ будущемъ) нападеній.

Вотъ уже болѣе 100 лѣтъ, какъ Англія стала глухою недоброжелательницей и скрытною, но оттого и болѣе упорною, непримиримою противницей и ревни-

вою соперницей Россіи, и всѣми неудачами, сопровождавшими наши войны въ текущемъ столѣтіи, мы обязаны ея интригамъ. Однѣ войны 1853—55 и 1877—78 гг., еще свѣжія въ памяти живущихъ поколѣній, неопровержимо доказываютъ справедливость этого заключенія.

Причины англійской вражды къ намъ ясны какъ день: Англія боится за Индію, и *потому* мѣшаетъ намъ на востокъ, не стѣсняясь ничѣмъ. За послѣднія два столѣтія Англія не отступала ни передъ денежными затратами для того чтобы вызвать внутреннія смуты у своихъ противниковъ, ни предъ разорительными войнами, ни предъ другою какою либо несправедливостью, лишь бы обезопасить сначала парусные пути въ Левантъ, а потомъ въ Индію, вокругъ мыса Доброй Надежды.

На нашихъ глазахъ Англія совершила вопіющую несправедливость, начавъ войну съ слабосильнымъ Египтомъ, чтобы захватить пароходный путь въ Индію.

Все это сходило ей съ рукъ, потому что касалось державъ, не имѣющихъ съ нею отношеній по сухопутнымъ границамъ. Другое дѣло Россія: въ періодъ 19 вѣка она уже стоитъ чуть не у самыхъ воротъ Индіи, и чтобы понять всю глубину англійской вражды къ намъ, нужно только принять во вниманіе все значеніе Индіи для Англіи въ торговомъ, промышленномъ и *соціальномъ* отношеніяхъ. Индія, и только она одна, и даетъ Англіи возможность разыгрывать роль первоклассной державы. А между тѣмъ неотразимая сила рока, вопреки, быть можетъ, нашимъ собственнымъ политическимъ и дипломатическимъ соображеніямъ и расчетамъ, влечетъ насъ къ неизбежному столкновенію съ Англіей, и именно изъ за Индіи и, вѣроятно, на Индійской территории.

И вотъ, чтобы отсрочить этотъ роковой, и по всей вѣроятности грозный для нея именно часъ—Англія съ давнихъ поръ изоцпряется въ замыслахъ о томъ, какъ бы, хотя временно, обезсилить и нравственно и политически намѣченного ею самую врага. Всякая война естественно ослабила бы Россію, какъ и всякое государство, и тѣмъ самымъ отдалила бы часъ рѣшительнаго столкновенія ея съ Англіей: и случись такая война, съ кѣмъ бы то ни было все равно—политическій расчетъ подскажетъ Англіи рѣшимость стать въ ряды противниковъ Россіи. При этомъ, конечно, ей не будетъ надобности измѣнять своему національному характеру державы преимущественно торговой: роль Англіи можетъ остаться, въ этомъ случаѣ, чисто служебною. **Войско** ея не столь велико, чтобы оказать замѣтную подмогу своему союзнику, ~~на~~ денегъ у Англіи много, и деньгами она поможетъ всякому ~~противнику~~ Россіи. Такъ было въ 1877 г., такъ было раньше, такъ ~~будетъ~~ и потомъ.

Что же дѣлать Россіи въ виду этой затаенной, непримиримой вражды? Что же иное, какъ не развить свои морскія силы и даровать имъ такую военно-морскую организацію, которая, въ случаѣ войны, дала бы ей средства, совмѣстно съ арміей, достойно помѣряться съ высокомѣрнымъ Альбіономъ?

Аксиома современнаго военнаго дѣла утверждаетъ (и это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду), что кампанія настоящаго времени выигрываются не на морѣ, а на сушѣ, но только при *обязательномъ* содѣйствіи флота. Если предположить, что театромъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Англіей будетъ намѣчена Россіей Индія, то несомнѣнно, что Англичане употребятъ всевозможныя усилія къ устраненію оттуда нашихъ войскъ, но

также несомнѣнно, что и Россія напряжетъ всѣ свои силы, чтобы посрамить эти расчеты и ухищренія, отнюдь не покидая позиціи, съ которой можетъ и должна будетъ господствовать надъ умомъ и волею Англіи.

Военно-морскимъ силамъ нашимъ откроется тогда широкая и благодарная арена дѣятельности: пресѣчь подвозы въ Индію всякихъ войскъ какъ изъ самой Англіи, такъ и изъ всѣхъ ея колоній, а равно и всѣхъ военныхъ припасовъ и снарядовъ (порохъ, снаряды, амуниція, орудія и пр., которыхъ въ Индіи нѣтъ)—вотъ задача русскихъ крейсеровъ въ этой войнѣ сѣвернаго колосса съ царицею морей.

Стоять на линіяхъ сообщенія англійскихъ колоній съ Индіею и уничтожать все подвозы людей и военныхъ припасовъ—такая помощь русскаго флота своей сухопутной арміи, дѣйствующей въ Индіи, будетъ самою существенною, и если бы эта будущая флотилія океанскихъ крейсеровъ не въ воображеніи только нашемъ, а въ грядущей дѣйствительности потопила хоть не всѣ, а лишь большую часть тѣхъ пароходовъ, на которыхъ будетъ организованъ подвозъ въ Индію людей и припасовъ, то всѣ издержки государства на постройку военныхъ портовъ и быстроходныхъ крейсеровъ, на плаваніе и обученіе людей крейсерской службѣ—окупятся сторицею; окупятся и убытки, связанные съ возможною гибелью нѣсколькихъ крейсеровъ при встрѣчахъ съ броненосцами, которые будутъ охранять эти транспортные суда съ войсками и припасами.

Не говоримъ уже о громовомъ нравственномъ впечатлѣніи на всю Англію отъ извѣстія объ одномъ утонувшемъ пароходѣ съ десантомъ: страшная паника не только въ Англіи, но и въ Индіи, среди англійскихъ войскъ, будетъ несомнѣннымъ результатомъ такого

хотя бы единичнаго случая, два же или три такихъ событія будутъ равняться самому побѣдоносному сраженію, выигранному сухопутною арміею. Извѣстіемъ, что помощь ей уничтожена, Англо-Индійская армія была бы нравственно разбита еще до встрѣчи съ непріателемъ.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ мнѣніе, будто задачею русскаго крейсерскаго флота въ случаѣ войны съ Англіею должно быть уничтоженіе ея морской торговли.

На это возразимъ, что съ 1863 и 1878 г.г., когда еще были возможны подобныя соображенія, обстоятельства перемѣнились, и Англія приняла мѣры для охраненія своей морской торговли. Да еще и то надо имѣть въ виду, что послѣ войны за убытки всегда *платитъ потерпѣвшая сторона*. А съ этой точки зрѣнія, если допустимъ даже, что не смотря на принятія Англіею мѣры, русскіе крейсеры повредили бы англійской морской торговлѣ, но если бы русская армія при этомъ не одержала успѣха въ борьбѣ съ англійской, то убытки пришлось бы сторицею заплатить Россіи, конечно разорительнымъ торговымъ трактатомъ.

Вотъ поэтому крейсеры и должны ставить себѣ цѣлью *отнюдь не преслѣдованіе купеческихъ и почтовыхъ пароходовъ*, а преимущественно пресѣченіе подвоза людей и военныхъ припасовъ въ Индію. Этимъ оказана была бы существенная, незамѣнимая и неоцѣнимая услуга сухопутной арміи.

Воспрепятствовать этому англичане могли бы только, нарядя для охраны транспортныхъ пароходовъ броненосныя суда: но развѣ русскіе крейсеры будутъ имѣть не тотъ же экипажъ, который, на незавидной *Вестѣ*, одержалъ достославную морскую побѣду надъ

турецкимъ броненосцемъ? Развѣ въ крейсерской маторской командѣ исчезнуть славныя преданія Чесмы и Синопа? Развѣ не воодушевятъ эти преданія и безъ того отважныхъ моряковъ нашихъ, особенно въ виду роковаго и для насъ, и для всей вселенной значенія исполинской борьбы, въ виду того, что на карту будутъ поставлены честь и достоинство Святой Руси?

Англія безъ Индіи—и вообще ничто, а для насъ тѣмъ болѣе, и какъ ни прискорбно для человѣчества подобное стеченіе обстоятельствъ, когда для вразумленія неразумно-злбнаго врага неизбежнымъ становится его политическое уничтоженіе, но развѣ обстоятельства такъ именно сложились, искать другого способа нѣтъ ни надобности, ни смысла.

А примирившись съ этимъ способомъ, Россія должна поспѣшить заботой о созданіи такой военно-морской организаціи, которая бы обезпечила ей возможность высылать изъ океанскаго порта, въ 24 часа, въ тотъ или другой пунктъ, многочисленную эскадру быстроходныхъ крейсеровъ, способныхъ держаться въ океанѣ не менѣе 4 мѣсяцевъ.

Эскадра эта должна состоять изъ бляндированныхъ по ватеръ-линіи и снабженныхъ броневою палубой крейсеровъ, при чемъ и размѣры ихъ должны быть больше существующихъ, приблизительно длиною около 400 футъ, шириною 60 футъ, глубиною 26 футъ, и съ водоизмѣщеніемъ въ 10 тыс. тоннъ. Полный ходъ они должны имѣть въ 20, средній въ 12 узловъ и запасъ угля и провизіи не менѣе, какъ на 4 мѣсяца. Вооруженіе ихъ должно быть, само собою разумѣется, образцовое: *дальнобойныя орудія, пироксилиновыя бомбы, минныя аппараты и катера.*

Такой крейсеръ смѣло можетъ вступить въ бой съ любымъ

англійскимъ мореходнымъ броненосцемъ и ни одинъ troop-ship не уйдетъ отъ него.

Мечты эти спотыкаются пока объ одно затрудненіе — отсутствіе у Россіи въ Европейскихъ водахъ свободнаго выхода въ океанъ.

Затрудненіе это, впрочемъ, не столь велико, чтобы при энергіи и денежныхъ средствахъ его нельзя было преодолѣть. Кронштадтъ—главный морской портъ Россіи—былъ построенъ для паруснаго флота. Парусный же флотъ имѣлъ своею главною задачей защищать берега Балтійскаго моря и Финскаго залива противъ соединенныхъ флотовъ Швеціи и Даніи.

Въ продолженіе своей исторіи Балтійскій флотъ съ честью выполнилъ свое назначеніе, и для такого флота Кронштадтъ могъ быть главнымъ портомъ.

Теперь обстоятельства измѣнились, измѣнилась и обстановка, при которой Балтійскому флоту придется вступать въ бой съ непріятельскимъ: должны измѣниться и средства снабженія, вооруженія и храненія нашихъ мореходныхъ броненосцевъ и другихъ судовъ, долженствующихъ составить эскадру для цѣлей морской войны. Флотъ теперь не парусный, а паровой, не деревянный, а желѣзный и стальной. Всѣ портовые учрежденія Кронштадта, зданія и т. п. были приурочены только къ парусному деревянному флоту. Съ введеніемъ желѣзнаго пароваго флота были построены только новый докъ для большихъ судовъ, нѣкоторыя мастерскія и пароходный заводъ. Многаго необходимаго для быстрой мобилизаціи флота сдѣлать оказалось или невозможнымъ, или слишкомъ дорого стоящимъ, по причинѣ, во первыхъ, раскинутости самого порта, и во вторыхъ, мелководія гаваней.

Наконецъ, и это самое главное — Кронштадскій

портъ слишкомъ рано закрывается, а открывается слишкомъ поздно.

При паровомъ двигателѣ, непріятельскій флотъ навѣрное явится въ Финскій заливъ раньше, чѣмъ нашъ будетъ въ состояніи, изъ за льдовъ, выйти изъ Кронштадта.

Да и суровый климатъ представляетъ не маловажныя препятствія къ своевременному изготовленію и ремонту судовъ.

Все это вмѣстѣ взятое требуетъ устройства, кромѣ Кронштадта, другихъ портовъ, такихъ, которые могли бы вмѣстить въ себя нашихъ самыхъ сильныхъ броненосцевъ и обезпечили бы мобилизацію флота въ невозможномъ короткій срокъ, хотя бы, напримѣръ, 24 часовъ.

Кронштадтъ съ своими доками и портовыми ремонтными учрежденіями долженъ, тѣмъ не менѣе, остаться главнымъ военно-морскимъ портомъ Россіи, а съ своими крѣпостями и мониторами главною защитой Русской столицы.

Другіе же порты для балтійскихъ броненосцевъ, миноносковъ и миноносцевъ могутъ быть устроены въ Либавѣ и Ревелѣ. Главнымъ основаніемъ при ихъ устройствѣ должна быть принята возможность мобилизовать сосредоточенныя въ нихъ суда въ продолженіе не болѣе какъ 24 часовъ.

Для быстрой мобилизаціи флота необходимы: гавань на столько глубокая, чтобы самые глубоко сидящіе броненосцы швартовались близъ самого берега; полная готовность судовъ чрезъ 24 часа развести пары и вступить въ бой, и судовые магазины и казармы на самомъ берегу. Полезно было бы имѣть и *небольшія* ремонтныя портовыя мастерскія.

Что нужны именно два такихъ новыхъ порта—одинъ

въ Балтійскомъ морѣ, а другой въ Финскомъ заливѣ— видно изъ нижеслѣдующаго.

Непріятельскій флотъ, если онъ только придетъ въ Финскій заливъ, не можетъ оставить у себя въ тылу двѣ нашихъ эскадры: въ Либавѣ и Ревелѣ; слѣд. эскадры наши, вынесенныя впередъ, послужатъ къ защитѣ столицы. Непріятельскій флотъ не можетъ, дѣйствуя противъ одной эскадры, оставить другую безъ вниманія—онъ обязательно долженъ выставить заслонъ противъ нея: а для этого необходимо раздѣленіе непріятельскихъ эскадръ, которое, въ свою очередь, требуетъ значительнаго увеличенія численнаго состава судовъ. Это послужитъ къ нашей выгодѣ, ибо выставить двѣ эскадры, значительно превосходящія наши эскадры въ Либавѣ и Ревелѣ, было бы затруднительно даже для Англіи, а для Германіи такъ и вовсе невозможно.

Но если даже допустить, что Англія въ состояніи будетъ выставить противъ Ревеля и Либавы эскадры больше, чѣмъ наши въ этихъ пунктахъ, то ея эскадры на остальныхъ театрахъ войны: въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, у ея собственныхъ береговъ, у береговъ ея колоній въ Индійскомъ и Восточномъ океанахъ будутъ значительно ослаблены.

Принимая же во вниманіе *всю важность* для Англіи остальныхъ театровъ войны, трудно предположить, чтобы она прислала въ Балтійское море и Финскій заливъ эскадры, численно превосходящія наши эскадры, сосредоточенныя въ Либавѣ и Ревелѣ.

Устройство же въ этихъ портахъ *двухъ выходовъ* позволитъ нашимъ эскадрамъ соединиться и быть численно превосходнѣе одной, ихъ блокирующей эскадры.

Исторія послѣднихъ морскихъ войнъ, впрочемъ, по-

казывается, что и при одномъ выходѣ, среди бѣлаго дня, возможны прорывы чрезъ блокирующую эскадру. Тѣмъ болѣе возможны они при двухъ выходахъ, ночью, при благоприятной прорыву погодѣ.

Послѣдніе маневры (въ 1888 г.) англійскаго флота показали во очію полную возможность такихъ прорывовъ. Да, наконецъ, далеко не всегда превосходство численное обезпечиваетъ побѣду на морѣ: примѣры противнаго многочисленны и всѣмъ извѣстны.

Когда эти дорогія для насъ мечты станутъ дѣйствительностью, то русскія эскадры, сосредоточенныя въ двухъ портахъ, способныя къ мобилизаціи чрезъ 24 часа послѣ объявленія войны, всегда будутъ въ состояніи, соединившись до приближенія непріятеля, выйти къ нему на встрѣчу и въ бою разбить его.

Что же касается защиты этихъ двухъ портовъ—Либавы и Ревеля,—то она при современныхъ средствахъ не представляетъ затрудненія: достаточное число 11-дюймовыхъ мортиръ, поставленныхъ на гидравлическихъ станкахъ, будетъ составлять сильную угрозу для современныхъ англійскихъ броненосцевъ, покрытыхъ болѣею частью только 3-дюймовою палубною броней, которая легко пробивается 11-дюймовыми мортирными бомбами, снаряженными пироксилиномъ *).

На случай же войны съ Германіей, нашей главной противницей на Балтійскомъ морѣ, устройство стоянокъ для нашихъ эскадръ въ Ревелѣ и Либавѣ пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе.

Дѣйствія Германскаго флота только до тѣхъ поръ

*) Существующій въ Ревелѣ портъ не удовлетворяетъ поставленному требованію; но и въ Ревелѣ, и въ Либавѣ есть мѣстности, гдѣ можно устроить удобные военно-морскіе порты для корабельнаго флота.

и возможны, пока главною стоянкою нашею будетъ Кронштадтъ, ибо только при этомъ условіи онъ, пользуясь вынужденнымъ бездѣйствіемъ нашего флота, и можетъ сдѣлать высадку десанта во флангъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ; съ устройствомъ же стоянокъ для нашего флота въ Либавѣ и Ревелѣ, становятся невозможными для Германскаго флота никакія противъ насъ дѣйствія ни на Балтійскомъ морѣ, ни въ Финскомъ заливѣ, а напротивъ, самъ онъ долженъ будетъ думать о защитѣ своихъ береговъ.

Есть и еще одно обстоятельство, котораго упускать изъ вида отнюдь не слѣдуетъ и которое можетъ служить вѣскимъ аргументомъ въ пользу устройства военноморскаго порта въ Либавѣ, въ 3—4 часахъ быстрого морскаго пути отъ германской границы.

Въ войнѣ съ нами Германія обязательно должна перевозить военныя тяжести для войскъ, расположенныхъ вдоль сѣверной своей границы (Померанскій и Шлезвигъ-Голштейнскій корпуса), моремъ. При безопасности движенія вдоль южной части Балтійскаго моря, при достаточномъ числѣ перевозочныхъ паровыхъ судовъ, сосредоточенныхъ въ Килѣ, Любекѣ, Штральзундѣ, Ростокѣ и Кольбергѣ перевозка войсковыхъ тяжестей, обоза, провіанта изъ этихъ мѣстъ въ Данцигъ, Топпотъ и другія мѣста, лежащія у нашей границы, позволить Германіи ускорить мобилизацію своихъ войскъ на нѣсколько дней, а извѣстно, что значить быстрота мобилизаціи въ военномъ дѣлѣ, и какія она даетъ преимущества на войнѣ.

Что же тогда помѣшаетъ нашимъ миноносцамъ и миннымъ крейсерамъ съ надлежащею быстротою приступить къ исполненію своего долга, и чрезъ 24 часа

по объявленіи войны быть у границъ Германіи, чтобы пресѣчь подвозъ къ Данцигу всякихъ военныхъ тяжестей? А тогда германцы или совсѣмъ не повезутъ войсковыхъ тяжестей моремъ, или должны будутъ конвоировать свои транспорты броненосцами, которыхъ—къ прискорбію для нихъ—у нихъ для этой цѣли не хватитъ.

Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ мобилизація двухъ корпусовъ задержится и русскій флотъ окажетъ существенную услугу своей сухопутной арміи.

Дальнѣйшій образъ дѣйствій русскаго флота ясенъ: искать боевой встрѣчи съ Германскимъ, чтобы разбить его *).

Основаніемъ новыхъ военно-морскихъ портовъ въ Либавѣ и Ревелѣ не исчерпываются, однако, задачи нашего морскаго дѣла. Россіи, кромѣ того, *нуженъ портъ, изъ котораго крейсерамъ былъ бы выходъ въ океанъ*. Портъ Владивостока годился бы вполне для этой цѣли, если бы не замерзалъ на 3 мѣсяца и не былъ отдѣленъ отъ центральной Россіи 10,000-верстнымъ разстояніемъ: слѣдовательно, чтобы онъ удовлетворялъ этому назначенію, необходимо построить къ нему

*) Германскій флотъ молодъ, традицій не имѣетъ и командиры его неопытны. Съ особенною ясностью выказалось это во время урагана въ Самоа, случившагося въ февралѣ текушаго года, если сравнить дѣйствія командировъ германскихъ судовъ съ дѣйствіями командира англійскаго корвета *Каллиота*. Это сравненіе очень ярко обрисовываетъ нерѣшительность и нераспорядительность германскихъ судовъ, которые всѣ были выброшены ураганомъ на берегъ, между тѣмъ какъ командиръ *Каллиота* въ ураганѣ подаетъ помощь американскому корвету и въ ураганѣ же выходитъ изъ бушующаго котла. Это было единственное средство спастись, хотя былъ и рискъ погибнуть при $1\frac{1}{2}$ -узловой скорости на рифахъ при входѣ. До такого состоянія германскому флоту далеко.

железную дорогу, устроить въ немъ хорошія портовые мастерскія и нѣсколько сильныхъ ледорѣзовъ.

Мастерскія во Владивостокѣ, правда, и теперь недурны, но онѣ малы для того, чтобы ремонтировать 15 блиндированныхъ крейсеровъ, хотя, конечно, вопросъ объ ихъ увеличеніи—вопросъ только денежный, равно какъ и неимѣніе дока для подъема 10,000-тонныхъ судовъ, ледорѣзы же съ сильными машинами обещаютъ нашимъ крейсерамъ выходъ въ океанъ даже въ томъ случаѣ, если объявленіе войны застанетъ ихъ среди зимы.

Что касается береговъ, то они позволяютъ устроить во Владивостокѣ вполне удобную для быстрой мобилизаціи нашихъ крейсеровъ стоянку, съ судовыми магазинами и казармами позади крейсеровъ.

Всѣ расходы на это дѣло съ избыткомъ окупятся тою пользой, которую наши крейсера принесутъ въ возможной и вѣроятной войнѣ нашей съ Англіей.

Въ печати, въ талантливомъ разсказѣ *Блгомира* „Роковая война 18?? г.“, не такъ давно напечатанномъ на страницахъ *Новаго Времени*, предлагается устроить военно-морской портъ для крейсеровъ на берегу Ледовитаго океана, на Рыбачьемъ полуостровѣ.

Соображаясь съ планомъ мѣстности, считаемъ долгомъ съ своей стороны сказать, что устройство порта въ такомъ мѣстѣ имѣетъ основаніе.

Портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ будетъ имѣть два выхода въ океанъ—слѣдовательно блокировать его нѣтъ никакой возможности; онъ будетъ лежать на берегу, воды котораго никогда не замерзаютъ; его легко укрѣпить очень сильными сухопутными укрѣпленіями, и наконецъ—цѣною сравнительно небольшихъ затратъ соединить съ Россією.

Средняя годовая температура тамъ будетъ ниже на 1°, чѣмъ въ Кронштадтѣ—и это обстоятельство также говорить въ его пользу.

Есть, впрочемъ, одна невыгодная сторона жизни подъ полярнымъ кругомъ, хотя бы и при тепломъ теченіи Гольфстрема—это то, что цѣлую треть года не видать солнца, что несомнѣнно отзовется на умственномъ и нравственномъ настроеніи обитателей этого порта. Крупная же его выгода заключается въ его сравнительно близкомъ разстояніи отъ резиденціи центральной власти.

Но такъ какъ, вообще, выбирать не изъ чего, то будетъ ли это во Владивостокъ или на берегу Ледовитаго моря, а портъ для выхода крейсеровъ въ океанъ намъ нуженъ и во что бы то ни стало долженъ быть устроенъ.

Взвѣсивъ и оцѣнивъ со всѣхъ сторонъ выгоды и неудобства того или другого порта, можно выработать и прочныя основанія для того, чтобы рѣшить важный вопросъ, гдѣ именно слѣдуетъ его устроить.

Пока ясно только одно, что портъ во Владивостокъ можно устроить съ меньшими затратами, при чемъ желѣзная дорога во Владивостокъ, построенная хотя и съ стратегическими цѣлями, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить и для экономическаго развитія Сибири. Владивостокъ удобенъ и своимъ сосѣдствомъ съ бухтами *Патрокъ* и *Улиссъ*, которыя никогда не замерзаютъ.

И если французы не отступили передъ трудностями, какія имъ предстояли при устройствѣ порта въ Шербургѣ, въ виду той пользы, какую онъ принесъ имъ и какую они предвидѣли, то мы имѣемъ еще и выгоду въ сравненіи съ ними, ибо при устройствѣ порта въ

одной изъ незамерзающихъ бухтъ вблизи Владивостока трудностей этихъ будетъ гораздо меньше.

Да трудности и не могутъ, и не должны останавливать стремлений къ высокопатріотическимъ цѣлямъ: жизнь народовъ есть также борьба, которая дежитъ въ основѣ и всего живущаго.

Разъ будетъ признано необходимымъ, на случай борьбы съ Англіей, имѣть быстроходные блиндированные крейсера, способные дѣлать, не заходя въ портъ, по 30 тыс. миль, для такихъ крейсеровъ необходимъ и океанскій портъ.

VIII.

Личный составъ флота. Цензъ и служебное положеніе офицеровъ. Недостатокъ специальныхъ знаній. Необходимость въ плаваніяхъ. Адмиралтейства, заводы, портовые запасы.

Балтійскій флотъ не участвовалъ въ двухъ нашихъ послѣднихъ войнахъ: обстоятельство это весьма важно, и на будущее время необходимо принять мѣры къ тому, чтобы въ случаѣ войны, даже при настоящемъ судовомъ составѣ русскаго флота, онъ не оставался за укрѣпленіями, а вышелъ бы въ море и искалъ врага для эскадреннаго боя.

Въ этомъ истинное назначеніе военнаго флота, и всякая другая миссія, ограничивающая его дѣятельность—будетъ ли то защита прибрежныхъ пунктовъ или крѣ-

постей, не может не произвести *деморализующаго вліянія* на его личный составъ, ибо весьма было бы прискорбно, если бы и командиры и офицеры серьезно усмотрѣли свое назначеніе въ заграничныхъ плаваніяхъ, въ переходахъ изъ одного порта въ другой, а не въ защитѣ отечества.

Флотская молодежь и то сама надъ собой подшучиваетъ, высказывая юмористическій взглядъ на свои обязанности, заключающіяся, будто бы, въ одномъ только полученіи морскаго (усиленнаго) удовольствія. Съ другой стороны, найдутся и старые флотскіе служки, серьезно полагающіе, что въ будущей войнѣ *флотъ обязательно долженъ скрыться за укрѣпленія Кронштадта и Свеаборга*. Заявлялись и такія мнѣнія, что лучше бы было флотъ совсѣмъ уничтожить, оставить въ морскомъ бюджетѣ деньги для пенсій морскимъ офицерамъ и на содержаніе гвардейскаго экипажа, остальныхъ же офицеровъ и команды распустить и деньги, ассигнуемыя на флотъ, обратить на армію. Какъ на мотивъ такихъ прискорбныхъ заключеній, указываютъ на то именно, что въ послѣднія двѣ кампаніи русскій линейный флотъ *ничего не сдѣлалъ и ничему не могъ сдѣлать*. Синопъ-де, только и послужилъ, что послѣднимъ толчкомъ, импульсомъ, который заставилъ западныя державы объявить войну Россіи, Черноморскій флотъ въ 1855 г. кончилъ-де самоубійствомъ, а Балтійскій поступилъ такъ, какъ поступаетъ человѣкъ, отказавшійся отъ дуэли.

Само собою разумѣется, что эти пессимистическіе взгляды обязаны своимъ возникновеніемъ именно двумъ прошлымъ войнамъ, въ которыхъ русскому линейному флоту не пришлось принять никакого участія, и что въ случаѣ войны необходимо, чтобы флотъ оправдалъ свое существованіе, принявъ въ ней дѣятельное уча-

стіе, не скриваясь подъ защитою крѣпостей, а выходя въ море и во встрѣчѣ съ врагомъ ища побѣды.

Въ новѣйшихъ постройкахъ броненосныхъ судовъ на Черномъ и Балтійскихъ моряхъ мы, къ счастью, видимъ залогъ того, что у насъ будутъ *эскадры* морскихъ броненосцевъ.

Извѣстна трудность морской службы, офицеры для которой комплектуются главнымъ образомъ изъ морскаго училища, и лишь въ незначительномъ количествѣ изъ другихъ заведеній.

Этотъ матеріалъ, который даетъ преимущественно русское дворянство, можно безъ преувеличенія назвать прекраснѣйшимъ: смѣлость, отвага русскихъ морскихъ офицеровъ извѣстны и въ примѣрахъ, кажется, надобности не представляется.

Остается умѣло воспользоваться этимъ живымъ матеріаломъ и *службою на морѣ* воспитывать въ немъ всѣ остальные качества, необходимыя для будущихъ командировъ.

Командованіе надъ судами можетъ и должно быть вѣряемо, конечно, только людямъ твердой воли, свѣтлаго ума, тѣлесной бодрости, несомнѣннаго патріотизма и достаточныхъ знаній.

Развитіе твердой воли, рѣшимости быстро оцѣнивать обстоятельства, быстро принимать рѣшенія и быстро приводить ихъ въ исполненіе — должно особенно цѣниться въ морскихъ офицерахъ, командирахъ и адмиралахъ. Но это развитіе нравственныхъ свойствъ въ данномъ случаѣ должно совершаться на прочной подкладкѣ достаточныхъ знаній по морской артиллерійской и минной специальностямъ.

Въ настоящее время во флотѣ существуетъ цензъ, согласно которому для движенія офицеровъ по служ-

бѣ приняты достаточныя знанія ихъ по морскому дѣлу, выраженный въ опредѣленномъ числѣ мѣсяцевъ плаванія въ каждомъ званіи, и тѣлесная бодрость, опредѣленная извѣстнымъ возрастомъ для каждого званія.

Милостями Государей служебное положеніе морскихъ офицеровъ поставлено очень высоко, и они должны считать своимъ нравственнымъ долгомъ оправдать надежды, которыя на нихъ возлагаются, заботы, которыя прилагаетъ правительство къ обезпеченію ихъ домашняго быта.

Однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ въ военномъ дѣлѣ справедливо считается поддержаніе боевыхъ традицій, и воспитаніе офицеровъ и командъ въ духѣ беззаветной преданности Царю и отечеству много облегчается славными примѣрами изъ прошедшей боевой жизни, въ прошломъ же русскаго флота весьма много прекрасныхъ страницъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ для флота очень мало сдѣлано: намъ приходилось встрѣчать морскихъ офицеровъ, дѣды которыхъ брали въ плѣнъ непріятельскіе корабли, и которые, однако, о славныхъ дѣлахъ дѣдовъ ничего и не слыхали, а потому и сохраненіе въ спискахъ судового состава флота именъ кораблей, отличившихся въ разное время въ морскихъ сраженіяхъ, мѣра очень цѣлесообразная, и только въ послѣднее время стали повторяться славныя незабвенныя имена кораблей, созидавшихъ русскому флоту боевую славу.

Всѣ же эти *Русалки, Чародѣйки, Вѣдьмы, Колдуньи*—ничего не говорятъ про эту славу, ни офицеру, ни простолудину-матросу, и усиленіе вниманія къ прошлому русскаго флота и изученія его исторіи несомнѣнно отозвалось бы благопріятнымъ образомъ на настроеніи какъ офицеровъ, такъ и командъ.

Спеціальныя знанія по морскому, артиллерійскому

и минному дѣлу должны быть обязательны для всякаго флотскаго офицера и командира.

Во флотѣ только двѣ специальности боевыя—артиллерійская и минная, всѣ же прочія лишь служебныя, помогающія боевымъ: это разграниченіе необходимо провести по всѣмъ морскимъ уставамъ и законамъ. Суда *строются* для боя; *плаваютъ и учатся* для боя; имѣютъ машины для свободнаго передвиженія въ бою; постройка судна, безопасное передвиженіе его имѣютъ цѣлью получить и сохранить *до боя* средства нападенія на водѣ, а потому и специальности штурманская, механическая, кораблестроительная — играютъ роль специальностей не боевыхъ, а служебныхъ, хотя важность ихъ нисколько не уменьшается этимъ разграниченіемъ.

Судно должно быть исправно выстроено, должно безопасно плавать, должно дѣлать гереходы: но **все** это въ зависимости отъ чисто боевыхъ специальностей морскаго дѣла, ибо участь сраженія будутъ рѣшать только пушки и мины.

Необходимымъ это разграниченіе является для пользы самой службы, чтобы дать возможность начальству не отвлекать своего вниманія какими либо обстоятельствами, имѣющими отношеніе къ служебной дѣятельности судовъ, а не къ боевой.

Въ этомъ отношеніи многого еще не сдѣлано, и весьма малое достигнуто, такъ напримѣръ: пушки, дающія на берегу 100%, попаданія, на водѣ даютъ всего отъ 2 до 3%. Мины, исправно стрѣляющія на пристрѣлочныхъ станціяхъ, на судахъ не выходятъ изъ аппаратовъ, а если и выйдутъ, то идутъ не по тому направленію, которое имъ дано.

На службу *боевыхъ специальностей* на судахъ желательно

обратить такое же, если не большее вниманіе, какъ и на безопасность плаванія, и на быстроту переходовъ.

Примѣры гибели судовъ отъ ошибокъ въ счисленіи, отъ неисправностей въ состояніи судна, отъ порчи машины и т. п. у всѣхъ на виду. Примѣры потери сраженій отъ неисправностей въ боевомъ отношеніи тоже были (Лисса, Пуэнта, Ангамось и др.), но вниманія на эти примѣры обращается не слишкомъ много.

Сколько извѣстно, тоже дѣлается и во всѣхъ другихъ флотахъ. Зависитъ это отъ тѣхъ трудностей, которыми обставлена морская стрѣльба снарядами и минами.

Извѣстно, что русскій флотъ побѣдами своими, одержанными подъ начальствомъ адмираловъ Спиридова, Ушакова, Сенявина и Нахимова обязанъ превосходству дѣйствій русской морской артиллеріи. Адмиралы эти обращали серьезное вниманіе на мѣткость и быстроту стрѣльбы изъ гладкихъ орудій и результатами ихъ заботъ въ этомъ направленіи явились побѣды русскаго флота.

Теперь же, при нарѣзной дальнобойной, мѣткой артиллеріи, при надводныхъ аппаратахъ — слѣдуетъ обращать *усиленное* вниманіе на обученіе судовыхъ командъ, и обученіе *непрерывно въ обстановкѣ, близкой къ боевой*: результатомъ этой заботливости явилось бы вполне возможное и достижимое увеличеніе мѣткости судовой стрѣльбы при боевой обстановкѣ съ 3%, по крайней мѣрѣ на 25%, что дало бы лишній и весьма серьезный шансъ на успѣхъ кампаніи.

Для того, чтобы заручиться такимъ шансомъ, морское управленіе должно проявить особенную настойчивость по отношенію къ командирамъ судовъ, требуя отъ нихъ *неуклоннаго* исполненія инструкцій по обученію

артиллерійскому и минному дѣлу, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какой флотъ прежде другихъ станетъ обучать команду при боевой обстановкѣ, тотъ и первѣйшъ получить въ бою, и конечно желательно, чтобы этимъ флотомъ былъ русскій...

Что касается самого обученія въ боевой обстановкѣ, то оно будетъ вполне цѣлесообразно, если стрѣльба будетъ производиться при полномъ ходѣ въ двигающіеся щиты, и тѣми именно снарядами и зарядами, которыми придется стрѣлять въ бою.

Отсутствіе практическаго элемента въ военно-морскомъ образованіи, объясняемое устраненіемъ балтійскихъ моряковъ отъ участія въ линейныхъ морскихъ сраженіяхъ обѣихъ послѣднихъ войнъ, а также обученіе ихъ внѣ условій боевой обстановки, оказали имъ весьма плохую услугу, развѣвъ въ нихъ до крайней степени высокомѣрное представленіе о ихъ достоинствахъ, о ихъ будто бы безошибочномъ морскомъ глазѣ, о необходимости, будто бы, однихъ только плаваній для совершеннаго постиженія всѣхъ условій и тайнъ военно-морскаго дѣла, тогда какъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ морскимъ воиномъ, мало плавать, а надо плавать и учиться.

Печально было бы всѣ требованія отъ военнаго моряка ограничивать чистою окраской судна и опрятно содержимою палубой, ибо и на такихъ судахъ, гдѣ снаружи все *чисто*, случалось, что крыють-камеры не провѣтривались и порохъ въ нихъ портился, снаряды чистились напилками и шкурками, а по окончаніи плаванія оказывалось, что съ судна не было сдѣлано ни одного выстрѣла и даже абордажное оружіе валялось въ трюмѣ.

Для русскихъ военныхъ судовъ необходимо такое

плаваніе, которое научало бы экипажъ и его офицеровъ управляться тѣми боевыми орудіями, какими снабжено судно и какія будутъ употреблены въ случаѣ боевого столкновения.

Въ основу портовой организаціи должны быть поставлены боевыя требованія, предназначенныя отъ корабля при проектированіи его артиллерійскихъ механизмовъ и минъ и при вооруженіи его для плаванія, ибо только при этомъ условіи могутъ исчезнуть случаи, что изъ за станка, не представляющаго никакихъ преимуществъ, у орудій уменьшаютъ углы обстрѣла, изъ за побужденій, не имѣющихъ никакого отношенія къ военному дѣлу, мѣняють одно вооруженіе судна на другое или же вмѣсто летучихъ бомъ-бамселей отпускають на суда постоянныя.

Эти же требованія должны имѣть первенствующее значеніе и во время плаваній, которыхъ цѣль не можетъ же ограничиваться какою нибудь чистою металлическихъ частей судна: между тѣмъ у насъ бывали случаи, что на многихъ судахъ, возвращавшихся изъ за границы, всѣ металлическія части были отполированы, а стрѣльба минами и снарядами давала по прежнему самый ничтожный $\%$ попаданія.

Съ нѣкоторыхъ поръ, правда, стали предъявлять къ судамъ, возвращающимся изъ продолжительнаго плаванія, требованія болѣе строгія, но въ отвѣтъ на эти требованія, съ другой стороны, тоже стали прибѣгать къ уклоненію отъ правды и къ разнымъ фокусамъ.

Послѣднее объясняется очень просто: ни командиры, ни офицеры не признають необходимости *готовиться къ бою*, и въ требованіяхъ судамъ, возвращающимся изъ дальнихъ плаваній, вовсе не ставится на первомъ планѣ готовность судна къ бою: если команда была здо-

рова и ловка, если снаружи было все чисто отполировано, то, значить, судно *съ пользою* провело 3—4 года въ дальнихъ плаваніяхъ, а командиръ и офицера достойны и наградъ и повышеній.

Немудрено, что у людей, даже серьезно преданныхъ военно-морскому дѣлу, интересъ къ нему въ такой обстановкѣ только лишь падалъ и падалъ.

Въ послѣднее время военно-морское управленіе, по видимому, стало сознавать ненормальность подобнаго порядка вещей: стали назначать коммисіи для освидѣтельствванія судовъ, возвращающихся изъ за границы, во *всѣхъ* отношеніяхъ, въ томъ числѣ и *боевомъ*.

Мѣра эта очень полезна; желательно только, чтобы членами этихъ коммисій не назначались тѣ самыя лица, которыя участвовали въ вооруженіи и снабженіи судна, ибо при этомъ условіи возможно, что истина и не обнаружится предъ высшимъ начальствомъ.

Кромѣ дальнихъ плаваній, существуютъ еще плаванія въ учебныхъ и практическихъ отрядахъ. Учебные отряды предназначаются для пополненія личнаго состава флота специалистами по артиллерійскимъ и миннымъ обязанностямъ въ офицерскомъ и матросскомъ званіяхъ. Дѣятельность ихъ провѣряется каждый годъ, къ концу срока плаванія, особо назначенными коммисіями, при чемъ принимаются всѣ замѣчанія, касающіяся улучшеній, желательныхъ въ постановкѣ учебныхъ отрядовъ.

Къ сожалѣнію, составъ такихъ отрядовъ столь не многочисленъ, что они далеко не успѣваютъ ставить требуемое число специалистовъ по артиллерійскому и минному дѣлу.

Вслѣдствіе того и число специалистовъ (комендоровъ, стрѣлковъ, гальванеровъ, минеровъ, освѣтителей) на нашихъ судахъ почти всегда меньше положеннаго та-

белю, и конечно это обстоятельство сильно умаляет значеніе практических отрядовъ, задача которыхъ — сплотить ученіями и службой всю судовую команду какъ бы въ одно цѣлое.

Недостатокъ комендоровъ не позволяетъ производить стрѣльбу разрывными снарядами; недостатокъ минеровъ не позволяетъ ставить минныя загражденія такъ часто, какъ бы слѣдовало и т. п. Недостатокъ въ спеціалистахъ желаютъ пополнить, обучая спеціальнымъ знаніямъ по артиллерійской, минной и другимъ спеціально-стямъ выбранныхъ изъ судовой команды людей.

За неимѣніемъ лучшихъ и эти люди, конечно, будутъ въ состояніи нести службу, но здѣсь есть одна сторона, которую необходимо имѣть въ виду.

Составъ судовыхъ офицеровъ, обрашаемыхъ въ инструкторовъ, долженъ подбираться тщательно. Если, напр., инструкторовъ учебныхъ отрядовъ дѣлать судовыми офицерами отрядовъ практическихъ — тогда, дѣйствительно, теоретическія познанія могутъ сообщаться судовымъ людямъ, выбраннымъ для замѣщенія судовыхъ вакансій по спеціальностямъ, однообразно и правильно, но того пракческаго умѣнья въ употребленіи артиллеріи и минъ, какое можно приобрѣсть въ учебныхъ отрядахъ, эти люди все-таки не будутъ имѣть.

Вотъ эта сторона обученія на судахъ спеціальнымъ знаніямъ по артиллеріи и минамъ, когда приходится имѣть дѣло съ пироксилиновыми снарядами и съ пироксилиновыми минами, и опасеніе, какъ бы не снабдить суда недостаточно знающими спеціалистами, требуетъ увеличенія учебныхъ отрядовъ извѣстнымъ числомъ судовъ, дабы они могли готовить этихъ спеціалистовъ въ такомъ количествѣ, какое требуется по табели.

Практическіе отряды, освобожденные отъ этихъ обязанностей, будутъ посвящать все свое время на употребленіе тѣхъ боевыхъ средствъ, которыми снабжено судно, на обученіе всей судовой команды при полномъ комплектѣ специалистовъ у каждого орудія, у каждой мины.

Въ числѣ мѣръ, имѣющихъ большое значеніе въ смыслѣ подготовки къ бою, всегда считались маневры. Къ участію въ маневрахъ должно привлекаться возможно большее число судовъ: и практическіе, и учебные отряды, и суда, возвратившіяся изъ дальнихъ плаваній.

Маневры должны вестись въ обстановкѣ, возможно ближе подходящей къ обстановкѣ дѣйствительнаго боя. Никакая ошибка на маневрахъ не должна пропускаться, и всѣ ошибки, замѣченныя на предыдущихъ маневрахъ, должны быть принимаемы къ свѣдѣнію и соображенію.

Маневры, если они будутъ производиться систематично изъ года въ годъ, будутъ имѣть громадное воспитательное значеніе для личнаго состава флота.

Для своевременнаго изготовленія судовъ къ плаванію и исправнаго ихъ снабженія осуществляютъ адмиралтейства и заводы, изготовляющіе и самые корпуса судовъ, броню, артиллерію и механизмы для нихъ.

Съ большими затратами поставлены на высокій техническій уровень Обуховскій и Ижорскій заводы. Но если и ничего нельзя сказать дурнаго о техническомъ качествѣ издѣлій, выходящихъ изъ этихъ заводовъ, то нельзя не посѣтовать на слишкомъ долгій срокъ ихъ изготовленія, особенно въ виду того, что частные заводы, выпускающіе издѣлія не хуже казенныхъ, готовятъ ихъ въ сроки гораздо меньшіе.

Тоже можно сказать и о казенныхъ адмиралтействахъ по сравненію съ частными, на которыхъ суда строятся гораздо быстрѣе. Нечего говорить, что эта медленность въ постройкѣ и снаряженіи судовъ не можетъ не сказываться на значеніи страны, какъ морской державы.

Скудость всякихъ портовыхъ запасовъ также невыгодно отзывается на изготовленіи судовъ къ плаванію. Было время, когда правильнымъ портовымъ хозяйствомъ и считалось именно *неимѣніе запасовъ*, а покупка, въ случаѣ надобности, всего на рынкѣ. Опытъ показалъ, что этотъ взглядъ невѣренъ: то и дѣло случалось, что когда надобенъ былъ для судовъ какой-либо матеріалъ (сурикъ, вѣтяное сало, гвозди и пр.), его-то именно въ портъ и не оказывалось, и приходилось покупать его въ три-дорога—положеніе, едва ли удобное для флота, который во всякое время долженъ быть вооруженъ чрезъ 24 часа по полученіи приказа.

Въ виду послѣдняго условія, конечно, портъ долженъ быть снабженъ до послѣдней мелочи всѣми необходимыми для судовъ запасами: пусть лучше они временами портятся, лишь бы не былъ возможенъ такой случай, что въ военное время нечѣмъ вооружить флотъ, что въ портѣ нѣтъ ни военныхъ припасовъ, ни матеріаловъ для вооруженія артиллеріи, минъ, механизмовъ, ни провизіи, угля и т. п.

При нормальномъ, рассчитанномъ на быструю мобилизацію, состояніи флота, портъ долженъ имѣть запасы по всѣмъ частямъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы имѣть возможность удовлетворить во всякое время требованія всѣхъ судовъ.

IX.

PIA DESIDERIA.

Утверждаясь, какъ доказываетъ вся историческая жизнь русскаго народа, на прочной основѣ его собственной, многократно и несомнѣнно выраженной *воли*, поддерживаемый вооруженною силою, превосходящею и качественно и количественно армию любой великой державы, нашъ политическій строй, увѣнчиваемый наслѣдственною, неограниченною, *Боготочичною* Монархіею, едва ли нуждается въ защитѣ отъ какихъ-либо теоретическихъ нападеній, равно какъ едва ли можетъ опасаться и самыхъ *злокозненныхъ* практическихъ противъ него попятываній. Лучшее тому доказательство—недавняя исторія нашей внутренней крамолы, которая десятки лѣтъ сознательно работала надъ разрушеніемъ *всего* нашего государственнаго строя, а разрѣшилась позорнымъ злодѣяніемъ царевубійства, дальше коего ничего и не достигла, ничуть не успѣвъ поколебать устоевъ народной жизни, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и прекратила свои дальнѣйшіе подъ нихъ подкопы, убѣдившись въ полнѣйшей своей несостоятельности.

Тѣмъ менѣе серьезны и опасны *разногласіями* нашихъ доморощенныхъ противниковъ неограниченнаго самодержавія и друзей правоваго порядка, или, что тоже, проповѣдниковъ конституціонныхъ идей, хотя, во всякомъ случаѣ, *благожелателямъ русскаго народа* было бы въ высшей степени отрадно, еслибъ, на рубежѣ новаго вѣка,

онъ стряхнулъ съ себя докучливую паутину политическаго доктринерства и фразерства, которая опутывала и опутываетъ его вотъ уже болѣе полустолѣтїя, замедляя и задерживая нормальный ходъ его жизни, и переступилъ порогъ XX столѣтїя свободнымъ отъ всякаго болѣзненнаго напряженїя политической мысли, производимаго или безсознательными, или бессмысленными, или безсовѣстными проповѣдями чуждыхъ его національнымъ воззрѣнїямъ, обычаямъ и склонностямъ политическихъ доктринъ.

Эта заманчивая перспектива не представляетъ ничего невозможнаго: по крайней мѣрѣ $\frac{3}{10}$ столмилліоннаго народа *отриноподданіе* не по одной только формулѣ оффиціальной присяги, а и по крайнему своему *разумнїю*, доброй *воли* и чистой *совѣсти*, слѣд. монархисты искреннїе, чистосердечные и неуязвимые никакими лъстивыми рѣчами. Если же изъ остающейся $\frac{1}{10}$ выдѣлить польскую шляхту съ ея вожаками, финляндскихъ сепаратистовъ съ ихъ конституціонными вождедѣнїями, да остзейскихъ друзей феодальнаго порядка, присоединивъ къ нимъ массу инородцевъ и инородцевъ, присосавшихся и присасывающихся къ народному организму въ исключительныхъ цѣляхъ его эгоистической эксплуатаціи — то на долю нашихъ доктринеровъ праваго порядка останется аудиторїя далеко не многочисленная: послѣднїе могикане либеральной эпохи, возросшая подъ ихъ умственной ферулою молодежь, не успѣвшая или умственно неспособная провѣрить ихъ назиданїя средствами своей собственной логики, да представители такъ называемаго разночинства и буржуазїи — особенно послѣдней, достигнувшей громаднаго вліянїя и даже первенства въ различныхъ сферахъ нашей общественной жизни, но оставшейся при томъ вѣрно своимъ преж-

нимъ традиціямъ и идеаламъ: нажиры денегъ и вѣщныхъ почестей. Вотъ и весь контингентъ, изъ котораго пополняется и будетъ пополняться умственное стадо; ревностно пасомое и воспитываемое нашими доктринерами конституціонализма.

При своей немногочисленности, стадо это отличается и всѣми стадными признаками: безсознательнымъ, безсмысленнымъ и безмысленнымъ умственнымъ рабствомъ предъ своими вожаками, неспособностью къ здравомысленной критикѣ ихъ ученій, фанатической преданностью не только извѣстнымъ доктринамъ, какъ бы онѣ ни были темны, неудобовразумительны и неосуществимы, но даже къ извѣстной фразеології и терминологии, усвояемой ими съ чужаго голоса. Ясно, какъ день, что большинство нашихъ друзей конституціи незнакомы не только ни съ существомъ, ни съ характеромъ, ни съ исторіей конституціонныхъ учреждений, но даже и съ современнымъ состояніемъ конституціонныхъ государствъ, въ которыхъ видятъ достойный подражанія образецъ для своего отечества и которыхъ недостатками, именно отъ конституціонныхъ учреждений зависящими, безсмысленно восторгаются какъ совершенствомъ.

Къ сожалѣнію, ихъ учителя, пользуясь выгодною своего положенія, какъ проповѣдниковъ противугосударственныхъ теорій, ведутъ пропаганду съ намѣренной и рассчитанной неопредѣленностью въ основныхъ положеніяхъ и темнотою въ ихъ подробномъ выясненіи: этому обстоятельству обязана современная журналистика, между прочимъ, и терминомъ *правовыя порядки*, подъ которымъ слѣдовало разумѣть порядки *конституціонные*, и который явился въ нашей литературѣ только потому, что напрямки рекомендовать са-

модержавному государю *конституцію* было бы неловко, а пожалуй и не безопасно...

Это постоянное подразумѣваніе мысли, скрывающейся подъ совѣмъ иною печатною фразой, это вѣчное чтеніе между строкъ и исканіе скрытаго смысла въ каждой фразѣ, его вовсе и не имѣющей — вмѣстѣ съ предположеніями о нравственныхъ стѣсненіяхъ, испытываемыхъ учителями и преодолеваемыхъ, однако, ихъ искусствомъ — и составляютъ въ ихъ ученіяхъ для ихъ учениковъ едва ли не самую чарующую прелесть.

И нельзя не пожелать, чтобы этотъ ореолъ *исповѣдничества*, недостойно вѣнчающій доктринеровъ нелѣпаго по существу, чуждаго народной жизни, непригоднаго нашему быту государственнаго порядка, былъ снятъ, наконецъ, съ ихъ бытъ можетъ и ученыхъ, но недостаточно въ русскомъ національномъ смыслѣ просвѣщенныхъ головъ, тѣмъ болѣе, что это очень немудрено.

Стоить только снять съ ихъ загадочныхъ и заманчивыхъ теорій прелесть *запретнаго плода*, позволивъ имъ свободно высказываться также, какъ если бы они были проповѣдниками самаго неограниченнаго самодержавія: лучшее средство обнаружить нелѣпость той или другой мысли — дать ей широкую возможность высказаться до крайнихъ ея логическихъ предѣловъ, ибо тогда получится въ результатѣ логическій абсурдъ, что-нибудь въ родѣ $2 \times 2 = 5$ или $4\frac{1}{2}$, и изъ всѣхъ, самыхъ даже фанатическихъ поклонниковъ, останутся ей вѣрными развѣ нѣсколько окончательно свихнувшихся или просто глупыхъ людей...

Чтобы доказать справедливость нашихъ словъ, намъ за примѣрами не придется ходить далеко: русскій мыслитель, разъ онъ освобождается отъ умственнаго гнета чуждыхъ теорій западно-европейскаго происхожденія,

уже становится не способенъ плѣняться фантастическими достоинствами конституціонныхъ учреждений и ограниченно-монархической формы правленія.

Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, могъ подумать, зная политическія убѣжденія такого патріота-публициста, какъ Катковъ, что этотъ ревностный охранитель русскаго самодержавія начиналъ свою журнальную дѣятельность ярымъ англومانомъ, поклонникомъ англійской конституціи и пѣвцомъ гражданскихъ гарантій ея представляемыхъ? А между тѣмъ чуть ли не десять первыхъ лѣтъ своего литературнаго поприща незабвенный Михаилъ Никифоровичъ былъ откровеннымъ, чистосердечнымъ, нелицемѣрнымъ проповѣдникомъ конституціонныхъ началъ и проводникомъ конституціонныхъ воззрѣній въ русское общественное сознаніе! Но стоило ему, оторвавшись отъ кабинетныхъ умственныхъ созерцаній и теоретическихъ соображеній, войти въ дѣятельное соприкосновеніе съ народной жизнью, какъ всѣ эти логическія построенія, повидимому столь прочно установившіяся въ его міросозерцаніи на красивомъ фундаментѣ западно-европейскихъ теорій праваго порядка, рассыпались на подобіе карточного домика, и изъ горячаго проповѣдника народныхъ полномочій и конституціонныхъ ограниченій, на подобіе прозрѣвшаго Савла, мгновенно возродился вдохновенный глашатай Богоучрежденнаго Самодержавія и искренне сыновней къ нему народной привязанности...

Что касается свободы обсужденія политическихъ теорій и государственныхъ учреждений, то, въ добавокъ къ вышесказанному, остается развѣ указать на весьма характерный фактъ изъ ранней дѣятельности того же М. Н. Каткова, доказывающій, что всякое ея стѣсненіе въ данномъ случаѣ болѣе вредно, чѣмъ полезно.

Нечего напоминать, до каких размѣровъ популярности достигала въ 50-хъ годахъ воровская публицистика русскихъ ренегатовъ: Герцена, Огарева, Бакунина и К°, и какое тлетворное вліяніе на умы тогдашняго общества оказывали ребячески-безсознательныя бредни этихъ іудъ-предателей русскаго дѣла.

Богъ знаетъ, сколько бы времени еще прозвонили они на своемъ измѣнническомъ *Колоколѣ* и до чего бы дозвонились, еслибы, въ 1862 году, только-что начавши прозрѣвать послѣ долголѣтней западно-европейской слѣпоты, М. Н. Катковъ не напечаталъ въ своемъ журналѣ (кстати замѣтимъ: послѣ серьезныхъ *цензурныхъ* затрудненій) весьма краткой по объему, но весьма сильной по содержанію и внутреннему смыслу „Замѣтки для издателя *Колокола*“: эта небольшая замѣтка произвела, можно сказать, поистинѣ волшебное дѣйствіе на умы, сразу сокрушивъ престижъ лондонскихъ вралей, пристыдивъ ихъ поклонниковъ и послѣдователей, и отрезвивъ взгляды на нихъ русскаго общества.

Столь же быстро потеряли бы власть надъ современными умами и наши проповѣдники правовыхъ отношеній, еслибъ здравомысленнымъ людямъ предоставлена была полная возможность сойтись съ ними для равнаго спора на публичной аренѣ печатнаго слова, и еслибы они лишены были важнѣйшаго изъ своихъ преимуществъ—права ссылаться на невозможность для нихъ свободнаго изложенія своихъ воззрѣній и доводовъ, права, которымъ они теперь постоянно злоупотребляютъ и на удочку котораго въ мутной водѣ общественнаго скудоумія ловятъ себѣ послѣдователей.

Но здѣсь мы уже соприкасаемся съ вопросомъ о свободѣ мысли и слова вообще, т. е. о свободѣ печати—о чемъ будемъ имѣть случай подробнѣе высказаться

въ одномъ изъ дальнѣйшихъ выпусковъ, который будетъ посвященъ специально русской печати.

Выше мы обстоятельно показали, какихъ внушительныхъ размѣровъ достигаютъ вооруженныя силы Россіи въ настоящее время. Но все это еще немного въ сравненіи съ тѣмъ, на что мы имѣемъ право надѣяться въ будущемъ.

Мы уже видѣли, что *числомъ* войска мы превосходимъ самую многочисленную изъ всѣхъ европейскихъ армій—германскую. Но еще важнѣе то, что мы обладаемъ источниками дальнѣйшаго развитія нашихъ силъ, какими не обладало ни одно государство съ сотворенія міра.

Наши кадры мирнаго времени составляютъ лишь $\frac{3}{4}\%$ всего населенія имперіи, тогда какъ, напримѣръ, численность германской арміи мирнаго времени превышаетъ 1,07% населенія. Если же бы довести наши кадры до той же $\frac{1}{2}\%$ -ной нормы по отношенію къ числу жителей, какъ германскіе, то намъ пришлось бы содержать въ мирное время 1,180,000 чел., а не 830,000.

Нашъ военный бюджетъ составляетъ, среднимъ числомъ, немного болѣе 200,000,000 рублей кредитныхъ или 140,000,000 руб. металлическихъ въ годъ, что даетъ по 1 руб. 27 коп. на душу населенія, тогда какъ Германія тратитъ ежегодно на свои сухопутныя военныя силы до 150,000,000 руб. металлическихъ или по 3 руб. 20 коп. на жителя. Если же бы примѣнить къ намъ эту германскую норму военного налога, то нашъ военный бюджетъ представилъ бы цифру въ 352 милліона руб., т. е. сумму, достаточную для содержанія, при среднемъ расходѣ на нашего солдата во 160 руб. въ годъ, арміи въ 2,200,000 чел.

Въ военное время численность всѣхъ нашихъ силъ,

кроме ополченія, достигаетъ почти 2,300,000 чел. Германцы могутъ выставить почти столько же, но за то они уже достигнутъ того предѣла, дальше котораго идти нельзя. Тягость воинскихъ дослѣховъ, въ которыя облачили наши сосѣди, уже и теперь заставляютъ крѣпко тѣснить народы Германіи. Дальнѣйшее же обремененіе населенія личною и денежною повинностью должно встрѣтить со стороны его протестъ и даже прямой отказъ, что уже и подтверждается противодѣйствіемъ, которое оказалъ въ 1887 г. германскій рейхстагъ намѣренію правительства усилить составъ арміи мирнаго времени.

Число солдатъ, которое выставяетъ Германія въ случаѣ войны, равняется 4,8%, населенія, тогда какъ у насъ оно равняется всего 2%, если же бы мы выставили такое же по %-ному отношенію число войскъ, какъ нѣмцы, то наши силы военного времени достигли бы цифры въ 5.280,000 чел.

Но и это не все. Большой ежегодный приростъ населенія общаесть намъ въ будущемъ все большіе и большіе источники для увеличенія средствъ борьбы.

Какъ извѣстно, германскимъ военнымъ закономъ установлено, что черезъ каждыя 7 лѣтъ численность арміи увеличивается въ зависимости отъ прироста населенія такимъ образомъ, чтобы кадры мирнаго времени составляли 1% всего числа жителей государства.

Если бы мы приняли такой порядокъ увеличенія нашихъ вооруженныхъ силъ, то, при ежегодномъ приростѣ населенія въ 1,4%, наша армія мирнаго времени черезъ каждыя 7 лѣтъ возрастала бы на 110,000 чел., а во военному составу слишкомъ на 300,000 чел.

При незначительной густотѣ населенія Европейской Россіи (около 890 чел. на кв. милю) и всего нашего госу-

дарства (около 270 чел. на кв. милю) дальнѣйшее возрастаніе его числительности въ теченіе долгихъ вѣковъ не должно встрѣтить никакого препятствія.

Въ Германіи дѣло другое. Хотя ежегодный приростъ ея населенія, весьма значителенъ и составляетъ около 1,5%, но такое быстрое возрастаніе не можетъ быть продолжительнымъ. Въ настоящее время средняя плотность населенія всей имперіи достигаетъ 4800 чел. на кв. милю, а во многихъ она дошла уже до предѣла, далѣе котораго, надо полагать, и идти не можетъ, что доказывается и извѣстнымъ *Drang'омъ nach Osten*, сотнями тысячъ эмигрантовъ, которыхъ нѣмецкій фатерландъ ежегодно выбрасываетъ на отдаленныя берега Атлантического океана.

Таковы возможные размѣры вооруженныхъ силъ Россіи въ настоящее время и въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Нечего и говорить, сколь великую важность имѣютъ выше изложенныя сопоставленія.

Вооруженныя силы всякаго государства составляютъ оплотъ, необходимый для огражденія развитія всѣхъ сторонъ его жизни отъ враждебныхъ внѣшнихъ влѣйствій. Расходы на содержаніе армій представляютъ собою не что иное, какъ *страховую премию*, вносимую государствомъ для обезпеченія его существованія и безопасности. Въ виду сего возможно ли останавливаться передъ какими-либо пожертвованіями для усиленія боевой готовности арміи, и всякая экономія, клонящаяся къ ея уменьшенію, не будетъ ли неразумною мѣрой, которая отразится неминуемымъ вредомъ на состояніи всего государственнаго организма?

Развѣ Англія, напримѣръ, допустила бы насъ безпрепятственно расширять наши владѣнія въ Средней Азіи и приближаться постепенно, но вѣрно, къ Индіи, со-

ставляющей источникъ ея могущества, если бы она имѣла достаточно сильную и надежную армію? Нѣтъ, она озаботилась бы остановить поступательное движеніе наше въ Азію, пожалуй, еще у воротъ Ташкента; и если просвѣщенные мореплаватели ограничиваются до сихъ поръ одною газетною войной при видѣ грознаго приближенія русскихъ полковъ къ подножію Гиндукуша, то единственно за неимѣніемъ своихъ собственныхъ.

Громадное значеніе военныхъ силъ сознавалось всегда и у насъ, начиная отъ Петра I до нашихъ дней. Когда великій преобразователь рѣшился ввести Россію въ число цивилизованныхъ странъ міра, ему прежде всего пришлось создать сильную армію и флотъ, которые одни и помогли ему прорубить окно въ Европу.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ вѣковъ вниманіе вѣнценосныхъ вождей русскаго народа преимущественно устремлялось на всестороннее развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ, необходимыхъ для поддержанія значенія Россіи въ Европѣ.

Особенно велики въ этомъ отношеніи заслуги прошлаго царствованія, рядомъ благодѣтельныхъ реформъ въ короткое время открывшаго нашей арміи новые, неисчерпаемые источники для увеличенія боевой ея силы и дальнѣйшаго усовершенствованія.

Нельзя также обойти молчаніемъ и значительныхъ заслугъ министерства Д. А. Милютина, съ такою твердостью и рѣдкимъ умѣньемъ содѣйствовавшаго покойному Государю въ исполненіи его благихъ начинаній.

Введеніе всеобщей воинской повинности, улучшивъ личный составъ арміи, въ тоже время во много кратъ увеличило ея числительную силу. Стремленіемъ поднять уровень образованія офицеровъ достигнуто все,

что возможно было въ то время; изъ ихъ рядовъ исчезли, по крайней мѣрѣ, офицеры, лишённые не только всякаго образованія и воспитанія, но и въ простой грамотности не весьма искусные, каковыхъ до того времени было среди нихъ весьма не мало. Введеніе болѣе совершенной организаціи войскъ, снабженіе ихъ прекраснымъ оружіемъ и многія другія мѣры, развиваемыя энергично въ настоящее время, довели нашу армію до состоянія по истинѣ блестящаго.

Какъ на главнѣйшій тормазъ для большей части необходимыхъ въ этомъ направленіи улучшеній, у насъ указывали и указываютъ на недостатокъ денежныхъ средствъ. Между тѣмъ, мы не думаемъ, чтобы государство со 110-милліоннымъ населеніемъ, съ военнымъ бюджетомъ въ 200 милл. не имѣло возможности увеличить ежегодный расходъ на военныя потребности на нѣсколько десятковъ милліоновъ, существенно необходимыхъ для правильнаго развитія его вооруженныхъ силъ, и что расходъ этотъ едва ли былъ бы тягостенъ, надѣмся доказать въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ нашей книги.

Если бы даже потребовалось введеніе особаго военного налога для улучшенія условій существованія нашей арміи, то можно смѣло сказать, что налогъ этотъ былъ бы наименѣе тяжелымъ и неприятнымъ для населенія, особенно теперь, при существованіи всеобщей воинской повинности, когда каждая семья считаетъ въ рядахъ войскъ ближняго для себя человѣка: отца, мужа, брата и т. п., и всякій подданный государства, внося въ казну свой рубль или свою копейку, чувствовалъ бы, что онъ этимъ улучшаетъ положеніе своего близкаго родственника. Но въ подобномъ налогѣ нѣтъ и надобности, и безъ него мы можемъ

и должны увеличить ежегодный отпускъ на содержа-
ніе арміи.

Прежде всего считаемъ долгомъ еще разъ обратить
вниманіе на необходимость улучшенія матеріальнаго
положенія нашихъ офицеровъ. Корпусъ офицеровъ—
это тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется все гро-
мадное зданіе каждой арміи. Въ немъ живутъ и имъ
передаются прочимъ чинамъ войскъ славныя боевыя
традиціи каждой воинской части, воодушевляющія каж-
даго воина въ стремленіи сравняться дѣлами храбро-
сти и неустрашимости съ доблестными подвигами ге-
роевъ-предковъ; ими поселяется и укрѣпляется въ ниж-
нихъ чинахъ сознаніе святости присяги и служебнаго
долга, любовь къ Государю и отечеству и готовность
переносить безропотно всѣ тягости и лишенія боевой
и походной жизни. Офицеръ долженъ въ бою показы-
вать своимъ солдатамъ примѣръ мужества и презрѣнія
къ смерти; въ мирное время онъ не долженъ жалѣть
своихъ силъ, чтобы выучить своихъ подчиненныхъ все-
му, что требуется отъ нихъ настоящимъ положеніемъ
военнаго дѣла. И дѣйствительно, нашъ офицеръ въ нѣ-
сколько мѣсяцевъ превращаетъ простаго, мирнаго па-
харя въ грознаго воина, искусно владѣющаго своимъ
оружіемъ и готоваго во всякую минуту по первому
призыву ринуться на врага, не страшась ни пульъ, ни
гранатъ, ни штыковъ непріятельскихъ, угрожающихъ
ему тысячью смертей.

Таково было всегда значеніе офицера во всякой ар-
міи. Въ наше же время, при крайне короткихъ сро-
кахъ службы нижнихъ чиновъ, только прочный, хоро-
шо подготовленный и преданный своему дѣлу корпусъ
офицеровъ дѣлаетъ то, что армія наша остается дѣй-
ствительно арміею и не превращается въ простую на-

ціональную милицію безъ всякаго воинскаго духа, безъ всякой военной подготовки: *весь* составъ нижнихъ чиновъ нашей арміи мѣняется въ теченіе четырехъ лѣтъ, каждый годъ изъ рядовъ ея убываетъ до $\frac{1}{4}$ милліона людей и столько же поступаетъ вновь, прямо отъ сохи, безъ всякаго понятія о военномъ дѣлѣ.

Ясно, что если поколеблется корпусъ офицеровъ, если члены его все болѣе и болѣе станутъ смотрѣть на военную службу лишь какъ на временную професію въ ожиданіи лучшей доли, то не можетъ не пострадать серьезно во всѣхъ отношеніяхъ и вся наша армія.

Правда, офицеръ не долженъ смотрѣть на себя какъ на наемника, не долженъ бѣжать отъ военной службы только потому, что въ другомъ мѣстѣ дадутъ больше, и когда уходятъ изъ рядовъ нашего доблестнаго войска подобные офицеры, то армія отъ этого только выигрываетъ. Но, съ другой стороны, и жизнь неотступно предъявляетъ свои требованія: желудокъ настоятельно проситъ пищи, тѣло одежды, и когда человѣкъ, состоя на службѣ, не видитъ возможности удовлетворять даже этимъ насущнымъ потребностямъ, то, не смотря на всю свою преданность военному дѣлу, съ величайшимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ видитъ себя вынужденнымъ бросить это дѣло и приняться за другое только ради куска насущнаго хлѣба.

Было время, когда корпусъ офицеровъ у насъ находился въ болѣе выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, когда большую часть его составляло наше служилое сословіе, наше дворянство, обеспеченное матеріально, не нуждавшееся въ казенномъ жалованьи и считавшее своимъ *долгомъ* посвящать жизнь на пользу государства. Нынѣ же, съ повальнымъ обѣднѣніемъ дворянства, офи-

перы, за ничтожными исключеніями, поставлены въ необходимость существовать исключительно на содержаніе, получаемое отъ казны.

Между тѣмъ, выше мы точными исчисленіями доказали, что содержаніе это недостаточно для удовлетворенія даже первыхъ потребностей жизни.

И такъ—содержаніе корпуса офицеровъ должно быть увеличено: объ этомъ не можетъ быть спора, и вопросъ сводится лишь къ размѣрамъ этого увеличенія.

Число всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ нашей арміи простирается до 30,000 чел. Если среднимъ числомъ къ содержанію каждого изъ нихъ прибавить по 500 руб., что сразу обезпечитъ нашимъ военнымъ труженикамъ безбѣдное существованіе, то цифра военныхъ расходовъ нашихъ возрастетъ всего на 15,000,000 рублей или на $7\frac{1}{2}\%$.

Нужно замѣтить, что ежегодно мы находимъ возможность тратить десятки милліоновъ на заведеніе громадныхъ страшилищъ артиллерійскаго искусства; на постройку морскихъ чудовищъ, закованныхъ въ желѣзную и стальную броню. Траты эти признаются совершенно необходимыми, въ виду быстрого совершенствованія повсюду военной техники. Но всѣ эти пушки и броненосцы лишь мертвая сила, приводимая въ движеніе разумною волей и живою силою человека. Вотъ почему на поддержаніе этой живой силы должны быть *прежде всего* направлены наши усилія, и не можетъ быть, чтобы мы не нашли средствъ на удовлетвореніе наиболѣе существенной потребности нашей арміи—на упроченіе и улучшеніе положенія главнаго двигателя ея, корпуса офицеровъ, составляющаго ея душу и нервы.

Но кромѣ прочнаго, хорошо обставленнаго корпуса

офицеровъ, *настоятельно необходимо* создать прочный кадръ помощниковъ офицеровъ, т. е. надежныхъ, знающихъ свое дѣло унтеръ-офицеровъ. Не принимая въ расчетъ исключеній, можно смѣло сказать, что въ настоящую минуту унтеръ-офицеровъ въ нашей арміи нѣтъ, а есть лишь положенное по штату число рядовыхъ, украшаемыхъ унтеръ-офицерскими галунами.

Сроки службы нижнихъ чиновъ у насъ слишкомъ коротки для того, чтобы въ теченіе ихъ создать полезныхъ унтеръ-офицеровъ, а если и удастся иногда достигнуть подобнаго результата, то уже службою этихъ людей почти никогда не удастся воспользоваться. Чтобы имѣть хорошихъ унтеръ-офицеровъ, существуетъ одно лишь средство — привлекать ихъ на сверхсрочную службу. Для достиженія же этой цѣли необходимо примѣнить двѣ мѣры: улучшеніе положенія унтеръ-офицеровъ во время ихъ состоянія на сверхсрочной службѣ и обезпеченіе за ними хорошо въ матеріальномъ отношеніи обставленныхъ мѣстъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, по прослуженіи извѣстнаго опредѣленнаго числа лѣтъ на военной службѣ сверхъ срока. И на то и на другое мы должны имѣть достаточныя средства.

Наконецъ, въ высшей степени необходимо улучшить питаніе нашего солдата. Правда, что большинство нашихъ нижнихъ чиновъ до поступленія на службу питаются вислолько не лучше, а многіе гораздо хуже чѣмъ на службѣ, и притомъ трудятся физически не меньше. Но большая разница между работою дома, на полной свободѣ, работою, къ которой нашъ крестьянинъ привыкъ съ малолѣтства, и солдатской мушкетировкой въ непривычной казарменной обстановкѣ, довольно гнетущей всякаго человѣка, попавшаго въ нее

съ воли. Если къ этому прибавить тягостныя умственныя усидія, которыя приходится дѣлать малограмотному или неграмотному новобранцу, то понятными сдѣлаются тѣ явленія общей болѣзненной слабости, которыя такъ часто замѣчаются среди нашихъ солдатъ и многихъ изъ нихъ въ концѣ концовъ приводятъ въ состояніе „неспособныхъ“. Однимъ изъ наиболее дѣйствительныхъ средствъ для устраненія подобныхъ явленій служить хорошее питаніе. Можно надѣяться, что оно и въ экономическомъ отношеніи не вызоветъ особеннаго увеличенія расходовъ, такъ какъ въ значительной мѣрѣ уменьшитъ траты на леченіе больныхъ въ госпиталяхъ, лазаретахъ, приѣмныхъ покояхъ, и т. п. Необходимо твердо памятовать при этомъ, что государству гораздо выгоднѣе расходоваться на людей здоровыхъ, чѣмъ на больныхъ.

Одинъ изъ насущныхъ вопросовъ дня представляетъ у насъ также вопросъ о квартирахъ для войскъ. Въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ у насъ возводятся хорошія казармы, при посредствѣ особыхъ войсковыхъ комиссій. Къ сожалѣнію, дѣло это подвигается впередъ слишкомъ медленно. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится также отведеніе нашимъ войскамъ земельныхъ участковъ для стрѣльбы, самоокапыванія и т. п.

Не бесполезною для сбереженія здоровья солдатъ мѣрой было бы, какъ мы уже указывали, сокращеніе учебной программы по тѣмъ теоретическимъ свѣдѣніямъ, которыя требуются отъ него въ первый же годъ службы; да и самое усвоеніе этихъ свѣдѣній было бы прочнѣе, если бы онѣ сообщались постепенно, небольшими уроками, а не втискивались сразу въ голову новобранца въ видѣ массы разнообраз-

ныхъ познаній, которыхъ его мозгъ не въ состояніи переварить.

По вопросу обученія войскъ нельзя не упомянуть о необходимости болѣе серьезной постановки стрѣлковаго дѣла. У насъ часто со снисходительной улыбкой вспоминаютъ доброе старое время, когда вся заботливость военнаго начальства проявлялась въ одностороннемъ увлеченіи учебнымъ шагомъ и церемоніальнымъ маршемъ: но мы и не замѣчаемъ, что и теперь сами идемъ отчасти по тому же слѣду. Увлеченіе церемоніальнымъ маршемъ имѣетъ свое оправданіе: стройное, правильное движеніе цѣлыхъ массъ войска представляетъ одну изъ сторонъ наиболѣе существеннаго требованія, которое должно быть предъявляемо къ каждой военной части, именно требованія порядка, и вся бѣда только въ томъ, что у насъ слишкомъ много обращали вниманія на одну эту сторону воинскихъ упражненій, тогда какъ слѣдовало обучать всѣмъ имъ равномерно.

Нѣчто подобное повторилось и со стрѣльбою: всѣ начальники стараются перешеголять другъ друга въ погонѣ за процентами при стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній, забывая при этомъ, что выбиваніе процентовъ лишь одна сторона дѣла, нѣчто въ родѣ буквъ въ азбукѣ. Чтобы умѣть читать, необходимо выучиться складывать буквы: чтобы умѣть стрѣлять въ бою, необходимо упражняться въ стрѣльбѣ при обстановкѣ, возможно близкой къ боевой. Иначе всѣ самые прекрасные проценты получаютъ тотъ же смыслъ, какъ и учебный шагъ и церемоніальный маршъ прошлаго времени.

На сколько неосновательно иногда жалуются на неимѣніе средствъ для проведенія въ войскахъ той или

другой полезной мѣры, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить тѣ затрудненія, какія встрѣчаетъ у насъ правильная постановка боевой стрѣльбы: онѣ заключаются въ неимѣніи, будто бы, мѣста, для производства упражненій въ подобной стрѣльбѣ—это у насъ-то, при населеніи въ 890 душъ на квадратную милю, негдѣ учиться стрѣлять! Что же дѣлать народамъ западной Европы, которымъ приходится тѣсниться по 5,000 чел. и болѣе на каждой квадратной милѣ?

Между тѣмъ они чрезвычайно свободно распоряжаются своею территоріей для военныхъ цѣлей и творятъ иногда такія вещи, о которыхъ мы не рѣшаемся и думать. Такъ напримѣръ въ Германіи войскамъ во время маневровъ разрѣшается топтать посѣвы, если это, по ходу разыгрываемаго боя, оказывается необходимымъ, при чемъ убытки, понесенные частными лицами, вознаграждаются казною. У насъ же на маневрахъ часто тощая полоса ржи или овса останавливаетъ грозное наступленіе цѣлыхъ полковъ и дивизій, и заставляеть ихъ сворачивать въ сторону, подставляя флангъ самому близкому огню противника, хотя и стрѣляющаго по большей части лишь „примѣрно“, т. е. безъ холостыхъ патроновъ, но тѣмъ не менѣе изображающаго силу, въ виду которой не могутъ быть совершаемы подобныя эволюціи. Нечего говорить, что подобная постановка маневровъ совершенно искажаетъ ихъ правильный ходъ и даетъ участвующимъ въ нихъ войскамъ совершенно превратное понятіе о томъ, какъ происходитъ дѣло въ дѣйствительномъ бою.

Относительно совокупнаго обученія отрядовъ, составленныхъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, мы указали выше на необходимость большаго согласованія дѣйствій этихъ трехъ родовъ оружія, тогда какъ до

последняго времени каждый изъ нихъ мало былъ знакомъ со свойствами и тактикой другаго, а часто и не хотѣлъ знать ихъ, углубляясь исключительно въ свою специальность. Подобнаго рода специализация, продолжающаяся и до настоящаго времени, особенно замѣтна въ артиллеріи: до чего доходитъ обособленіе ея войскъ, видно изъ того, что на маневрахъ у насъ часто затрудняются поручать артиллерійскимъ генераламъ командованіе отрядами, смѣшанными изъ трехъ родовъ оружія.

Самыя названія высшихъ генеральскихъ чиновъ въ нашей арміи: генераль *отъ инфантеріи*, генераль *отъ кавалеріи*, генераль *отъ артиллеріи* — указываютъ какъ бы на оффиціальное признаніе обособленности каждого изъ этихъ родовъ оружія. Между тѣмъ понятіе, выражаемое словомъ *général*, какъ разъ показываетъ, что лице, удостоенное этого званія, должно быть въ одинаковой степени способнымъ для командованія каждымъ родомъ оружія и не заключать всю свою карьеру въ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамкахъ одного изъ нихъ.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о дисциплинѣ въ войскахъ. Опасность, угрожающая этому фундаменту всякой арміи, кроется, какъ мы видѣли, въ причинахъ социальныхъ, и можетъ быть устранена окончательно лишь съ кореннымъ измѣненіемъ и улучшеніемъ тѣхъ условій, въ которыя поставлена жизнь нашего сельскаго населенія. Но такъ какъ условія эти могутъ быть измѣнены къ лучшему не сразу и дожидаться этого нельзя, то необходимо усилить власть военно-начальствующихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы люди порочные, попавъ въ ряды арміи, съ первыхъ же шаговъ новой жизни видѣли, что въ случаѣ, если они

захотятъ перенести въ нее свои прежнія привычки, съ ними перемониться не будутъ.

Принося несомнѣнную пользу, усиленіе власти начальствующихъ лицъ въ томъ видѣ, какъ мы выше его предложили, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій: расширеніе правъ лица, пользующагося такимъ довѣріемъ правительства, какъ командиръ полка, не можетъ, конечно, внушать какихъ-либо опасеній, что права эти будутъ употребляемы имъ во зло.

Выше мы имѣли случай говорить, что въ зимнее время у насъ производятся въ частяхъ войскъ занятія съ офицерами, состоящія въ рѣшеніи тактическихъ задачъ на планахъ. Хотя самый порядокъ и способъ веденія этихъ занятій точно опредѣлены особою инструкціей, тѣмъ не менѣе они не приносятъ пока той пользы, какую могли бы приносить. Зависитъ это отъ недостатка опытныхъ и свѣдущихъ руководителей, коими, по инструкции, должны быть баталіонные командиры. Извѣстно, что званіе баталіоннаго командира достигается обыкновенно выслугою около 20 лѣтъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ—и только. Въ теченіе этого долгаго срока всѣ свѣдѣнія по военнымъ наукамъ, приобрѣтенныя когда-то въ военно-учебномъ заведеніи, успѣваютъ почти совершенно испариться, а если и уцѣлѣютъ, то все же за ними остается 20-лѣтняя давность, и баталіонные командиры въ большинствѣ случаевъ являются лицами вовсе некомпетентными для занятій съ молодыми офицерами, которые пожалуй и больше и лучше ихъ знаютъ.

Прямыми руководителями техническихъ занятій и проводниками въ войско всѣхъ результатовъ военной науки должны бы являться офицеры генеральнаго штаба: но, къ сожалѣнію, офицеры эти обыкновенно за-

няты въ различныхъ штабахъ всякаго рода канцелярскою перепиской, ничего общаго не имѣющею съ ихъ спеціальностью. Такому офицеру при этой мелочной работѣ, которая съ успѣхомъ могла бы быть выполнена каждымъ строевымъ офицеромъ, и самому-то трудно сохранить познанія, пріобрѣтенныя въ академіи, а чтобы дѣлиться ими съ строевыми офицерами, о томъ и думать нечего, и для пользы дѣла крайне было бы желательно, чтобы офицеры генеральнаго штаба были обращены къ дѣятельности болѣе соотвѣтствующей ихъ спеціальной подготовкѣ, чѣмъ нынѣшняя ихъ канцелярская служба.

Отрадное явленіе въ нашемъ военномъ мірѣ представляетъ широкое развитіе военной литературы, обнимающей самыя разнообразныя стороны жизни войскъ. Труды гг. Драгомірова, Леера и др. пріобрѣли общую извѣстность и даже усердно переводятся на иностранные языки.

Генераломъ Драгоміровымъ, между прочимъ, намѣчена даже особая наука, которой въ будущемъ, быть можетъ, суждена первостепенная роль, именно—военная психологія. Военными авторитетами признано, что всякій успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ условій прежде всего моральныхъ, а затѣмъ уже и матеріальныхъ. Между тѣмъ изслѣдованіе первыхъ до настоящаго времени находится въ зачаточномъ состояніи, тогда какъ, наприм., вопросу о наивыгоднѣйшемъ калибрѣ ружья или крутизнѣ наръзовъ и т. п. посвящаются цѣлыя томы.

Правда, что военная психологія можетъ быть возведена на степень самостоятельной, строго систематической науки лишь съ надлежащимъ развитіемъ психологіи общей. Но и теперь могутъ быть установлены многія положенія, въ высшей степени полезныя какъ

для управленія войсками въ военное время, такъ и въ дѣлѣ мирнаго воспитанія ихъ, а равно при характеристикѣ и оцѣнкѣ лицъ, назначаемыхъ на тѣ или другія должности и проч.

Однимъ изъ настоятельнѣйшихъ требованій, вызываемыхъ современнымъ положеніемъ военного дѣла, является необходимость развитія въ войскахъ частной инициативы въ возможно широкихъ размѣрахъ.

Въ былое время, когда армія, на поляхъ сраженій, двигалась и дралась по командѣ старшаго начальника, всѣ люди, входившіе въ составъ ихъ, должны были изображать собою не что иное какъ автоматовъ, неуклонно исполнявшихъ каждую команду — пушечное мясо, по французской поговоркѣ.

Въ настоящее же время, при полумилліонныхъ арміяхъ, дерущихся на протяженіи 10—20 верстъ, подобное управленіе всей этой страшной массы однимъ лицомъ, разумѣется, невозможно. Единственнымъ средствомъ для цѣлесообразнаго, правильнаго веденія боя является починъ частныхъ начальниковъ, дѣйствующихъ самостоятельно и сознательно, руководствуясь лишь основною идеей плана, составленнаго главнокомандующимъ. И не только всѣ начальники, но и каждый солдатъ, находящійся въ стрѣлковой цѣпи, долженъ обладать извѣстною долей самодѣтельности.

Вопросъ о развитіи частной инициативы неразрывно связанъ съ *важнѣйшимъ* принципомъ военного дѣла, составляющимъ самую сущность его, а именно съ принципомъ взаимной выручки, безъ которой немыслимъ никакой успѣхъ на ратномъ полѣ. Каждый начальникъ, крупный или мелкій, замѣтившій опасность, угрожающую его сосѣду, нравственно обязанъ устремиться ему на помощь, не ожидая никакихъ приказаній.

ній свѣше и не опасаясь отвѣтственности за свой поступокъ.

Въ минувшемъ году на страницахъ журнала *Военный Сборникъ* появилась статья, проливающая новый свѣтъ на причины поражений, понесенныхъ французами въ кампанію 1870—71 гг. До настоящаго времени ходячія мнѣнія о нихъ сводились къ тому, будто нѣмцы въ каждомъ столкновеніи оказывались въ нѣсколько разъ сильнѣе своихъ противниковъ. Названная статья опровергаетъ это мнѣніе цѣлымъ рядомъ такихъ фактовъ, какъ сраженія при Шпихертѣ, Марсъ-ла-Турѣ и др., гдѣ нѣмцы даже уступали въ числѣ французамъ. Истинная причина пораженія безусловно храбрыхъ французскихъ войскъ заключается, по мнѣнію автора, которое трудно оспаривать, въ отсутствіи самостоятельнаго почина со стороны ихъ начальниковъ, большая часть которыхъ спокойно смотрѣла, какъ нѣмцы били ихъ солдатъ-товарищей и не рѣшались двинуться на выручку своимъ, не получивъ на то особаго приказанія.

Совершенно обратное видимъ мы у нѣмцевъ: не только части войскъ, находившіяся на одномъ полѣ сраженія, постоянно выручали другъ друга безъ всякихъ напоминаній свѣше, но и колонны, двигавшіяся вдали отъ мѣста боя, слышавъ канонаду, сворачивали съ назначеннаго имъ пути и шли на выстрѣлы, чтобы поддержать своихъ товарищей.

Подобные уроки должны служить на пользу и намъ; тѣмъ болѣе, что даже въ мирное время мы постоянно видимъ у себя отсутствіе инициативы, вызываемое всеподавляющимъ страхомъ предъ отвѣтственностью. Лучшимъ средствомъ для избѣжанія этой отвѣтственности является точное исполненіе буквы устава, не

гоняясь за внутреннимъ смысломъ его. Если же по какому-либо возникшему вопросу не имѣется точныхъ указаній въ уставѣ или въ законѣ вообще, то рѣдкій начальникъ возьметъ на себя смѣлость разрѣшить его по собственному разумѣнію. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ возникаетъ обширная переписка, переходящая изъ инстанціи въ инстанцію, при чемъ главное искусство веденія этой переписки заключается въ умѣньи ловко „отписываться“, не высказывая ни да ни ~~тѣ~~ по существу дѣла. Отсутствіе гражданскаго мужества, вызывающее слѣпое исполненіе одной лишь буквы закона, не можетъ, разумѣется, оставаться безъ ущерба для дѣла. Лица, ограничивающіяся подобнымъ образомъ дѣйствій, могутъ быть уподоблены рабу въ евангельской притчѣ, убоявшемуся жестокости своего господина и потому зарывшему свой талантъ въ землю: очевидно, что они достойны и такого же возмездія, какое постигло неразумнаго раба. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло нашъ геніальный реформаторъ и полководецъ Петръ Великій, при введеніи устава воинскаго предостерегая не держаться его „аки слѣпой стѣны“, а тѣхъ, кто не внимлетъ этому предостереженію, угрожая „бить батоги нещадно“.

Если въ нашемъ военномъ быту мало самостоятельности въ мирное время, тѣмъ труднѣе ее ожидать при подавляющей обстановкѣ военнаго времени, чему много примѣровъ можетъ представить минувшая русско-турецкая война. Только благодаря узкому формализму и буквальному толкованію закона возможны факты такого рода, что въ одной части войскъ требовалось въ жестокую зимнюю стужу обязательное ношеніе форменныхъ сапогъ, послѣдствіемъ чего оказались сотни отмороженныхъ ногъ, тогда какъ въ дру-

гой, рядомъ стоявшей части, гдѣ люди одѣвались въ валенки и кутали ноги во всевозможное тряпье, подобныхъ случаевъ почти не встрѣчалось.

Для развитія большей самостоятельности среди младшихъ начальниковъ необходимо упроченіе ихъ служебнаго положенія. Если же они приобрѣтутъ въ малыхъ чинахъ привычку къ рѣшительному и самостоятельному образу дѣйствій, они подавно будутъ обладать ею и при повышеніяхъ на болѣе важныя должности.

Въ настоящее время ротные командиры у насъ утверждаютъ въ должностяхъ начальниками дивизій и могутъ быть смѣщены властью командира полка въ дисциплинарномъ порядкѣ. Если принять во вниманіе, что почти всѣ они не имѣютъ иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ получаемого отъ казны содержанія, и многіе при томъ обременены семьями, иногда многочисленными, становится яснымъ, почему лица эти, даже въ самыхъ незначительныхъ вопросахъ, не понимаютъ, какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть, равно какъ ясно и то, что для поддержанія въ человѣкѣ рѣшительности и самостоятельности необходимо сознаніе, что въ мирное время по крайней мѣрѣ удалить его съ занимаемой должности можно не иначе какъ по суду, предъ которымъ онъ имѣлъ бы возможность объясняться и оправдываться, а также и то, что развѣ особые обстоятельства военного времени могутъ требовать примѣненія строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ въ видѣ смѣщенія съ должности и т. п.

Важное въ пѣхотѣ, чувство инициативы еще важнѣе въ кавалеріи: начальникъ небольшой пѣхотной части теряется въ массѣ войскъ, дѣйствующихъ на полѣ сраженія, и ошибки, сдѣланныя имъ, обыкновенно отражаются лишь на командуемой имъ части. Гораздо болѣе

выдающуюся роль приходится играть на войнѣ кавалеристамъ и не только полковымъ и эскадроннымъ командирамъ, но и младшимъ офицерамъ.

Дѣло въ томъ, что сплошь и рядомъ, въ особенности по недостатку офицеровъ генеральнаго штаба, кавалерійскіе офицеры высылаются съ развѣздами для развѣдокъ мѣстности и положенія противника. На основаніи добытыхъ ими свѣдѣній нерѣдко составляются планы дѣйствій для начальниковъ весьма крупныхъ отрядовъ. Понятно, что успѣшное составленіе и выполненіе этихъ плановъ зависитъ въ значительной степени отъ своевременности и достовѣрности доставленныхъ свѣдѣній. Для того же, чтобы добыть подобныя свѣдѣнія, необходимы самая широкая инициатива, рѣшительность и самостоятельность со стороны офицера, которому дается такое важное порученіе.

Но кромѣ этихъ качествъ, для успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи, кавалерійскій офицеръ долженъ обладать возможно широкимъ военнымъ образованіемъ, близко подходящимъ къ образованію офицера генеральнаго штаба. Только глубокое знаніе качествъ противника, его способа веденія войны и т. п. даютъ возможность судить объ истинномъ положеніи дѣла по тѣмъ незначительнымъ признакамъ, которые обыкновенно представляются развѣдчику, и которые для человѣка мало свѣдущаго остаются незамѣтными или же вводятъ его въ заблужденіе.

Между тѣмъ образованіе кавалерійскихъ офицеровъ вообще не только не подходитъ къ намѣченному нами идеалу, но чуть ли, пожалуй, не ниже уровня, на которомъ стоитъ образованіе офицеровъ пѣхотныхъ: программы кавалерійскихъ юнкерскихъ училищъ значительно уже программъ училищъ пѣхотныхъ, да и экзамены

будущимъ кавалеристамъ снисходительнѣе, чѣмъ пѣхотинцамъ.

Причинъ такого ненормальнаго положенія дѣла слѣдуетъ опять-таки искать въ недостаточной матеріальной обеспеченности нашихъ офицеровъ вообще. Мы видѣли, что даже въ пѣхотѣ младшій офицеръ не можетъ существовать на одно казенное содержаніе, не запутываясь въ долгахъ. Въ кавалеріи же ему сверхъ казенной лошади нужна своя собственная, да конское снаряженіе, образцы котораго, кстати замѣтимъ, у насъ мѣняются очень часто, что ведетъ къ новымъ расходамъ; сверхъ того ему необходимо поддерживать установившіяся широкія традиции полка въ смыслѣ внѣшней представительности, такъ что служба въ кавалеріи для человѣка, не имѣющаго собственныхъ средствъ, положительно немислима.

Но чтобы привлечь на военную службу лицъ, обеспеченныхъ матеріально, не ищущихъ въ ней средствъ къ жизни, нельзя слишкомъ взыскательно требовать отъ нихъ научныхъ свѣдѣній, не рискуя остаться вовсе безъ офицеровъ, и волей-неволей приходится смотрѣть сквозь пальцы даже на существенные пробѣлы въ ихъ военномъ образованіи. А для того, чтобы измѣнить этотъ неудобный порядокъ вещей на болѣе нормальный и желательный, опять-таки необходимо поставить матеріальную обеспеченность кавалерійскихъ офицеровъ на такую степень, чтобы въ конницѣ можно было служить не на собственные средства, а на одно казенное содержаніе.

Вотъ тѣ стороны современнаго военного быта, тѣ направленія нашей военной жизни, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, подлежатъ улучшеніямъ и измѣненіямъ, чтобы нашу армію, и доселѣ стоявшую

на высокой степени въ ряду другихъ армій, поставить на степень, возможно близкую къ совершенству.

Что касается нашего флота, о немъ другая рѣчь: доселѣ онъ былъ мертвъ, теперь только начинаетъ оживать. Требования, которыя поставлены нами въ предыдущихъ главахъ—суть элементарныя и первоначальныя на пути къ той цѣли, какая предстоитъ нашему военно-морскому дѣлу. А самую эту цѣль можно выразить такъ: не претендуя на созданіе для Россіи флота, который бы первенствовалъ надъ флотами другихъ державъ—что едва ли для нашего отечества и нужно, такъ какъ оно является державой преимущественно сухопутной,—тѣмъ не менѣе военно-морское управленіе не можетъ не озабочиваться мыслью о сооруженіи хотя скромныхъ, но приличныхъ размѣровъ военного флота, необходимаго по крайней мѣрѣ для удовлетворенія первоначальныхъ требованій морской войны.

Достойно встрѣтить возможнаго морскаго непріятеля, оградивъ отъ его вторженія прибрежныя полосы своихъ владѣній и предоставивъ рѣшеніе участіи войны открытому бою—таково первоначальное требованіе, которое ежедневно можетъ предъявить нашему флоту то или другое стеченіе политическихъ обстоятельствъ.

Тоже стеченіе обстоятельствъ можетъ потребовать отъ него и дѣятельнаго, и притомъ могущественнаго и благодарнаго воспособленія, путемъ военно-морскихъ операций, успѣхамъ сухопутныхъ русскихъ армій. Обоимъ этимъ требованіямъ нашъ флотъ былъ бы въ со-

стояніи удовлетворить въ ближайшемъ будущемъ и потому желательно, чтобы къ приведенію его въ такое состояніе была устремлена вся энергія нашего военно-морского управленія:

Устройство военныхъ портовъ въ Либавѣ и Ревелѣ, созданіе порта съ свободнымъ выходомъ въ океанъ и военно-морского флота, достаточнаго для вспомогательныхъ сухопутнымъ арміямъ услугъ—вотъ тѣ задачи, разрѣшеніемъ коихъ и будетъ положено первое основаніе новой, быть можетъ въ будущемъ столь же славной, исторіи русскаго флота.

Что касается первыхъ двухъ задачъ—необходимость ихъ разрѣшенія, его несомнѣнная польза и полнѣйшая возможность и сами по себѣ достаточно очевидны, и достаточно, полагаемъ, выяснены нами въ предыдущихъ главахъ. Что же касается военно-крейсерскаго флота, то, при таковой же его необходимости и возможности осуществленія, полезность его, помимо тѣхъ соображеній, коими она доказана выше, несомнѣнно подтверждается недавними событіями нашей исторіи, относящимися ко времени послѣдней восточной войны, событіями, ясно показавшими, какое политическое значеніе имѣютъ для насъ не только самъ по себѣ военно-крейсерскій флотъ, но даже слабѣя съ нашей стороны попытки къ его основанію и развитію.

Какъ извѣстно, война 1877 г. своими окончательными результатами отнюдь не оправдала того побѣдоноснаго характера, какимъ отличались ея подробности, на сколько онѣ зависѣли отъ храбрости, геройства и самоотверженія нашихъ войскъ. Изъ множества причинъ, обусловившихъ это странное въ исторіи явленіе, не послѣднюю роль играло сначала скрытое, а потомъ

и обнаружившееся въ посылкѣ броненосной эскадры, противодѣйствіе Англіи.

Въ виду этого обстоятельства, среди немногочисленнаго кружка московскихъ патріотовъ тогда же возникла мысль о необходимости принять какія-либо мѣры къ тому, чтобы на будущее время подобное противодѣйствіе не могло уже оказывать столь неблагоприятнаго для Россіи вoadѣйствія на ея международную политику.

Исходя изъ того соображенія, что Англія, какъ держава преимущественно торговая, не можетъ не быть собенно ревнива къ коммерческимъ интересамъ своихъ гражданъ, русскіе люди, посвятившіе себя разработкѣ этого вопроса, естественно пришли къ заключенію, что лучшимъ средствомъ смирить Англію было бы всегда одно—возможность вредить ея всемірной торговлѣ. Послѣдующимъ отсюда заключеніемъ было то, что для достиженія этой цѣли необходимо имѣть хорошо поставленный крейсерскій флотъ, который бы могъ сновать по всѣмъ океанамъ и морямъ, конфискуя купеческія суда Англіи и тѣмъ сокращая ея торговые выгоды.

Тогда же были приняты, съ Высочайшаго соизволенія и подъ непосредственнымъ покровительствомъ Наслѣдника Престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, мѣры къ осуществленію патріотическаго предпріятія, изъ Москвы объявленъ кличъ по всему русскому народу о пожертвованіяхъ для сей цѣли, въ непродолжительное время собраны милліоны денегъ, а вслѣдъ затѣмъ явилось учрежденіе, получившее, по предложенію пишущаго эти строки, популярное наименованіе *Добровольнаго флота*.

Непривычная на сей разъ быстрота дѣйствій, съ

какою осуществилось это предприятие, произвела сколько отрадное дѣйствіе на всѣхъ русскихъ людей, столь же и удручающее на нашихъ европейскихъ недоброжелателей, и въ томъ числѣ, конечно, преимущественно на Англію: тогдашній заносчивый тонъ ея по отношенію къ Россіи сразу смягчился, одновременно съ тѣмъ, какъ страховыя пошлины по ея морской торговлѣ стали подниматься, въ парламентѣ посыпались запросы о *Добровольномъ флотѣ* и его назначеніи и т. д.

И если столько тревогъ произвели, столько благовременнаго и не бесполезнаго вліянія оказали два-три немудрящихъ каперскихъ судна, съ которыми начиналъ свою жизнь *Добровольный флотъ*, то какой же вѣсъ дали бы нашему отечеству эскадры океанскихъ военныхъ крейсеровъ, созданіе коихъ мы предлагали въ одной изъ предшествующихъ главъ!

И русскому ли великому народу отказывать себѣ въ столь важномъ военно-морскомъ учрежденіи, когда даже политическіе, по сравненію съ нимъ, пигмеи считаютъ священнымъ для себя долгомъ не шадить средствъ для обезпеченія себѣ если не морского могущества, то по крайней мѣрѣ безопасности?

Да и вообще вопросъ о *средствахъ* — для Россіи второстепенный вопросъ: она не только не прожила своихъ средствъ, но, можно сказать, до сихъ поръ еще и не трогала своихъ богатствъ, а скорѣе, подобно евангельскому рабу, зарывала свои таланты въ землю.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ нашей книги, въ изслѣдованіи экономическаго состоянія Россіи, мы надѣемся обстоятельно доказать эту мысль, теперь же скажемъ въ заключеніе, что нѣтъ той тя-

гости, отъ подъятія которой отказался бы русскій народъ, если этою тягостью обезпечивается бытіе, сила, могущество созданнаго имъ государства: справедливость этого соображенія, кажется, весьма ясно доказана всею его исторіей.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
72	1 снизу	п актикѣ	практикѣ
80	10 снизу	роты	роды
86	10 снизу	во	права
90	14 сверху	невзгоды	невыгоды
201	4 снизу	техническихъ	тактическихъ
204	11 сверху	Шпихертѣ	Шпихеряѣ
